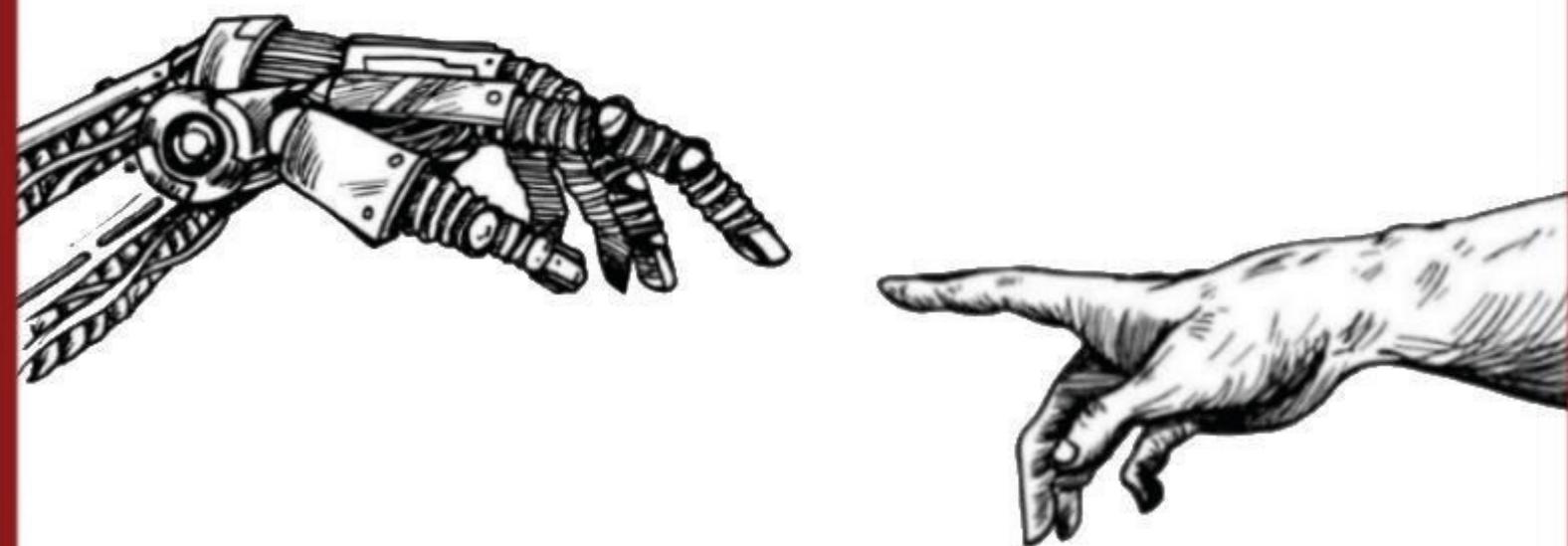

**ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

**ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

VERITAS IN MEDIO EST

**ТОМ 6
НОМЕР 1(18)
2026**

**ISSN:
3034-378X**

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН 2026. ТОМ 6. №1(18)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
Лебедев Александр Николаевич

Заместители главного редактора:

Гордякова О.В. (Москва), Панфилова А.С. (Москва)

Члены редакционной коллегии:

Акопов Г.В. (Самара), Аксеновская Л.Н. (Саратов), Александров Ю.И. (Москва), Аллахвердов В.М. (Санкт-Петербург), Богданчиков С.А. (Москва), Волченков Д. (США, Техас), Гагарина М.А. (Москва), Демидов А.А. (Москва), Знаков В.В. (Москва), Корнилова Т.В. (Москва), Мазилев В.А. (Ярославль), Махнач А.В. (Москва), Нестик Т.А. (Москва), Панов В.И. (Москва), Прохоров А.О. (Казань), Сергиенко Е.А. (Москва), Скотникова И.Г. (Москва), Ушаков Д.В. (Москва), Харламенкова Н.Е. (Москва), Хащенко В.А. (Москва), Холодная М.А. (Москва), Юревич А.В. (Москва)

- 📍 Институт психологии РАН: 129366, г. Москва, ул. Ярославская д. 13, корп. 1.
- ✉ Электронная почта: scientificnotesipras@gmail.com
- 🌐 Полнотекстовая электронная версия журнала публикуется на сайте <https://scientific-letters.ru>

Входит в Единый государственный перечень научных изданий – «Белый список» (К2)

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН
2026. Том 6. № 1(18)

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

От главного редактора 2

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Лебедев А.Н.

Теория поиска значимости А. Круглански (SQT):
от очевидного до невероятного 4

Кибальченко И.А., Эксакусто Т.В.

Особенности когнитивных стилей студентов:
от продуктивности до признаков одаренности 14

Лобанов А.П., Дроздова Н.В., Певнева А.Н.

Майндфулнесс и эмоциональный интеллект студентов-психологов 27

СОЦИАЛЬНАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Соловова Н.А., Гагарина М.А.

Роль социальных и индивидуальных норм в детерминации просоциальных
экономических намерений россиян 34

Сугоняев К.В.

Исследование роли регуляционного интеллекта в социально-экономическом
развитии регионов России: какой показатель предпочесть? 49

Вихман А.А.

Дифференциально-психологический подход к изучению когнитивных искажений 60

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

*Моссэ И.Б., Докукина Т.В., Седляр Н.Г., Моссэ К.А.,
Амельянович М.Д., Янчук Е.П., Голубева Т.С., Гребень Н.Ф.*

Молекулярно-генетические и эпигенетические детерминанты памяти человека 69

Шибяев В.С.

Систематизация показателей творческих достижений регионов
и анализ пригодности показателей теста «Большая пятерка»
в качестве предикторов этих достижений 81

*Буркова В.Н., Бутовская М.Л., Войнова Р.А., Галимханов А.Б., Егорова А.И.,
Калиниченко О.В., Колтун Г.Г., Кониева О.Н., Кудзиева Ф.С., Мантатова Н.В.,
Маштыков С.С., Милаева Т.В., Сподина В.И.*

Связь тревожности личности с представлениями о гендерном равенстве
и отцовской заботе у молодежи девяти регионов России 92

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели журнала *Ученые записки ИПРАН*, коллеги, представляем вам 1(18) выпуск журнала за 2026 год. Публикации этого номера распределены по нашим традиционным рубрикам.

Номер начинается моей статьей под названием «Теория поиска значимости А. Круглански (SQT): от очевидного до невероятного». Это название выбрано неслучайно. Сегодня Ари Круглански является одним из наиболее известных специалистов в мире по психологии экстремизма и политического активизма. Однако в отличие от многих ученых он объясняет мотивацию экстремизма на основе его новой теории, в основе которой лежит так называемая мотивация поиска значимости. Поскольку этот феномен интересует меня много лет, я позволил себе проанализировать некоторые работы А. Круглански и его новую книгу на эту тему, написанную им в 2025 году в соавторстве с журналистом Д. Равивом.

С некоторыми положениями этой теории, высказываниями и аргументами авторов лично я согласиться не могу, как, видимо, с ними не согласятся и многие наши российские коллеги, однако теория интересная и понятие «поиска значимости» может привлечь психологов, которые занимаются социальной психологией личности.

Также в разделе общей психологии представлены еще две публикации, соответствующие содержанию данной рубрики. В публикации наших коллег из Южного федерального университета Кибальченко И.А. и Эсакусто Т.В. представлены результаты исследования динамики метакогнитивных способностей, когнитивных стилей, метакогнитивной одаренности и развивающейся компетентности студентов с позиций ресурсного и метасистемного подходов. Выделены типы студентов по признакам их интеллектуальной зрелости (незрелости) для оценки интеллектуального потенциала.

В статье наших коллег из Беларуси Лобанова А.П., Дроздова Н.В., Певневой А.Н. рассматривается проблема неоднозначности понятия «mindfulness». Обнаружено, что характеристики mindfulness значимо коррелирует с эмоциональным интеллектом, а также с общим, межличностным и внутриличностным эмоциональным интеллектом как способностью.

В рубрику «Социальная, политическая и экономическая психология» включены три статьи. В исследовании наших коллег из Финансового уни-

верситета при Правительстве РФ Солововой Н.А. и Гагариной М.А. изучались факторы, определяющие готовность россиян к просоциальному экономическому поведению в ситуации морального выбора, характеризующегося высокой степенью неопределенности. Показано, что готовность оценивать ситуацию запроса на пожертвование денежных средств как мошенничество или как требующую просоциальных действий определяется социальными и индивидуальными нормами.

В работе Сугоняева К.В. изучается роль популяционного интеллекта в социально-экономическом развитии регионов РФ. В исследовании, в частности, показано, что обоснованность использования усредненных данных популяционного интеллекта не выявляет преимуществ оценок, отражающих интеллект наиболее и наименее «умной» частей населения.

В статье Вихмана А.А. отмечается дефицит валидных методов и комплексных исследований индивидуальных различий в склонности к систематической иррациональности и обсуждаются перспективы дифференциально-психологического подхода к исследованию когнитивных искажений в отечественной психологии. Автор предлагает подход, ключевой задачей которого является не констатация индивидуальных различий, а выявление и моделирование устойчивых структур и связей, которые определяют индивидуальную склонность к искажениям.

В разделе «Междисциплинарные исследования когнитивных процессов» мы разместили три публикации, которые представляются интересными именно как междисциплинарные. В статье наших коллег из Беларуси Моссэ И.Б. с соавторами, посвященной изучению молекулярно-генетических и эпигенетических детерминант памяти человека, представлены результаты исследования ассоциации ряда полиморфных вариантов генов нейромедиаторных систем мозга с уровнем кратковременной и долговременной памяти. Рассматривается опыт разработки панели генов для анализа методом секвенирования нового поколения эпигенетических локусов, ассоциированных с функционированием памяти человека.

Как отмечают авторы, в результате данного исследования впервые в мире установлено, что высокий уровень метилирования (>80%) энхансерной области гена AGO2 достоверно ассоциирован с низкой долговременной памятью и низким уровнем интеллекта (IQ<80).

В публикации Шибаева В.С. проводится систематизация показателей творческих достижений регионов и проводится анализ пригодности показателей теста Big5 в качестве предиктора таких достижений. Результаты указывают на то, что высокий национальный интеллект является необходимым, но недостаточным условием для выдающихся творческих прорывов стран.

Рубрика и номер завершаются статьей большой группы авторов, в которой рассматривается связь уровня личностной тревожности с представлениями о гендерном равенстве и отцовской заботе у молодежи. Исследование является круп-

номасштабным и фундаментальным, так как оно проводилось в девяти регионах России. Полученные результаты свидетельствуют о том, что трансформация традиционных семейных ценностей может негативно влиять на психологическое благополучие, причем женская часть населения оказывается наиболее уязвимой. Существенное значение в этом процессе имеют социокультурные детерминанты.

Уважаемые коллеги, мы с нетерпением ждем ваших новых материалов и участия в заседаниях Академического дискуссионного клуба ИПРАН, который ассоциирован с нашим журналом.

С уважением,
главный редактор журнала,
доктор психологических наук, Лебедев Александр Николаевич

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

ТЕОРИЯ ПОИСКА ЗНАЧИМОСТИ А. КРУГЛАНСКИ (SQT): ОТ ОЧЕВИДНОГО ДО НЕВЕРОЯТНОГО

© Лебедев А. Н.

Доктор психологических наук, Институт психологии РАН, Москва, Россия,
lebedev-lubimov@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-1030-9709

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки
и высшего образования РФ (тема № 0138–2026–0015).

Для цитирования:

Лебедев А. Н.

Теория поиска значимости А. Круглански (SQT): от очевидного до невероятного // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2026. Т. 6, № 1(18). С. 4-13.

DOI: 10.38098/proceedings_2026_06_01_01

Lebedev A.N.

A. Kruglansky's significance quest theory (SQT): from the obvious to the incredible. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2026, Vol. 6, No 1(18), Pp. 4-13.

DOI: 10.38098/proceedings_2026_06_01_01

В статье рассматривается теория американского психолога А. Круглански, которая называется «Теория поиска значимости» (*Significance Quest Theory, SQT*) и представлена в его последней книге «Поиск значимости: власть потребности, которая заставляет мир вращаться» (*The Quest for Significance: Harnessing the Need that Makes the World Go Round*), написанной в 2025 году в соавторстве с американским журналистом Д. Равивом. А. Круглански является лауреатом премии Американской психологической ассоциации за выдающиеся научные достижения 2019 года. Он известный мировой эксперт в области психологии насильственного экстремизма и политической активности. В книге А. Круглански и Д. Равив утверждают, что все люди испытывают фундаментальную потребность ощущать свою значимость и способны чувствовать, что их существование имеет некий «особый смысл». Стремление к значимости определяет большую часть наших мыслей, чувств и действий. Обсуждая вопрос о том, как возника-

ет способность переживать чувство значимости, авторы обращаются к теории сознания (*Theory of Mind*) Д.Г. Премака и Г. Вудраффа, которая пользуется большой популярностью в наши дни.

Ключевые слова: личность, мотивация, поиск значимости, опредмечивание потребности, теория психического, методология психологии

Введение

В последние годы среди работ специалистов в области социальной психологии и психологии личности особо выделяются труды известного американского психолога Ари Круглански (Arie W. Kruglanski). Привлекает внимание одна из его последних публикаций — книга «THE QUEST FOR SIGNIFICANCE. Harnessing the Need that Makes the World Go Round» (2025), написан-

ная в соавторстве с журналистом Дэном Равивом (Dan Raviv). Издание, рассчитанное на широкий круг читателей, иллюстрирует одну из наиболее известных теорий А. Круглански — теорию поиска значимости (*Significance Quest Theory, SQT*). Авторы приводят ссылки как на собственные исследования, так и на работы психологов прошлого века, что делает книгу легкой для восприятия и сближает ее с научно-популярной литературой¹.

¹ В отзыве на книгу хорошо известный в нашей стране американский психолог Р. Чалдини пишет: «В этом новаторском исследовании человеческой мотивации Ари Круглански и Дэн Равив раскрывают, как наша универсальная потребность чувствовать себя значимым формирует всё — от наших самых близких отношений до исторических событий, меняющих мир. Проливая свет на этот фундаментальный драйв, авторы дают универсальный ключ, открывающий глубокое понимание отношений, воспитания детей, карьеры, лидерства, психического здоровья, общественных движений и даже корней экстремизма, давая нам возможность ориентироваться в жизненных сложностях с большей мудростью, эмпатией и эффективностью. Эта книга изменит ваш взгляд на себя и других, предлагая мощную линзу, через которую можно понимать человеческое поведение в быстро меняющемся мире».

В книге много говорится о ярких личностях — политиках, ученых, актерах, бизнесменах. Однако определить, кому именно из соавторов принадлежат отдельные идеи, высказывания, комментарии или выводы, не представляется возможным: Дэн Равив — автор бестселлеров, 40 лет освещавший для CBS News темы войны, шпионажа, дипломатии и политики. Сложно также оценить достоверность некоторых фактов, приводимых в качестве иллюстраций SQT.

В данной статье мы не ставили перед собой задачу детально проанализировать книгу, теорию или творчество А. Круглански в целом. Представленная книга, скорее всего, не будет издана в нашей стране по ряду причин, которые становятся очевидны из текста. Тем не менее, учитывая уровень автора теории и ее высокую оценку ведущими психологами мира, важно знать о существовании этой публикации. Это необходимо, чтобы российские психологи могли составить собственное представление о теории, методологические и философские основания которой существенно отличаются от основ отечественной науки.

А. Круглански и его вклад в науку

А. Круглански (род. 1939) — американский психолог польского происхождения, заслуженный профессор психологии Мэрилендского университета (Колледж-Парк). Он известен работами о системах целей, регуляторных механизмах и когнитивной закрытости, а также является ведущим специалистом в области психологии насильственного экстремизма и политического активизма. Сфера его научных интересов охватывает психологию мотивации и познания, групповые процессы и межличностные отношения.

А. Круглански сформулировал ряд значимых теорий, в частности, в 1989 году — теорию обыденной эпистемики (и ее аналог — теорию эпистемических мотиваций), в 2000 году совместно с Э. Тори Хиггинсом — теорию регуляторных режимов, в 2002 году — теорию систем целей, в 2021 году — психологическую теорию экстремизма и в 2022 году — теорию поиска значимости (SQT). Эти теории стимулировали эмпирические исследования в различных областях психологии и привели к разработке шкал для измерения потребности в когнитивной завершенности (совместно с Донной Вебстер, 1994) и регуляторных механизмов локомоции и оценки (совместно с Э. Тори Хиггинсом, 2000).

А. Круглански — лауреат премии Американской психологической ассоциации (APA) 2019 года за выдающийся научный вклад (Award for Distinguished Scientific Contributions), высшей награды APA, при-

суждаемой за значительный вклад в развитие психологии. Эта награда подтверждает его статус одного из самых влиятельных теоретиков и исследователей в мировой социальной и когнитивной психологии.

После терактов 11 сентября А. Круглански стал соучредителем центра передового опыта START (Мэрилендский университет), занимающегося изучением терроризма и противодействием ему. Он проводил исследования в области психологии терроризма и радикализации в различных регионах мира, включая Шри-Ланку, Филиппины, Индонезию, страны Магриба, Ближний Восток, Европу и США. На основе своих работ он разработал модель радикализации 3N, включающую три ключевых параметра: потребность (*need*), нарратив (*narrative*) и сеть (*network*).

В своих исследованиях А. Круглански и его сотрудники используют разнообразные методы, в том числе лабораторные эксперименты, нейробиологические подходы, компьютерное моделирование, анализ текстов и опросы. Ученый занимал пост главного редактора журналов *Journal of Personality and Social Psychology* и *Personality and Social Psychology Bulletin*, был заместителем редактора *American Psychologist*, а также президентом Общества изучения мотивации (2014–2015). Он входит в состав нескольких редакционных коллегий, включая редколлегию *Psychological Review*.

Книга о потребности в значимости, которая заставляет мир вращаться

Как бы сказали в СССР, книга А. Круглански и Д. Равива «THE QUEST FOR SIGNIFICANCE» — классический продукт сугубо «западных» авторов. В ней предлагается рассматривать личность, особенно выдающуюся и известную, сквозь призму реализации потребности в субъективно определяемой личностной и социальной значимости. Феномен поиска значимости, анализируемый в этой книге и в более академических работах А. Круглански, привлекает особое внимание, поскольку до появления SQT его проявления изучались многими психологами на теоретическом и эмпирическом уровне, хотя и в иной терминологии.

Как отмечают сами авторы, данный феномен рассматривался при изучении близких явлений: мотивации достижения успеха и избегания неудачи, Я-концепции, самооценки, социальных сравнений, самодетерминации, высших социальных эмоций, уровня притязаний, комплекса неполноценности и других.

В начале книги авторы вспоминают знаменитый бестселлер Дейла Карнеги «Как делать друзей и оказывать влияние на людей» (1936). Кни-

га Д. Карнеги, приобретенная 30 миллионами читателей, переведенная на десятки языков и занявшая 19-е место в списке 100 самых влиятельных книг XX века по версии *Time*, стала известна в СССР лишь в начале 1980-х. Долгое время ее полный текст находился в библиотеках под грифом «для служебного пользования» и рассматривался как литература «буржуазного влияния». Сегодня она доступна каждому. По содержанию и стилю работа Д. Карнеги близка книге А. Круглански и Д. Равива: речь идет о схожем феномене, но под иным углом зрения и без использования термина «значимость». Например, Д. Карнеги фактически учит читателей отказываться от собственных амбиций и тщеславия ради достижения цели.

А. Круглански и Д. Равив утверждают, что всем людям свойственна фундаментальная потребность ощущать себя значимыми, чувствовать, что их существование имеет «особый смысл». Стремление к значимости является центральным элементом психики и определяет большую часть мыслей, чувств и поступков. Эта потребность универсальна и не связана с психической патологией (нарциссическим, истерическим расстройством или эгоцентризмом).

Рассматривая природу этого феномена, авторы отмечают, что антропологи обнаружили бесчисленные свидетельства того, что укрепление собственного имиджа сопровождается человеческое поведение с древнейших времен. В архаических обществах эффективным способом создания репутации была охота — выслеживание, преследование и умерщвление зверя. Основной мотивацией при этом было желание «покрасоваться» и продемонстрировать свою значимость для племени.

Эволюция человека заключалась не только в прямохождении или переходе от мычания к речи, но и в развитии мотивации быть значимым и важным. Это побуждало ранних людей вкладывать ресурсы в занятия, выходящие за рамки простого добывания пищи. Охота и искусство стали прекрасными примерами обретения чувства значимости.

Создание искусства, по мнению авторов, подпадает под форму затратной сигнализации (*costly signaling*), поскольку требует огромных усилий: добычи материалов, длительного созидания, росписи сцен охоты. Художник демонстрировал готовность тратить усилия ради эстетического удовольствия соплеменников, что само по себе указывало на действие поиска значимости. Поскольку искусство было редким навыком, высоко ценным в племени, художник сигнализировал о своей социальной ценности, становясь значимой личностью в глазах общества. Авторы ссылаются

на исследование предпочтений при выборе партнера, проведенное в 37 культурах мира, которое показало, что качество «быть творческим и артистичным» заняло шестую по важности позицию для женщин и седьмую для мужчин из 13 характеристик сексуальной привлекательности (Buss, Barnes, 1986). Те, кто прилагал больше усилий для создания общедоступного искусства, сообщали о большем количестве половых партнеров (Beaussart, Kaufman et al., 2012; Clegg, Nettle, Miell, 2011; Lagne, Euler, 2014).

Говоря о природе потребности в значимости, авторы не выдвигают идей, принципиально новых для российских ученых. Главный фактор повышенного стремления к значимости — генетика. Именно ею объясняется разница в амбициозности и силе желания обладать социальной ценностью. В качестве примера приводится известное миннесотское исследование однояйцевых близнецов, выросших в разных семьях: около 70% различий в интеллекте было отнесено на счет генетических факторов, а около 30% — на влияние среды.

Второй фактор — воспитание. А. Круглански и Д. Равив много пишут о типах воспитания у разных народов, отмечая, что формируемое ими стремление к значимости положительно сказывается на экономическом развитии стран. Отечественные психологи, вероятно, усмотрели бы здесь противоречие, указав, что сам тип воспитания зависит от общественно-экономической формации и уровня развития рыночных отношений. С точки зрения отечественной методологии, опирающейся на исторический материализм, именно характер развития рынка создает условия для воспитания у людей стремления к значимости. В книге об этом тоже говорится, однако парадокс «яйца и курицы» придает SQT оттенок неполноты и незавершенности.

Третий фактор — окружающая среда, культура и субкультуры. Культуры, по мнению авторов, различаются тем, какие модели поведения и виды деятельности наделяют человека социальной ценностью, признанием и уважением. Такое признание всецело зависит от ценностей, важных для конкретной группы (общества, нации, организации и т. д.).

Обсуждая возникновение способности к переживанию чувства собственной значимости, авторы обращаются к популярной сегодня теории психического (*Theory of Mind*) Д. Премака и Г. Вудруфа (Premack, Woodruff, 1978), основы которой были заложены работами предшественников, в частности Ж. Пиаже. Модель психического позволяет человеку приписывать психические состояния как

себе, так и другим, понимая, что чужое сознание отличается от его собственного. Благодаря этому человек осознает свою значимость и ведет себя соответствующим образом. Важный аспект этой модели — осознание, что собственное психическое состояние не тождественно состоянию другого человека. Поскольку ментальные состояния непосредственно не наблюдаемы, допущение их существования у других является теорией. Считается, что модель психического появляется у ребенка в возрасте 3–4 лет, вместе с развитием грамматически правильной речи и других когнитивных способностей.

Настоящий поиск значимости, как считают А. Круглански и Д. Равив, развивается позже, примерно в 4–5 лет, когда у детей формируется способность понимать, что мысли других могут отличаться от их собственных. Обретя эту способность к социальному восприятию, ребенок начинает осознавать, что оценка окружающих может не совпадать с его самооценкой и что ему, возможно, нужно соответствовать неким стандартам ценности. Это осознание знаменует начало озабоченности ребенка тем, как его оценивают другие, пробуждая интерес к социальной ценности и закладывая семена стремления к значимости.

По мнению авторов, есть веские доказательства того, что желание быть значимым в глазах окружающих — важная часть человеческой природы, неотъемлемый аспект нашей социальности. Забота о своей социальной ценности — это то, что значит быть человеком. Свидетельства человеческих амбиций, желания произвести впечатление и «покрасоваться» в изобилии встречаются как в древних повествованиях, так и в современной литературе. Именно стремление к высокой значимости, считают авторы, стимулировало человеческую изобретательность и стало главной движущей силой развития культуры, искусства, науки и техники. Когда вы сыты и обеспечены, пишут авторы, остается лишь ненасыщаемая потребность в значимости. Она бесконечна. Здесь отечественный психолог, возможно, заметил бы, что единственная известная ему ненасыщаемая потребность — это потребность в знаниях.

Значимость, по мнению А. Круглански и Д. Равива, можно обрести разными путями (*Means of Significance*): через карьерные успехи, заботу о семье, творчество, спорт, альтруизм (просоциальные пути). Однако теория фокусируется на том, что, когда легитимные мирные пути кажутся недоступными или неэффективными, человек может обратиться к антисоциальным и радикальным способам обретения значимости. Экстремист-

ские группы и идеологии предлагают мощный и быстрый «нарратив значимости»: четкую цель (борьба за «священную» ценность), обещание уважения и героического статуса внутри группы, простую картину мира («мы» против «них»), где унижение объясняется действиями врага, и легитимизацию насилия как средства восстановления справедливости и обретения вечной значимости (мученичество).

А. Круглански и Д. Равив полагают, что поиск значимости лежит в основе не только романтической любви, дружбы и преданности, но также способствует ненависти и насилию. Он движет щедрой самоотдачей художников и гуманистов, но питает и ненасытную жажду власти тиранов и диктаторов. Поиск значимости подпитывает крупные социальные движения, войны и революции. Важные события происходят, когда одна группа людей — представители определенной национальности, расы, этнической, религиозной или гендерной принадлежности — чувствует, что другие лишают ее значимости или не придают ей должного значения.

То, что заставляет людей чувствовать себя значимыми, во многом зависит от ценностей, которые культура или субкультура используют для оценки значимости человека. Некоторые из этих ценностей — моральные (например, честность, щедрость, доброта), другие — материальные (деньги, состояние, власть).

Возможно, большинство ученых-психологов не найдет в этом подходе особой оригинальности или научной новизны. Однако для А. Круглански и Д. Равива поиск значимости — это не характеристика отдельных наиболее социально активных людей, а универсальная фундаментальная потребность, свойственная всем без исключения. Эта потребность опредмечивается относительно случайным образом. Выбор способов самовыражения для переживания собственной значимости, в соответствии с данной концепцией, присущ всем нормальным людям и определяется самой личностью. Более того, поиск значимости, направленность и мотивация личности могут кардинально меняться в зависимости от обстоятельств, например, если человек приходит к выводу, что достигнутые успехи не соответствуют его представлениям о собственной значимости.

Теория SQT

Теория поиска значимости, представленная в книге, как и многие современные зарубежные психологические теории, может быть сведена к нескольким простым формулировкам или по-

ложениям (чаще всего трем). Такова, например, теория личности З. Фрейда, теория социально-психологической установки М. Смита, теория межличностных отношений и психологической совместимости (FIRO) У. Шутца, теория «зеркального Я» Ч. Кули и другие. В одних случаях это связано с популярностью факторного анализа, в других — определяется «интуицией» автора. Поэтому теория А. Круглански почти традиционно также состоит из трех компонентов, обозначаемых символом 3N: потребность (*need*), нарратив (*narrative*) и сеть (*network*).

В отличие от многословных отечественных психологических теорий, зарубежные не требуют строгого соблюдения методологических принципов вроде историзма, детерминизма или системности, как, например, теория «разбитых окон» или теория «поколений» (Лебедев, 2025).

Науковеды и методологи обычно выделяют в психологии личности несколько типов теорий, сформировавшихся в рамках различных парадигм и подходов. В частности, *поведенческие теории* — рассматривают личность как совокупность поведенческих паттернов, сформированных через научение; *когнитивные теории* — фокусируются на роли мышления и личностных конструктов в восприятии мира и адаптации к нему; *диспозиционные теории* — изучают устойчивые личностные черты и их биологические основы; *гуманистические теории* — акцентируют внимание на стремлении человека к самоактуализации и раскрытию своего потенциала. В типологиях возможны варианты, но в целом выделяются именно эти типы (Лебедев, 2022).

Однако для А. Круглански в рамках практически любой теории личности и подхода можно выделить область поиска значимости. Например, люди легко усваивают лишь ту информацию, которая соответствует их представлениям о значимости, раскрывают свой потенциал только в социально значимых для них областях. Даже на бессознательном уровне проявляются неосознаваемые стремления достичь результатов, позволяющих эмоционально пережить собственную значимость в референтной *in*-группе. Авторы пишут, что люди быстро замечают стремление к значимости у других, но часто отрицают, что сами жаждут быть важными и замеченными.

В настоящее время, с появлением сложных технических средств и методов машинной обработки информации, крупные научные исследования проводятся на основе больших данных, преимущественно в рамках диспозиционных теорий и в традициях теории черт. Подход А. Круглански,

судя по его многочисленным работам, с одной стороны, предельно интегративен, поскольку в основу личности положена, по сути, одна ведущая потребность — в поиске значимости, основанная на чувстве собственного достоинства и регулирующая поведение человека во всех сферах жизни. С другой стороны, личность перестает быть целостной и может развиваться или деградировать (с точки зрения общепринятых культурных ценностей) в зависимости от того, с чем она сталкивается в определенные периоды жизни и что субъективно выбирает для себя как главную ценность и цель личностного роста из множества возможных вариантов.

Согласно теории А. Круглански, человек — существо, переживающее удовольствие от собственной значимости и неудовольствие от ее снижения. В этом случае вся иная мотивация оказывается лишь отражением динамики чувства собственной значимости. То есть чувства стыда, гордости, вины, справедливости, патриотизма и другие переживания суть вторичные проявления чувства собственной значимости.

Критика SQT с позиции отечественной социальной психологии личности

Как известно, в отечественной (и не только) психологии личность чаще всего рассматривалась как устойчивая и целостная система, формирующаяся в процессе усвоения социокультурного опыта. С.Л. Рубинштейн подчеркивал важность изучения не только отдельных психических процессов, свойств и состояний, но и того, как воспринимает и мыслит человек — личностный принцип, то есть зависимость всех психических процессов от личности как единого основания. По С.Л. Рубинштейну, в развитии личности непрерывно происходит формирование сознания и самосознания. Аналогичную позицию занимали Б.Г. Ананьев и многие другие советские психологи.

А.Н. Леонтьев предложил понятие личностного смысла как ключевую единицу анализа личности. По сути, это глобальная психологическая установка, обеспечивающая устойчивость личности во времени. При этом не исключалась возможность изменения негативных сторон личности. Личность, согласно теории деятельности, — относительно поздний продукт общественно-исторического и онтогенетического развития человека.

К.К. Платонов рассматривал личность как динамическую систему, развивающуюся во времени, изменяющую состав элементов и связи между ними, но сохраняющую основные функции. В.Н. Мясищев разработал концепцию личности

через отношения, определяя личность как «систему отношений, в которых она проявляется во всей полноте и целостности».

Ни один из перечисленных и других советских психологов никогда бы не стал рассматривать основную мотивацию развития личности так, как это делают А. Круглански и Д. Равив. Это не значит, что они не понимали важности этого феномена. Знаменитые слова А.С. Пушкина («Ай да Пушкин, ай да сукин сын!»), якобы произнесенные после создания драмы «Борис Годунов», часто фигурировали в научно-популярных статьях советских психологов при рассмотрении природы творческой мотивации, однако никому тогда не пришло бы в голову заявлять, что чувство собственной значимости — это универсальная потребность, а способы ее достижения выбираются относительно случайно, например, ради того, чтобы выделиться из «скучной серой массы» (Кон, 1967, 1978, 1984).

Более того, в тех идеологически непростых условиях многие советские ученые-психологи использовали жанр научно-популярной литературы, чтобы в доходчивой форме донести до широкой аудитории собственные идеи, которые не могли представить в академическом жанре из-за рецензирования на предмет соответствия советской идеологии и методологии. Не разрешалось позитивно использовать не рекомендованную терминологию (подсознание, бессознательное, авторитаризм, конформизм и т.п.), а также понятия, близкие к поиску значимости. Чтобы сделать доступными идеи западных ученых, некоторые советские авторы писали критические статьи и даже книги, чтобы их не обвинили в пропаганде «чуждых идей».

Принцип детерминизма при изучении личности был абсолютным еще и потому, что в советской психологии изучение реальной личности долгое время подменялось идеологической установкой на формирование личности «нового коммунистического типа», представление о которой полностью расходилось с тем, о чем сегодня пишут А. Круглански и Д. Равив (Лебедев, 2024а; Лебедев, 2025; Материалы XXII съезда КПСС, 1961).

Основу марксистско-ленинской философии и методологии науки составляло положение о том, что у всех экономических, политических и иных процессов («Политика — концентрированное выражение экономики») есть объективная материальная основа, не зависящая от субъективных (психологических) факторов. В их фундаменте лежит труд, а не поиск «дешевой популярности» или «самолюбование» не вполне идеологически подкованных творческих личностей.

Так, марксист Г.В. Плеханов в работах «Письма без адреса», «Искусство и общественная жизнь» и других отстаивал материалистическую теорию происхождения искусства (Плеханов, 1956). Он применял теорию исторического материализма к эстетике, критиковал идеалистические теории и «реакционные течения современного буржуазного искусства», подчеркивал связь искусства с экономикой: «Искусство всякого данного народа всегда стоит в теснейшей причинной связи с его экономикой».

Поэтому первое, что вряд ли примут отечественные ученые-психологи, особенно старой школы, — это идея поиска значимости как универсальной потребности любой личности, особенно когда этой потребностью объясняют поступки политических лидеров и руководителей стран. Поиск значимости, пишут авторы, — не что иное, как «мать» всех социальных мотиваций.

Здесь уместно вспомнить критику фрейдизма, которой уделяли значительное внимание советские ученые. Психоанализ как психотерапевтическую методику и даже как фальсифицируемую теорию принимали, хотя и со скрипом, но, когда инстинктом разрушения или сексуальным инстинктом объясняли культуру, политику и экономические явления (такие публикации, например в психологии маркетинга, встречались), это осуждалось и именовалось фрейдизмом (Лебедев-Любимов, 2007).

Значительную часть книги А. Круглански и Д. Равив посвящают отказу людей, находящихся в стрессовой ситуации, от «крысиных бегов» — приобретения благ цивилизации для демонстрации личных достижений, богатства и получения удовольствия от собственной значимости. Они пишут, что в последние десятилетия люди все чаще обращаются к альтернативному образу жизни, позволяющему забыть о своем эго и освободиться от бремени постоянного доказательства состоятельности.

Как отмечают авторы, эти альтернативы во многом восходят к буддийской философии, и те, кто изучает соответствующие техники, учатся отстраняться от забот, связанных со значимостью. Авторы пишут о медитации осознанности, отстраненности и других духовных практиках. Однако бросается в глаза, что уход от цивилизации в буддизм или дауншифтинг чаще всего приводит к переходу от одной системы ценностей к другой, где человек получает новые, но психологически аналогичные установки для переживания удовольствия от собственной значимости, попадая в зависимость от нее, пусть и в несколько измененной форме.

SQT и практика

При всей возможной критике SQT, предложенной А. Круглански, мы не можем отрицать не только ее научную значимость, но и практическую пользу, по крайней мере в социальной психологии и ряде прикладных отраслей. В 1990-е годы, когда Россия переходила от плановой экономики к рыночной, оказались востребованы исследования в области экономической психологии, а также психологии рекламы и маркетинга (Лебедев-Любимов, 2007). В то время зарождающийся бизнес только начинал знакомиться с западным опытом, и психология потребительского поведения была мало изучена.

Однако идеи, представленные сегодня в работах А. Круглански в виде теории, уже тогда находили широкое применение, особенно в такой области маркетинговых коммуникаций, как брендинг (Лебедев, Гордякова, 2015). В наших научных и прикладных исследованиях, выполнявшихся для частных компаний, этот опыт был описан в рамках концепции рекламы как «коммуникации для коммуникации» (C-to-C) (Лебедев-Любимов, 2007). Реклама C-to-C основана на психологическом механизме поиска значимости и маркетинговом приеме, суть которого заключается в организации презентации товаров и услуг таким образом, чтобы потребитель, приобретая их (прежде всего престижные), сам «становился рекламистом».

В результате товар, по сути, рекламируется дважды и бесплатно: сначала рекламным агентством, а затем самим потребителем в его референтном окружении. Приобретаемый товар становится средством самовыражения и удовлетворения чувства значимости. Одним из первых психологов, осознавших этот механизм, был основатель американского бихевиоризма и автор термина «Я-концепция» — Д. Уотсон, предложивший привлекать известных людей к рекламе товаров и услуг, что также основывалось на механизме опредмечивания значимости и сделало психологию рекламы востребованной прикладной дисциплиной (Лебедев-Любимов, 2007).

Принцип рекламы C-to-C сегодня повсеместно применяется в бизнесе для решения задач имиджа компаний и брендинга товаров с помощью таких инструментов маркетинговых коммуникаций, как сувенирная продукция. Потребителю дарят бейсболку или футболку (мерч), и он бесплатно рекламирует компанию или товар. Так же психологически точно работает реклама престижных товаров: потребитель, покупая мерседес, с удовольствием демонстрирует его символику широкой аудитории, получая удовольствие от собственной значимости.

В этом случае даже самые простые товары могут быть более востребованы, если они свидетельствуют о социальной состоятельности владельца и способствуют эмоциональному переживанию чувства собственной значимости.

Идеи, представленные в теории поиска значимости А. Круглански, всегда были нам близки и понятны, поэтому в 1990-е годы нам достаточно легко удавалось убеждать бизнесменов в целесообразности применения имиджевых приемов не только для рекламы престижных, но и самых обычных товаров, например, электронной техники, банковских услуг и даже медицинских препаратов (Лебедев-Любимов, 2007).

Заключение

Рассматриваемая теория поиска значимости А. Круглански (SQT) и написанная им в соавторстве с Д. Равивом книга, скорее всего, вызовут противоречивые чувства у российских ученых-психологов, хотя, без сомнения, могут привлечь практиков. С одной стороны, эта теория обобщает данные о явлении, которое с конца XIX века изучалось в мировой психологии с разных сторон многими исследователями. С другой — она удачно выделяется на фоне частных исследований и теорий и в сегодняшних реалиях воспринимается как вполне конкретная и самостоятельная, хотя и не совсем завершенная.

Значимость в концепции А. Круглански выступает скорее объяснительным принципом, чем предметом исследования. Именно поэтому авторы описывают любые психологические феномены преимущественно через термин «значимость», фактически не рассматривая его связь с другими психологическими понятиями и процессами (восприятием, мышлением, памятью и др.), хотя такая связь, несомненно, существует.

В книге нет ни глубокого анализа психологического механизма личностной значимости (скрытой последовательности причинно-следственных связей), ни механизмов развития, ни какой-либо типологии — то есть всего того, к чему привыкли российские ученые-психологи и что воспринимается ими как предмет глубокого научного исследования.

Авторы пишут о значимости в разных сферах деятельности и о ее проявлениях у разных людей, что на первый взгляд создает настолько поверхностное впечатление о феномене, что он может показаться очевидным и не заслуживающим внимания. Поэтому, возможно, многие читатели скажут, что в этой теории нет ничего принципиально нового, кроме удачного термина и заявки на глобальное понимание личности человека.

Однако большинство ученых, вероятно, согласятся с тем, что экономист должен смотреть на мир с позиции экономики, политолог — политологии, а психолог — психологии. Психологу необходимо рассматривать объекты своего исследования в системе психологических понятий, а для этого нужна такая система. Именно поэтому

теория А. Круглански нам интересна. Очевидно, что термин «поиск значимости» вполне удачно заполняет образовавшуюся в социальной психологии личности терминологическую лауну, а исследования в этом направлении, востребованные и наукой, и практикой, несомненно, будут продолжаться (Лебедев, 2024б).

Литература:

- Карнеги Д.* Как делать друзей и оказывать влияние на людей. М.: Издательство АСТ, 2024.
- Кон И. С.* В поисках себя. Личность и ее самосознание. М.: «Политиздат», 1984.
- Кон И. С.* Открытие «Я». М.: Политиздат, 1978.
- Кон И. С.* Социология личности. М.: Изд-во политической литературы, 1967.
- Лебедев А. Н.* Проблемы и перспективы развития психологии личности в современной России // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2022. Т. 2. № 3. С. 4–21. DOI:10.38098/proceedings_2022_02_03_02
- Лебедев А. Н.* Зарубежная и отечественная социальная психология советского периода: всеобщее — особенное — единичное // Ученые записки Института психологии РАН. 2025. № 1(14). С. 70–78.
- Лебедев А. Н.* Советский социалистический коллектив, национальный характер и аффективно-ценностная поляризация российского общества // Советская психология: этап истории науки и менталитет / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.В. Ушаков, А.В. Юревич. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2024а. С. 588–625.
- Лебедев А. Н.* Теория поиска значимости и методологические проблемы изучения феномена ценностно-аффективной поляризации социальных групп // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2024б. Т. 4. № 3. С. 57–68. DOI:10.38098/proceedings_2024_04_03_06
- Лебедев А. Н., Гордякова О. В.* Личность в системе маркетинговых коммуникаций. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Лебедев-Любимов А. Н.* Психология рекламы. 2-е издание, переработанное и дополненное. СПб.: Питер, 2007.
- Материалы XXII съезда КПСС. М.: Госполитиздат, 1961.
- Плеханов Г. В.* Письма без адреса; Искусство и общественная жизнь / Послесл. и примеч. У. Гуральника. Москва: Гослитиздат, 1956.
- Beaussart M. L., Kaufman S. B., Kaufman J. C.* Creative Activity, Personality, Mental Illness, and Short-Term Mating Success // *Journal of Creative Behavior*. 2012. Vol. 46. P. 151–167.
- Buss D. M., Barnes M.* Preferences in Human Mate Selection // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1986. Vol. 50. No. 3. P. 559–570.
- Clegg H., Nettle D., Miell D.* Status and Mating Success Amongst Visual Artists // *Frontiers in Psychology*. 2011. Vol. 2. P. 310.
- Kruglanski A. W., Chen X., Dechesne M., Fishman S., Orehek E.* Fully committed: Suicide bombers' motivation and the quest for personal significance // *Political Psychology*. 2009. Vol. 30(3). P. 331–357.
- Kruglanski A. W., Gelfand M. J., Bélanger J. J., Sheveland A., Hetiarachchi M., Gunaratna R.* The psychology of radicalization and deradicalization: How significance quest impacts violent extremism // *Advances in Political Psychology*. 2014. Vol. 35(S1). P. 69–93.
- Kruglanski A. W., Jasko K., Chernikova M., Dugas M., Webber D.* The making of violent extremists // *Review of General Psychology*. 2017. Vol. 21(2). P. 107–120.
- Kruglanski A. W., Jasko K., Webber D., Chernikova M., Molinario E.* The making of martyrdom: A synthetic review // *Perspectives on Terrorism*. 2018. Vol. 12(6). P. 35–49.
- Lange B. P., Euler H. A.* Writers Have Groupies, Too: High Quality Literature Production and Mating Success // *Evolutionary Behavior Sciences (American Psychological Association)*. 2014. Vol. 8(1). P. 20–30.
- Premack D. G., Woodruff G.* Does the chimpanzee have a theory of mind? // *Behavioral and Brain Sciences*. 1978. № 1. P. 515–526.
- Webber D., Kruglanski A. W.* The social psychological makings of a terrorist // *Current Opinion in Psychology*. 2018. Vol. 19. P. 131–134.

A. KRUGLANSKY'S SIGNIFICANCE QUEST THEORY (SQT): FROM THE OBVIOUS TO THE INCREDIBLE

©Aleksandr N. Lebedev

Doctor of Psychological Sciences, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia,
lebedev-lubimov@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-1030-9709

The work was performed within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (topic No. 0138-2026-0015).

The article examines the theory of American psychologist A. Kruglanski, known as the Significance Quest Theory (SQT), presented in his latest book *The Quest for Significance: Harnessing the Need that Makes the World Go Round* (2025), written in collaboration with American journalist D. Raviv. A. Kruglanski is the recipient of the 2019 American Psychological Association Award for Distinguished Scientific Contributions. He is a renowned global expert in the psychology of violent extremism and political activism. In the book, A. Kruglanski and D. Raviv argue that all people experience a fundamental need to feel significant and are capable of sensing that their existence holds some “special meaning.” The striving for significance determines most of our thoughts, feelings, and actions. When discussing how the capacity to experience a sense of significance arises, the authors draw on the Theory of Mind by D.G. Premack and G. Woodruff, which is widely popular today.

Keywords: personality, motivation, Quest for significance (QFS), Significance Quest Theory (SQT), objectification of need, Theory of Mind, methodology of psychology

REFERENCES

- Carnegie D.* (2024). *How to Win Friends and Influence People*. Moscow: AST Publishing House.
- Kon I.S.* (1984). *In Search of Oneself: Personality and Its Self-Awareness*. Moscow: Politizdat.
- Kon I.S.* (1978). *The Discovery of the Self*. Moscow: Politizdat.
- Kon I.S.* (1967). *Sociology of Personality*. Moscow: Publishing House of Political Literature.
- Lebedev A.N.* (2022). Problems and Prospects of Personality Psychology Development in Modern Russia // Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Vol. 2. No. 3. P. 4–21. DOI: 10.38098/proceedings_2022_02_03_02
- Lebedev A.N.* (2025). Foreign and Soviet Social Psychology of the Soviet Period: Universal — Particular — Individual // Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. No. 1(14). P. 70–78.
- Lebedev A.N.* (2024a). The Soviet Socialist Collective, National Character, and Affective-Value Polarization of Russian Society // In «Soviet Psychology: A Stage in the History of Science and Mentality», ed. by A.L. Zhuravlev, D.V. Ushakov, and A.V. Yurevich. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publishing House. P. 588–625.
- Lebedev A.N.* (2024b). The Significance Quest Theory and Methodological Problems of Studying the Phenomenon of Value-Affective Polarization of Social Groups // Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Vol. 4. No. 3. P. 57–68. DOI: 10.38098/proceedings_2024_04_03_06
- Lebedev A.N., Gordyakova O.V.* (2015). *Personality in the System of Marketing Communications*. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publishing House.
- Lebedev-Lyubimov A.N.* (2007). *Psychology of Advertising*. 2nd ed., revised and expanded. St. Petersburg: Piter. Materials of the 22nd Congress of the Communist Party of the Soviet Union. Moscow: Gospolitizdat, 1961.
- Beaussart M.L., Kaufman S.B., Kaufman J.C.* (2012). Creative Activity, Personality, Mental Illness, and Short-Term Mating Success // *Journal of Creative Behavior*. Vol. 46. P. 151–167.
- Buss D.M., Barnes M.* (1986). Preferences in Human Mate Selection // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 50. No. 3. P. 559–570.

- Clegg H., Nettle D. Miell D.* (2011). Status and Mating Success Amongst Visual Artists // *Frontiers in Psychology*. Vol. 2. P. 310.
- Kruglanski A.W., Chen X., Dechesne M., Fishman S., Orehek E.* (2009). Fully committed: Suicide bombers' motivation and the quest for personal significance // *Political Psychology*. Vol. 30(3). P. 331–357.
- Kruglanski A.W., Gelfand M.J., Bélanger J.J., Sheveland A., Hetiarachchi M., Gunaratna R.* (2014). The psychology of radicalization and deradicalization: How significance quest impacts violent extremism // *Advances in Political Psychology*. Vol. 35(S1). P. 69–93.
- Kruglanski A.W., Jasko K., Chernikova M., Dugas M., Webber D.* (2017). The making of violent extremists // *Review of General Psychology*. Vol. 21(2). P. 107–120.
- Kruglanski A.W., Jasko K., Webber D., Chernikova M., Molinario E.* (2018). The making of martyrdom: A synthetic review // *Perspectives on Terrorism*. Vol. 12(6). P. 35–49.
- Lange B.P., Euler H.A.* (2014). Writers Have Groupies, Too: High Quality Literature Production and Mating Success // *Evolutionary Behavior Sciences (American Psychological Association)*. Vol. 8(1). P. 20–30.
- Premack D.G., Woodruff G.* (1978). Does the chimpanzee have a theory of mind? // *Behavioral and Brain Sciences*. № 1. P. 515–526.
- Webber D., Kruglanski A.W.* (2018). The social psychological makings of a terrorist // *Current Opinion in Psychology*. Vol. 19. P. 131–134.

ОСОБЕННОСТИ КОГНИТИВНЫХ СТИЛЕЙ СТУДЕНТОВ: ОТ ПРОДУКТИВНОСТИ ДО ПРИЗНАКОВ ОДАРЕННОСТИ

© Кибальченко И.А.

Доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии и безопасности жизнедеятельности, Южный федеральный университет, Таганрог, Россия
kibalirina@sfedu.ru; ORCID: 0000-0001-7730-7172

© Эксакусто Т.В.

Кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и безопасности жизнедеятельности, Южный федеральный университет, Таганрог, Россия
exakusto@sfedu.ru; ORCID: 0000-0002-6862-2063

Для цитирования:

Кибальченко И.А., Эксакусто Т.В.

Особенности когнитивных стилей студентов: от продуктивности до признаков одаренности // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2026. Т. 6. № 1(18). С. 14-26.

DOI: 10.38098/proceedings_2026_06_01_02

Kibalchenko I.A., Eksakusto T.V.

Cognitive styles in students: from productivity to markers of giftedness. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2026, Vol. 6, No 1(18), Pp. 14-26.

DOI: 10.38098/proceedings_2026_06_01_02

Актуальность исследования обусловлена возрастающей потребностью в комплексном понимании динамики метакогнитивных способностей, когнитивных стилей, метакогнитивной одаренности и развивающейся компетентности студентов с позиций ресурсного и метасистемного подходов для эффективной диагностики и развития их интеллектуального потенциала. Цель исследования — изучение структурных особенностей когнитивных стилей в группах студентов, дифференцированных по критерию скорости и качеству выполняемых операций с учетом их учебно-профессиональной успешности. Выявлены структурные стилевые особенности в группах студентов с признаками одаренности (быстрые и точные, рефлексивные) и в группах студентов с когнитивной незрелостью (импульсивные, медленные и неточные). Для студентов группы «Быстрые и точные» характерна совокупность продуктивных способов мышления, гибкости, склонности реализовывать свой потенциал; способность анализировать, эффективно использовать соб-

ственные знания и опыт, высокая учебно-профессиональная компетентность, что отражает признаки интеллектуальной зрелости и компетентности как одаренности в её реальном выражении. Сформированность у этих студентов метакогнитивных механизмов является признаком сформированности у них метастилия в целом. У рефлексивных студентов при наличии потенциала когнитивной зрелости и компетентности менее выражены взаимосвязи между ними (способности анализировать и эффективно использовать собственные знания и опыт), что может быть основанием для дальнейшего развития. Студенты группы «С признаками когнитивной незрелости» характеризуются трудностями в выявлении сложных взаимосвязей и точной интерпретации ситуаций, преимущественно из-за чрезмерной опоры на общие, поверхностные признаки при категоризации, что в совокупности свидетельствует о недостаточном уровне развития метакогнитивных способностей при наличии потенциала к развитию их учебно-профессиональной компетентности. Сделан вывод о том, что совокупность продуктивных когнитивных стилей как взаимосвязь различного, но принципиально сходного, является частью функционального метасистемного качества студентов с признаками одаренности.

Ключевые слова: когнитивные стили, продуктивные стили, когнитивная незрелость, стилевые характеристики, метакогнитивная одаренность, развивающаяся компетентность

Введение

В настоящее время исследователей интересуют вопросы, связанные с изучением особенностей интеллектуальной деятельности, управления когнитивными функциями, личностной организации. Эти особенности отражают индивидуально-

своеобразные способы переработки информации, характеризующие специфику склада ума человека и отличительные признаки его интеллектуального поведения (Холодная, 2025), то есть речь идет о когнитивных стилях. Когнитивные стили как индивидуально-своеобразные устойчивые спо-

собы переработки информации и приобретаемого опыта, проявляются в виде индивидуальных различий в восприятии, анализе, структурировании, категоризации, оценивании реальности (Холодная, 2025). Различные когнитивные стили во многом могут определять оценку содержания внутреннего мира человека и его способность к реалистичному прогнозированию; способность к осуществлению независимого выбора; уровень субъективного контроля; особенности волевых качеств личности, что является важнейшим аспектом становления профессионала — пути, который проходят студенты в процессе обучения и дальнейшей профессиональной деятельности.

Однако в отдельных работах отмечается (Волкова, Гусев, 2016; Толочек, 2015; Холодная, 2025) некоторое угасание интереса к изучению когнитивных стилей и связывается данная проблема с рядом причин: отсутствием строгого определения данного конструкта, недостаточностью теоретико-методологической базы, низкой валидностью диагностического инструментария (Lasko, Prošek et al., 2023) и другими. Тем не менее теоретическая, практическая значимость и, что очень важно, перспективность изучения когнитивных стилей не вызывает сомнений и отражена в ряде современных исследований (Волкова, Гусев, 2016; Терехова, Канавина, 2024; Толочек, 2013; Холодная, 2025; Яблокова, 2017).

Перспективность исследования когнитивных стилей, обусловлена целым рядом их специфических особенностей: продуктивностью, многомерностью, ресурсностью, метасистемностью. Теоретический анализ показал, что когнитивные стили связаны с академической и профессиональной успешностью, инновационностью и качеством выполнения задач, что отражает их продуктивность (Терехова, Канавина, 2024; Amin, Khan et al., 2023). Продуктивность когнитивных стилей проявляется в их возможности оптимизировать когнитивные процессы, что обеспечивает формирование глубоких и устойчивых знаний для академической успешности, эффективное выполнение комплексных профессиональных задач. Исследования показывают, что определенные когнитивные стили могут быть связаны с повышенной способностью к генерации новых идей, успешной адаптацией к сложным условиям и достижением более высоких результатов в научно-исследовательской и практической деятельности (Kalmatova et al., 2024). Продуктивность когнитивных стилей не сводится лишь к выбору определенной стратегии обработки информации, но отражает их значимость как предикторов достижения высоких результа-

тов и способности к творческому поиску (Lwande, Muchemi, Oboko, 2021).

Когнитивные стили отражают не только уровень интеллектуальных способностей, но и качественные особенности их применения, что является критически важным для понимания целостного функционирования когнитивной системы и отражает их многомерность. Теоретический анализ когнитивных стилей с позиции многомерности показал, что можно выделить их различные аспекты (Холодная, 2025):

- когнитивные стили описывают, как люди различаются не по уровню, а по способу обработки информации, принятия решений и взаимодействия с окружающей средой, что позволяет анализировать стратегии решения проблем, характер ошибок, предпочтения в обучении и отражает индивидуальные различия в интеллектуальной деятельности;
- когнитивные стили представляют собой устойчивые паттерны поведения и мышления, глубоко интегрированные в структуру личности, что объясняет их стабильность и влияние на широкий спектр проявлений, от академической успешности до межличностного взаимодействия;
- когнитивные стили определяют предпочитаемые человеком способы восприятия, осмысления и интерпретации информации, что влияет на регуляцию познавательных процессов, организацию информации, принятие решений, саморегуляцию и метакогнитивные стратегии;
- когнитивные стили служат своеобразным фильтром, через который индивид воспринимает и интерпретирует информацию из внешней среды, что дает возможность понимания индивидуальных стратегий адаптации, формирования субъективной картины мира;
- когнитивные стили играют важную роль в проявлении признаков одаренности таких как чувствительность к проблемам, оригинальность идей, стремление к познанию нового и необычного, гибкость мышления, нестандартный подход к решению задач и других.

Рассматривая когнитивные стили с позиции ресурсности и ресурсного подхода (Толочек, 2013), можно сказать, что здесь смещается фокус с простого описания индивидуальных различий на понимание динамических процессов, которые активируют и моделируют проявление стилей, приводя к конкретным результатам в деятельности. Рассматривая ресурсы как уникальные явления, порождающие особый импульс лишь у некоторых людей и в особых условиях, акцент делается на синергетическом взаимодействии интрасубъектных (структурные и функциональные

особенности самой психики человека) и внесубъектных ресурсов (условия внешней среды) (Толочек, 2025). Применительно к когнитивным стилям, это означает, что конкретный когнитивный стиль, его проявление и эффективность напрямую будут зависеть от наличия и доступности соответствующих интрасубъектных ресурсов (специфических когнитивных способностей, черт личности, уровня владения метакогнитивными стратегиями и др.); от соответствия и поддержки со стороны внесубъектных ресурсов (например, наличие задач, соответствующих индивидуальному стилю обучения; педагогические методы, стимулирующие определенные когнитивные стратегии). Успешное сочетание интрасубъектных и внесубъектных ресурсов в контексте когнитивных стилей может проявляться в повышении эффективности деятельности (использование стиля, который согласуется с имеющимися ресурсами и требованиями среды, ведет к более продуктивному и результативному выполнению задач); в формировании компетентности и актуализации признаков одаренности.

Ресурсный подход открывает перспективы в изучении феномена одаренности, показывая, что она может проявляться как способность индивида эффективно использовать и развивать свои уникальные возможности, включая специфические когнитивные стили, в соответствующих условиях. Такой взгляд сочетается с одним из ведущих современных подходов к одаренности — моделью «развивающейся компетентности» («Developing Expertise Model» — модель Р. Стернберга). Эта идея получила развитие в отдельных современных исследованиях (Холодная, 2017). В процессе развивающейся компетентности человек становится экспертом (компетентным, или одаренным), если формируются конкретные навыки критического, креативного и практического мышления; сформирована мотивация достижений в сочетании с мотивацией самоэффективности; вырабатываются декларативные и процедурные знания; развиваются метакогниции и высокая чувствительность к контексту (Холодная, 2017). В рамках данной модели, ключевую роль играют метакогнитивные процессы, интегрированные в общую структуру интеллектуальной компетентности. Для анализа сложной структуры развивающейся компетентности целесообразно применение метасистемного подхода, который позволяет рассматривать когнитивные и личностные компоненты как взаимосвязанные, динамически развивающиеся системы (Карпов, Карпова, 2018).

Рассмотрение когнитивных стилей в аспекте метасистемного подхода, отражает тот факт, что

они являются не просто «инструментами» для обработки информации, а выступают как составные части более крупной, интегрированной структуры. Соответственно проявление метасистемности когнитивных стилей заключаются в нескольких основных моментах: в их интеграции с личностными особенностями; в их динамике, т.к. они развиваются и трансформируются под влиянием опыта, обучения, деятельности; «открытостью» системы и взаимодействием со средой, что способствует возникновению качественно новых свойств и характеристик, выходящих за рамки исходных компонентов. Этот интегративный взгляд позволяет перейти от простого описания продуктивности когнитивных стилей к пониманию их роли в разработке метакогнитивной одаренности. Речь идет о качественно специфическом классе способностей — метакогнитивных способностях, одной из разновидностей которых выступают когнитивные стили как метакогнитивные образования.

Метакогнитивные способности, когнитивные стили, интеллектуальная одаренность и, в особенности, метакогнитивная одаренность — все эти сложные и высокоорганизованные феномены выступают как дескрипторы метасистемного уровня, демонстрируя, как система, взаимодействуя с «внутренним» и с «внешним» миром (интрасистемная и экстрасистемная направленность), достигает качественно нового уровня развития (Jiang et al., 2023). На более высоких уровнях иерархии, где операционные механизмы становятся более сложными, ярко проявляются высокоорганизованные метакогнитивные процессы, такие как рефлексивность. Рефлексивность, как ключевой компонент метакогнитивной одаренности (Карпов, 2022), позволяет индивиду осознанно отслеживать свои действия, оценивать их эффективность в различных ситуациях, а также целенаправленно изменять и адаптировать свои стратегии. Индивиды с развитой рефлексивностью обладают выраженной способностью к быстрому и эффективному отслеживанию взаимосвязей, выявлению закономерностей и многоуровневой оценке информации. Эта способность, будучи интегрированной с индивидуальными когнитивными стилями, позволяет им не только продуктивно действовать, но и сознательно совершенствовать свои когнитивные механизмы, преобразуя свои исходные возможности.

Помимо описанных специфических особенностей когнитивные стили выступают в качестве медиаторов, объясняющих, почему индивиды с сопоставимым уровнем способностей могут демонстрировать различные паттерны успешности

в различных видах деятельности. Они позволяют понять, как субъект, руководствуясь своим предпочтительным стилем обработки информации, преобразует свои стратегии для достижения осмысленных целей, что в итоге влияет на эффективность его действий. Понимание когнитивных стилей может стать объяснительным принципом эффекта «расщепления» между высоким уровнем способностей и нестабильной или избирательной успешностью в деятельности, а также в понимании феномена одаренности. Важно отметить, что процесс формирования одаренности — нелинейный, он может быть гетерохронным, неравномерным, что характеризуется «петлей запаздывания», гистерезисом — «инверсией», изменением организации опыта и кристаллизацией качеств в процессе онтогенеза. Обнаружить такие эффекты возможно при учете «квадрупольной модели» (Холодная, 2020), описывающей многомерность изучаемых свойств, посредством выявления когнитивно-стилевых особенностей.

Квадрупольная модель когнитивно-стилевых особенностей позволяет выделять продуктивные и непродуктивные субгруппы, «стилевые» свойства которых будут являться признаком выраженности когнитивной зрелости. Представители продуктивных субгрупп (быстрой/точной и рефлексивной) в сравнение с непродуктивными (импульсивной и медленной/неточной), более успешны в деятельности: лучше и быстрее запоминают; используют механизмы структурирования и схематизации информации. Нужно отметить, что медленные/точные (рефлексивные) и быстрые/точные схожи между собой по характеристикам развитой (и возможно, интегрированной) интеллектуальной сферы. Можно сказать, что такие стилевые характеристики, как «быстрый и точный» и «медленный и точный» не только являются признаками способностей, но и по-разному интегрированы в структуру других стилевых характеристик (Холодная, 2025). Таким образом, важным индикатором метасистемной одаренности (как потенциала для достижения выдающихся результатов) и развивающейся компетентности могут стать специфические когнитивные стили.

Гипотетически взаимосвязи таких когнитивных стилей, как быстрый и точный, рефлексивный с показателями других продуктивных стилей (толерантность к нереалистическому опыту, гибкость, полнезависимость и др.) являются признаками учебно-профессиональной, интеллектуальной компетентности, а возможно, и одаренности. Данное предположение определило логику настоящего исследования.

Программа исследования

Процедура исследования включала в себя ряд этапов. На первом этапе осуществлялось формирование репрезентативной выборки, включающей студентов с разным уровнем академической успеваемости. Сбор эмпирических данных осуществлялся в 2023–2024 годах. Исследование носило анонимный характер и проводилось в удобное для студентов время. В исследовании принимали участие студенты Южного федерального университета на добровольной, некоммерческой основе. Всего в исследовании приняло участие 160 студентов (98 девушек, 62 юношей, $M_{age} = 20,3$ лет). На этом этапе исследования были сформированы группы на основе особенностей когнитивных стилей по критерию скорости и качества выполняемых операций.

На втором этапе осуществлялся статистический анализ данных. В целом дизайн исследования можно определить как дедуктивно-корреляционный, в котором применены количественные и качественные методы обработки и интерпретации результатов: сравнительный анализ («метод поперечных срезов») и статистические критерии для поиска различий между группами с использованием факторного анализа для изучения многомерных связей характеристик когнитивных стилей.

С целью изучения когнитивного стиля импульсивность — рефлексивность использовался тест «Сравнение похожих рисунков» Дж. Кагана. В условиях неопределенности, в ситуациях, когда необходимо сделать правильный выбор из некоторого множества альтернатив (что создается условиями данного теста), стилевая особенность импульсивность-рефлексивность проявляется максимально полно. Данный когнитивный стиль проявляется в индивидуальных различиях особенностей принятия решения: быстро (импульсивность) либо медленно (рефлексивность). С целью выявления стилевого многообразия в студенческих группах, проявляющегося в продуктивных и непродуктивных когнитивных стилях, использовался опросник КСИЧ-В (Е.В. Волкова, В.М. Русалов и др.). Для статистической обработки результатов использовались:

- статистический критерий U — Манна-Уитни для оценки различий между независимыми выборками по уровню какого-либо признака, измеренного количественно;
- факторный анализ (Factor analysis in SPSS) (IBM SPSS Statistics Subscription Trial for Mac OS) для определения структуры взаимосвязей характеристик когнитивных стилей (Метод главных компонент, Varimax вращение с нормализацией Кайзера).
- средний балл академической успеваемости.

Цель исследования: изучение структурных особенностей когнитивных стилей в группах студентов, дифференцированных по критерию скорости и качеству выполняемых операций с учетом их учебно-профессиональной успешности (компетентности).

Гипотезы исследования:

1. У студентов с признаками когнитивной зрелости возможны взаимосвязи когнитивных стилей как признаков функционального метасистемного качества:

— с когнитивным стилем «быстрый и точный» будут обнаружены многомерные связи показателей продуктивных когнитивных стилей: полнезависимость, толерантность к нереалистическому опыту и гибкость познавательного контроля как признаков одаренности и учебно-профессиональной успешности (компетентности);

— с рефлексивным когнитивным стилем будут обнаружены многомерные связи показателей продуктивных когнитивных стилей: гибкость, полнезависимость, отражая глубину мыслительных процессов и степень интеллектуальной компетентности как индикаторов одаренности.

2. У студентов с признаками когнитивной незрелости будут обнаружены многомерные связи показателей продуктивных и непродуктивных когнитивных стилей.

Задачи исследования:

— определение сформированности когнитивных стилей по критерию скорости и качества выполняемых операций (быстрые и точные, медленные и неточные, рефлексивные, импульсивные) и выделение на их основе групп студентов;

— определение значимых различий показателей когнитивных стилей в выделенных группах;

— выявление многомерных связей показателей продуктивных когнитивных стилей в группах студентов по критерию скорости и качества выполняемых операций (быстрые и точные, медленные и неточные, рефлексивные, импульсивные).

Результаты

На первом этапе эмпирического исследования на основе изучения признаков, характеризующих специфику склада ума и интеллектуального поведения по критериям скорости и качества выполняемых операций, были выделены 3 группы студентов: «Быстрые и точные» (28 человек, 17,5%); «Медленные и точные» («Рефлексивные») (56 человек, 35%); «С признаками когнитивной незрелости», то есть с когнитивными стилями «Импульсивные» и «Медленные и неточные» (76 человек, 47,5%). Эти две группы

(«Импульсивные» и «Медленные и неточные») были объединены в одну, так как в контексте компетентности стилевые свойства представителей непродуктивных субгрупп — признак когнитивной незрелости.

Нужно отметить, что медленные/точные (рефлексивные) и быстрые/точные схожи между собой по характеристикам развитой (и возможно, интегрированной) интеллектуальной сферы. Можно сказать, что такие стилевые характеристики, как «быстрый и точный» и «медленный и точный» не только являются признаками способностей, но и по-разному интегрированы в структуру других стилевых характеристик.

На втором этапе эмпирического исследования в процессе обработки результатов получен ряд значимых различий в группах. Представители группы «Быстрые и точные» отличается от представителей группы «Медленные и точные» (Рефлексивные) по показателям латентного времени первого ответа ($U_{\text{эмп}}=0$, $U_{\text{кр}}=108$, $p\leq 0,01$) и по общему времени работы с таблицами теста ($U_{\text{эмп}}=112$, $U_{\text{кр}}=133$, $p\leq 0,05$). Полученные различия обусловлены теоретически и подтверждают состав этих групп: «Быстрые и точные» значимо быстрее выполняют задания теста. При этом их результаты значимо не отличаются (количество правильных ответов 11 — у рефлексивных и 10,7 у быстрых и точных). Кроме этого, «Быстрые и точные» значимо более полнезависимые, более гибкие ($U_{\text{эмп}}=132$, $U_{\text{кр}}=133$, $p\leq 0,05$) и более успешные (4,93 в сравнение с 4,88 по 5-бальной шкале) в учебно-профессиональной деятельности ($U_{\text{эмп}}=114$, $U_{\text{кр}}=123$, $p\leq 0,05$). Эти респонденты значимо менее полнезависимы ($U_{\text{эмп}}=128$, $U_{\text{кр}}=133$, $p\leq 0,05$), что логично и теоретически, и эмпирически.

Представители группы «Медленные и точные» (Рефлексивные) в сравнение с «Быстрыми и точными» имеют значимо более высокие ($U_{\text{эмп}}=0$, $U_{\text{кр}}=108$, $p\leq 0,01$) показатели по рефлексивности, полнезависимости ($U_{\text{эмп}}=128$, $U_{\text{кр}}=133$, $p\leq 0,05$) и по широкому диапазону эквивалентности ($U_{\text{эмп}}=96$, $U_{\text{кр}}=108$, $p\leq 0,01$).

При этом представители групп «Быстрые и точные» и «Медленные и точные» (Рефлексивные) значимо не отличаются по импульсивности (17,85 и 16,57 из 25 возможных), конкретной (14,28 и 16,42) и абстрактной концептуализации (19,42 и 20,21), узкому диапазону эквивалентности (18,57 и 18,71) и толерантности к неопределенности (16 и 13,9), хотя у быстрых и точных наблюдается тенденция к повышению данного показателя.

Представители группы «Быстрые и точные» в сравнение с представителями группы «С признаками когнитивной незрелости» значимо более полнезависимые ($U_{\text{эмп}} = 60, U_{\text{кр}} = 158, p \leq 0,01$), гибкие ($U_{\text{эмп}} = 142, U_{\text{кр}} = 152, p \leq 0,01$), с более выраженной абстрактной концептуализацией ($U_{\text{эмп}} = 106, U_{\text{кр}} = 152, p \leq 0,01$) и узким диапазоном эквивалентности ($U_{\text{эмп}} = 102, U_{\text{кр}} = 152, p \leq 0,01$), более успешные (4,93 в сравнение с 3,43 балла) в учебно-профессиональной деятельности ($U_{\text{эмп}} = 0, U_{\text{кр}} = 152, p \leq 0,01$). Они в большей степени способны выявлять разного рода связи и отношения между объектами, использовать множество альтернативных способов интерпретации ситуации, ориентируясь на более детальное определение при категоризации и более точную оценку различий, что расширяет возможности по отношению к нестандартным и необычным обстоятельствам.

При этом представители группы «Быстрые и точные» в сравнение с группой «С признаками когнитивной незрелости» значимо менее рефлексивные ($U_{\text{эмп}} = 70, U_{\text{кр}} = 108, p \leq 0,01$), у них значимо ниже сформирована конкретная концептуализация ($U_{\text{эмп}} = 132, U_{\text{кр}} = 133, p \leq 0,05$). Быстрые и точные ориентируются на собственное мнение, способны мыслить гипотетически в противовес стереотипности и ситуативности принятия решений.

Представители группы «Медленные и точные» (Рефлексивные) в сравнение с группой «С признаками когнитивной незрелости» значимо более полнезависимые ($U_{\text{эмп}} = 170, U_{\text{кр}} = 352, p \leq 0,01$), с узким диапазоном эквивалентности ($U_{\text{эмп}} = 216, U_{\text{кр}} = 352, p \leq 0,01$), рефлексивные ($U_{\text{эмп}} = 41, U_{\text{кр}} = 352, p \leq 0,01$), с более выраженной абстрактной концептуализацией ($U_{\text{эмп}} = 186, U_{\text{кр}} = 352, p \leq 0,01$). Они так же, как и «Быстрые и точные» отличаются от студентов с когнитивной незрелостью и в большей степени способны выявлять разного рода связи и отношения, использовать множество альтернативных способов интерпретации при детальном анализе и с акцентом на точной оценке различий. Данный процесс занимает у них гораздо больше времени, чем у быстрых и точных, однако может привести к эффективным решениям и расширяет возможности в условиях необычных ситуаций. Представители группы «Медленные и точные» значимо менее полнезависимые ($U_{\text{эмп}} = 170, U_{\text{кр}} = 352, p \leq 0,01$), менее импульсивные ($U_{\text{эмп}} = 347, U_{\text{кр}} = 352, p \leq 0,01$), менее толерантны к неопределенности ($U_{\text{эмп}} = 386,$

$U_{\text{кр}} = 404, p \leq 0,05$), чем студенты группы «С признаками когнитивной незрелости».

Таким образом, студенты группы «С признаками когнитивной незрелости» в сравнение с представителями группы «Быстрые и точные» значимо менее полнезависимые ($U_{\text{эмп}} = 60, U_{\text{кр}} = 158, p \leq 0,01$), менее гибкие ($U_{\text{эмп}} = 142, U_{\text{кр}} = 152, p \leq 0,01$), с менее выраженной абстрактной концептуализацией ($U_{\text{эмп}} = 106, U_{\text{кр}} = 152, p \leq 0,01$) и менее успешные в учебно-профессиональной деятельности ($U_{\text{эмп}} = 0, U_{\text{кр}} = 152, p \leq 0,01$). Они допускают неточности в выявлении взаимосвязей, в интерпретации разных ситуаций, ориентируясь на более общие, поверхностные признаки при категоризации, тем самым сужая собственные возможности в нестандартных ситуациях. В сравнение с рефлексивными они так же значимо менее полнезависимые ($U_{\text{эмп}} = 170, U_{\text{кр}} = 352, p \leq 0,01$), менее рефлексивные ($U_{\text{эмп}} = 41, U_{\text{кр}} = 352, p \leq 0,01$), с менее выраженной абстрактной концептуализацией ($U_{\text{эмп}} = 186, U_{\text{кр}} = 352, p \leq 0,01$).

При этом выявлены и те характеристики, которые не отличаются у студентов группы «С признаками когнитивной незрелости» от студентов с признаками когнитивной зрелости («Быстрые и точные» и «Рефлексивные»). Они не отличаются значимо от «Быстрых и точных» по показателям толерантности к неопределенности (16 и 16,8) и широкому диапазону эквивалентности (15 и 16,5). То есть, студенты обеих групп способны принимать оригинальные решения, быть открытыми к новому в ситуациях неопределенности, а также запоминать большой объем информации. Однако компетентность для этого у них разного уровня. В сравнение с группой «Медленные и точные» (Рефлексивные) студенты «С признаками когнитивной незрелости» не отличаются (с тенденцией к более высоким показателям у рефлексивных) по показателям широкого диапазона эквивалентности (18,5 и 16,5), гибкости (18,14 и 16,21), ригидности (15,3 и 14,8), нетолерантности к неопределенности (18,85 и 17,42) и конкретной концептуализации (16,42 и 17,5).

Для структурирования сходств и различий в показателях стилевых характеристик в каждой из групп был проведен факторный анализ. Факторная структура в группе «Быстрые и точные» включает 5 факторов (табл. 1). Она полная, но не устойчивая, мера адекватности выборки Кайзера-Майера-Олкина (КМО) — 0,765, суммарная дисперсия — 93,671%.

Таблица 1. Результаты факторного анализа в группе «Быстрые и точные»

№	Переменные	Компоненты				
		1	2	3	4	5
1	Полезависимость	-0,188	0,959*	0,176	0,064	-0,079
2	Полenezависимость	0,921*	0,290	-0,092	-0,194	0,071
3	Узкий диапазон эквивалентности	-0,810*	-0,109	0,176	0,372	0,368
4	Широкий диапазон эквивалентности	0,983*	-0,149	0,081	-0,024	0,058
5	Гибкость познавательного контроля	0,117	0,450	0,566*	-0,238	-0,592
6	Ригидность познавательного контроля	-0,071	0,167	0,280	-0,911*	-0,096
7	Импульсивность	0,683*	-0,099	0,121	0,435	0,516
8	Рефлексивность	0,251	0,878*	-0,109	0,300	-0,042
9	Конкретная концептуализация	-0,201	0,671*	-0,071	0,598	-0,152
10	Абстрактная концептуализация	0,737*	-0,383	0,345	0,197	-0,285
11	Толерантность к неопределенности	-0,119	0,053	0,972*	0,004	-0,101
12	Нетолерантность к неопределенности	-0,253	-0,035	-0,907*	-0,217	-0,114
13	Учебная успешность/успеваемость	-0,044	-0,030	-0,057	-0,207	0,817*
Дисперсия суммарная		29,189	52,278	74,745	85,275	93,671
Varimax вращение с нормализацией Кайзера сошлось за 7 итераций						

Примечание: * — значимая переменная, вошедшая в указанный фактор

В первом (кристаллизующем) факторе «Полenezависимость когнитивного стиля с широким диапазоном эквивалентности и быстрой реакцией» взаимосвязаны полenezависимость (0,921), широкий диапазон эквивалентности (0,983), импульсивность (0,683), абстрактная концептуализация (0,737) и обратно связанный узкий диапазон эквивалентности (-0,810). Полenezависимость отражает характерные для этой группы умения отлично ориентироваться во всем новом, оригинальном и перспективном. Они могут успешно генерировать новые идеи и теории, комбинировать, казалось бы, несовместимые, на первый взгляд, предметы, объекты и идеи. Эти характеристики являются и признаками компетентности, и признаками одаренности. При этом у них на основе быстрого анализа формируются обобщения и оригинальные идеи. Можно предположить, что проявляются признаки дифференцированности механизмов переработки информации как продуктивной составляющей интеллектуальной зрелости.

Второй фактор «Теоретическое подтверждение содержания фактора 1» противоположен первому по содержанию и уровню сформированности (ниже среднего) характеристик: полenezависимость (0,959), рефлексивность (0,878), конкретная концептуализация (0,671). По сути – это скрытая комплексная переменная.

Фактор 3 – «Открытость к новизне и готовность к изменениям» образуется плеядой: гибкость познавательного контроля (0,566), толерантность к неопределенности (0,972) и теоретически обоснованно обратно направленная нетолерантность к неопределенности (-0,907). Можно сказать, что в данной группе проявляется достаточно высоко (20,57) развитая лёгкость смены способов обработки информации, решения познавательных задач в ситуации неопределённости, что и согласуется с ее взаимосвязью в данном факторе. То есть толерантность к неопределенности отражает способность легко действовать и ориентироваться в условиях недостатка информации, а с учетом скорости ее обработки, еще быстро и точно. В этом факторе обнаружена дополнительная информация о продуктивной составляющей интеллектуальной зрелости: дифференцированность механизмов переработки информации.

В фактор 4 «Ригидность познавательного контроля» (-0,911) включена одна обратно направленная переменная — ригидность познавательного контроля (выше среднего 15,71), что усиливает значимость для данной группы гибкости познавательного контроля в предыдущем факторе. В фактор 5 «Высокая учебная успешность» так же включена одна переменная — учебная успешность с тенденцией к высокому уровню (4,6). На наш взгляд, исходя из исследований В.Д. Шадрикова, сформирован-

ность таких характеристик, как полнезависимость, абстрактная концептуализация при высокой степени их сформированности являются признаками функционального метасистемного качества как признака одаренных студентов — компетентных, интеллектуально развитых, креативных (Шадриков, 2019).

Факторная структура в группе «Рефлексивные» включает 5 факторов, она полная, но неустойчивая, мера адекватности выборки Кайзера-Майера-Олкина (КМО) — 0,791, суммарная дисперсия — 75,971% (табл. 2).

Таблица 2. Результаты факторного анализа в группе «Рефлексивные»

№	Переменные	Компоненты				
		1	2	3	4	5
1	Полнезависимость	-0,040	-0,836*	0,149	0,362	0,119
2	Полнезависимость	-0,149	0,878*	-0,038	0,057	-0,134
3	Узкий диапазон эквивалентности	0,342	-0,071	0,404	-0,714*	0,046
4	Широкий диапазон эквивалентности	0,091	-0,249	0,136	0,865*	0,026
5	Гибкость познавательного контроля	0,111	0,036	0,865*	0,178	-0,138
6	Ригидность познавательного контроля	0,262	-0,221	-0,746*	-0,326	-0,128
7	Импульсивность	-0,458	0,030	-0,712*	0,002	0,113
8	Рефлексивность	-0,261	0,588*	0,152	-0,151	0,570
9	Конкретная концептуализация	-0,815*	0,143	0,152	0,079	-0,208
10	Абстрактная концептуализация	0,624*	0,415	0,079	0,009	-0,155
11	Толерантность к неопределенности	0,538*	-0,131	0,299	0,412	0,357
12	Нетолерантность к неопределенности	-0,808*	-0,244	0,172	-0,031	-0,145
13	Учебная успешность/успеваемость	0,039	-0,231	-0,198	0,065	0,792*
Дисперсия суммарная		18,519	35,875	53,011	66,346	75,971
Varimax вращение с нормализацией Кайзера сошло за 9 итераций						

Примечание: * — значимая переменная, вошедшая в указанный фактор

В первом факторе «Теоретически обоснованная дихотомичность когнитивных стилей» обратно взаимосвязаны конкретная концептуализация (-0,815) и абстрактная концептуализация (0,624), а также толерантность к неопределенности (0,583) и, отрицательно с ней связанная, нетолерантность к неопределенности (-0,808).

Во втором факторе, условно названном «Когнитивно-аналитический» обратно связаны полнезависимость (-0,836) и полнезависимость (0,878) в сочетании с рефлексивностью (0,588) как ключевым компонентом метакогнитивной одаренности. Рефлексивность позволяет осознанно анализировать свои действия, оценивать их эффективность в различных ситуациях, целенаправленно корректировать свои стратегии. Выявленная взаимосвязь переменных отражает способность к достаточно быстрой и эффективной деятельности, к совершенствованию своих когнитивных и метакогнитивных механизмов.

В факторе 3 «Согласованная смешанность познавательная контроля» во взаимосвязи с ведущей

переменной «гибкость познавательного контроля» (0,865), обнаружены обратные связи с ригидностью (-0,746), а также импульсивностью (-0,712). Вероятно, студенты данной группы легко используют разные способы обработки информации, могут устойчиво работать одновременно с разнородными данными. В факторе 4 «Дифференциально-интегральный диапазон эквивалентности» выявлена связь показателя «широкий диапазон эквивалентности» (0,865) с обратно направленным показателем «узкий диапазон эквивалентности» (-0,714). В фактор 5 «Учебная успешность» включена лишь одна переменная — учебная успешность (0,792) как показатель успешности и компетентности в учебно-профессиональной деятельности.

Факторная структура в группе «С признаками когнитивной незрелости», то есть у студентов с когнитивными стилями «Импульсивный» и «Медленный и неточный» включает 4 фактора, мера адекватности выборки Кайзера-Майера-Олкина (КМО) — 0,786. Структура является полной и устойчивой (дисперсия — 85,156%) (табл. 3).

Таблица 3. Результаты факторного анализа в группе «С признаками когнитивной незрелости»

№	Переменные	Компоненты			
		1	2	3	4
1	Полезависимость	-0,480	0,726*	-0,005	-0,262
2	Полenezависимость	0,134	0,586	-0,234	0,577*
3	Узкий диапазон эквивалентности	0,718*	-0,088	-0,500	0,314
4	Широкий диапазон эквивалентности	0,746*	0,157	-0,229	0,021
5	Гибкость познавательного контроля	-0,792*	0,052	-0,079	-0,111
6	Ригидность познавательного контроля	0,745*	-0,191	-0,162	0,273
7	Импульсивность	-0,821*	0,110	-0,038	-0,037
8	Рефлексивность	0,874*	-0,246	-0,168	-0,001
9	Конкретная концептуализация	-0,058	0,888*	0,202	0,087
10	Абстрактная концептуализация	-0,621*	0,080	0,441	0,361
11	Толерантность к неопределенности	-0,319	0,186	0,785*	0,033
12	Нетолерантность к неопределенности	0,072	-0,045	0,699*	-0,248
13	Учебная успешность/успеваемость	-0,133	0,037	0,116	-0,814*
Дисперсия суммарная		34,262	48,470	62,104	73,269
Varimax вращение с нормализацией Кайзера сошлось за 6 итераций					

Примечание: * — значимая переменная, вошедшая в указанный фактор

В первом (кристаллизующем) факторе, условно названном «Внутреннее напряжение интеграции и дифференциации когнитивных стилей», напрямую взаимосвязаны узкий диапазон эквивалентности (0,718) и широкий диапазон эквивалентности (0,746), что, вероятно, обусловлено ситуативно и в результате импульсивности. А также обратно связанные доминирующая ригидность (0,745) и гибкость познавательного контроля (-0,792), импульсивность (-0,821) и рефлексивность (0,874), абстрактная концептуализация (-0,621). Доминирование ригидности над гибкостью может стать серьезным препятствием для эффективной деятельности, особенно в условиях быстрых изменений и неопределенности. При этом рефлексивность может выполнить роль потенциала к изменению стилевого профиля.

Второй фактор «Практическая ориентация стилей» включает полезависимость (0,726) и конкретную концептуализацию (0,888). Тенденция ориентироваться на внешние видимые признаки в сочетании с некоторой дифференциацией и недостаточной интеграцией понятий так же является препятствием для эффективной деятельности в условиях быстрых изменений и неопределенности.

Третий фактор «Внутреннее напряжение интеграции» характеризует единство толерантности к неопределенности (0,785) и нетолерантности к неопределенности (0,699). Студенты данной

группы могут быть одновременно и толерантны к неопределенности, и нетолерантны к ней, что вероятно обусловлено ситуативно. Четвертый фактор «Потенциальная адаптивная компенсация» характеризует обратную связь полenezависимости (0,577) и учебной успешности (-0,814). Специфические связи между внутренними когнитивными ресурсами в сочетании с признаками академической успешности ниже среднего (количество ошибок в решении заданий, средний балл успеваемости — 3,43) не является признаком компетентности и одаренности. Студенты нуждаются в развитии метакогнитивного опыта. Однако при этом полenezависимость может стать признаком метакогнитивного потенциала студентов данной группы.

Выводы

Таким образом, с позиций ресурсного и мета-системного подходов, теории квадриполярной модели получены взаимосвязи когнитивных стилей как ярких дескрипторов метасистемного уровня, принимающих участие в регуляции интеллектуальной деятельности и поведения, с признаками метакогнитивной одаренности. Полученные результаты, на наш взгляд, имеют теоретическую и практическую значимость, поскольку дополняют информацию о когнитивных стилях, признаках развивающейся компетентности и метакогнитивной одаренности студентов.

В процессе исследования были выделены группы студентов с признаками разной когнитивной зрелости: «Быстрые и точные», «Рефлексивные», «С признаками когнитивной незрелости» («Импulsive» и «Медленный и неточный»).

«Быстрые и точные» демонстрируют комплекс продуктивных характеристик, включающий развитую когнитивную гибкость, выраженную ориентацию на развитие потенциала, высокие аналитические способности, а также эффективное использование накопленных знаний и опыта. Наряду с этим, у данной группы были выявлены признаки дифференцированности механизмов переработки информации, что в совокупности рассматривается как ключевая продуктивная составляющая интеллектуальной зрелости. Полученные результаты соответствуют теории Р. Стернберга о компетентности как одаренности в её реальном выражении. Сформированность у этих студентов метакогнитивных механизмов, которые управляют гибкостью в использовании продуктивных когнитивных стилей в зависимости от требований, позволяет свидетельствовать о наличии у них метастиля в целом.

Студенты группы «Рефлексивные» потенциально так же, как и «Быстрые и точные», имеют ресурс когнитивной зрелости и компетентности (способность выявлять разного рода связи и отношения, использовать множество альтернативных способов интерпретации при детальном анализе и акцентом на точной оценке различий), актуализация которого занимает у них гораздо больше времени. Однако взаимосвязи признаков компетентности и когнитивной зрелости у них менее выражены и сопровождаются широким диапазоном эквивалентности, полезависимостью и конкретной концептуализацией, что может быть обусловлено социально-психологическими факторами, которые необходимо исследовать дополнительно. Таким образом, совокупность продуктивных когнитивных стилей как взаимосвязь разнообразно-

го, но принципиально сходного, является частью функционального метасистемного качества студентов с признаками одаренности.

Студенты группы «С признаками когнитивной незрелости» продемонстрировали признаки неточности в выявлении взаимосвязей и интерпретации ситуаций, ориентируясь на более общие, поверхностные признаки при категоризации, что является признаком дефицита метакогнитивных способностей. Полученные факты сужают возможности студентов данной группы в обработке информации в ситуациях неопределенности и не только. Однако студенты группы «С признаками когнитивной незрелости» имеют потенциал толерантности к неопределенности, широкого диапазона эквивалентности, быть открытыми к новому, но учебно-профессиональная компетентность требует интенсивного развития для актуализации этого потенциала.

Заключение

Полученные результаты исследования показывают, что индивидуальные особенности обработки информации взаимосвязаны с учебно-профессиональной компетентностью и предполагают возможность их развития в процессе профессионального становления студентов. Установление связей между стилями мышления и признаками одаренности как развивающейся компетентности открывает новые перспективы для изучения механизмов когнитивного и метакогнитивного развития студентов. Рассмотрение когнитивных стилей именно на уровне метасистемы позволяет учитывать комплекс факторов, влияющих на когнитивное и учебно-профессиональное развитие студентов. Изучение особенностей функционирования метакогнитивного аппарата создает условия для развития одаренности у студентов, обеспечивая возможности раскрытия их талантов и повышения эффективности профессиональной деятельности.

Литература:

- Волкова Н.Н., Гусев А.Н. Когнитивные стили: дискуссионные вопросы и проблемы изучения // Национальный психологический журнал. 2016. № 2(22). С. 28–37. DOI: 10.11621/npj.2016.0203
- Карпов А.В. Метасистемная организация субъектных детерминант профессиональной деятельности // Вестник ЯрГУ. Серия «Гуманитарные науки». 2022. Т. 16. № 3. DOI: 10.18255/1996-5648-2022-3-494-505
- Карпов А.В., Карпова Е.В. Методологические основы психологии образовательной деятельности: монография: в 3 т. Т. 1. Метасистемный подход. Ярославль: ЯрГУ, 2018.
- Терехова Т.А., Канавина С.С. Когнитивный стиль как важный фактор повышения профессионализма практикующих психологов // Baikal Research Journal. 2024. Т. 15. № 4. С. 1604–1614. DOI 10.17150/2411–6262.2024
- Толочек В.А. Стили деятельности: ресурсный подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.

- Толочек В.А. Проблема стилей в психологии: историко-теоретический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Толочек В.А. Профессиональная карьера: феномен, эволюция, ресурсы субъекта. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2025. DOI: 10.11621/LPJ-25-02
- Холодная М.А. Интеллектуальная одаренность как развивающаяся интеллектуальная компетентность // Психология одаренности и творчества: монография / под ред. проф. Л.И. Ларионовой, проф. А.И. Савенкова. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 149–163.
- Холодная М.А. Когнитивная психология. Когнитивные стили: учебник для вузов. 3-е изд. М.: Издательство Юрайт, 2025.
- Холодная М.А. Многомерная природа показателей интеллекта и креативности: методические и теоретические следствия // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 3. С. 18–31.
- Шадриков В.Д. Способности и одаренность человека: монография. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2019.
- Яблокова А.В. Когнитивные стили в структуре психологической готовности к обучению в школе: дисс... канд. психол. наук. Ярославль, 2017.
- Amin M., Khan A.A., Heer P., Shabnum, Amin M. Cognitive Styles and Demographic Variables: A Meta-Analysis Study // International Journal For Multidisciplinary Research. 2023. № 5(2). DOI: <https://doi.org/10.36948/ijfmr.2023.v05i02.2740>
- Kalmatova, G., Duishonbekova, G., Moldobaeva, D., Guseinova, Z., Orozaliev, E. Influence of cognitive styles on students' research activities // Scientific Herald of Uzhhorod University Series Physics. 2024. № 56. P. 2230–2239. DOI: <https://doi.org/10.54919/physics/56.2024.223wh0>
- Lacko D., Prošek T., Čeněk J., Helísková M., Ugwitz P., Svoboda V., Počaji P., Vais M., Halířová H., Juřík V., Šašínska Č. Analytic and holistic cognitive style as a set of independent manifests: Evidence from a validation study of six measurement instruments // PLoS One. 2023. № 18(6). Art. e0287057. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0287057>
- Lwande C., Muchemi L., Oboko R. Identifying learning styles and cognitive traits in a learning management system // Heliyon, 2021. № 7(8). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2021.e07701>
- Jiang L., Yang C.; Pi Z.; Li Y.; Liu S.; Yi X. Individuals with High Metacognitive Ability Are Better at Divergent and Convergent Thinking // Journal of Intelligence. 2023. № 11(8). P. 162. DOI: <https://doi.org/10.3390/jintelligence11080162>

COGNITIVE STYLES IN STUDENTS: FROM PRODUCTIVITY TO MARKERS OF GIFTEDNESS

© Irina A. Kibalchenko

DSc in Psychology, Associate Professor, Professor, Department of Psychology and Life Safety,
Southern Federal University, Taganrog, Russia
kibalirina@sfedu.ru; ORCID: 0000-0001-7730-7172

© Tatiana V. Eksakusto

PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Psychology and Life Safety,
Southern Federal University, Taganrog, Russia
exakusto@sfedu.ru; ORCID: 0000-0002-6862-2063

The relevance of this study is driven by the growing need for a comprehensive understanding of the dynamics of metacognitive abilities, cognitive styles, metacognitive giftedness, and developing competence in students, from resource and meta-systemic perspectives, to effectively diagnose and foster their intellectual potential. The aim of this research is to investigate the structural peculiarities of cognitive styles within student groups differentiated by the criteria of speed and quality of task performance, considering their academic and professional success. Structural stylistic peculiarities were identified within groups of students exhibiting giftedness markers (rapid and accurate, reflective) and groups displaying cognitive immaturity (impulsive, slow and inaccurate). Students in the “Rapid and Accurate” group are

characterized by a combination of productive thinking strategies, flexibility, and a propensity for realizing their potential; the ability to analyze and effectively utilize their existing knowledge and experience, alongside high academic and professional competence. This reflects indicators of intellectual maturity and giftedness in its manifested form. The well-developed metacognitive mechanisms in these students signify the development of their meta-style in its entirety. For reflective students, despite possessing the potential for cognitive maturity and competence, the interconnections between these attributes (the ability to analyze and effectively utilize their knowledge and experience) are less pronounced, which may present a foundation for further development. Students in the group “With Markers of Cognitive Immaturity” often exhibit difficulties in discerning complex interrelationships and accurately interpreting situations, primarily due to an over-reliance on superficial categorical cues, tern indicative of underdeveloped metacognitive abilities, despite having potential for the development of their academic and professional competence. It is concluded that the aggregate of productive cognitive styles, viewed as a system of diverse yet fundamentally similar interconnections, constitutes a component of the functional meta-systemic quality of students exhibiting giftedness.

Keywords: cognitive styles, productive cognitive styles, cognitive immaturity, stylistic characteristics, metacognitive giftedness, developing competence.

REFERENCES

- Volkova N.N., Gusev A.N.* (2016). Cognitive Styles: Debatable Issues and Research Problem // National Psychological Journal. № 2(22). P. 28–37. DOI: 10.11621/npj.2016.0203
- Karpov A.V.* (2022). Metasystem Organization of Subjective Determinants of Professional Activity // Bulletin of Yaroslavl State University. Series “Humanities”. Vol. 16. № 3. DOI: 10.18255/1996-5648-2022-3-494-505
- Karpov A.V., Karpova E.V.* (2018). Methodological Foundations of Educational Psychology: Monograph: in 3 vol. Vol.1. Metasystem Approach. Yaroslavl: Yaroslavl State University.
- Terekhova T.A., Kanavina S.S.* (2024). Cognitive Style as an Important Factor in Enhancing Professionalism of Practicing Psychologists // Baikal Research Journal. Vol. 15. № 4. P. 1604–1614. DOI 10.17150/2411–6262.2024
- Tolochek V.A.* (2015). Activity Styles: A Resource-Based Approach. Moscow: Publ. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences.
- Tolochek V.A.* (2013). The Problem of Styles in Psychology: Historical and Theoretical Analysis. Moscow: Publ. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences.
- Tolochek V.A.* (2025). Professional Career: Phenomenon, Evolution, Subject’s Resources. Moscow: Publ. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. DOI: 10.11621/LPJ-25-02
- Kholodnaya M.A.* (2017). Intellectual Giftedness as Developing Intellectual Competence. In Larionova L.I. & Savenkov A.I. (eds.) Psychology of Giftedness and Creativity: Monograph. Moscow; Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya. P. 149–163.
- Kholodnaya M.A.* (2025). Cognitive Psychology. Cognitive Styles: A Textbook for Universities. 3rd ed. Moscow: Publ. Yurait.
- Kholodnaya M.A.* (2020). Multidimensional Nature of Intelligence and Creativity Indicators: Methodological and Theoretical Implications // Psychological Journal. Vol. 41. № 3. P. 18–31.
- Shadrikov V.D.* (2019). Abilities and Giftedness of a Human: Monograph. Moscow: Publ. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences.
- Yablokova A.V.* (2017). Cognitive Styles in the Structure of Psychological Readiness for School Education. Cand. Sci. (Psychology) diss. Yaroslavl.
- Amin M., Khan A.A., Heer P., Shabnum, Amin M.* (2023). Cognitive Styles and Demographic Variables: A Meta-Analysis Study // International Journal for Multidisciplinary Research. № 5(2). DOI: <https://doi.org/10.36948/ijfmr.2023.v05i02.2740>
- Kalmatova G., Duishonbekova G., Moldobaeva D., Guseinova Z., Orozaliev E.* (2024). Influence of cognitive styles on students’ research activities // Scientific Herald of Uzhhorod University Series Physics. № 56. P. 2230–2239. DOI: <https://doi.org/10.54919/physics/56.2024.223wh0>
- Lacko D., Prošek T., Čeněk J., Helisková M., Ugwitz P., Svoboda V., Počaji P., Vais M., Halířová H., Juřík V., Šašíňka Č.* (2023). Analytic and holistic cognitive style as a set of independent manifests: Evidence from

a validation study of six measurement instruments // PLoS One. № 18(6). Art. e0287057. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0287057>

Lwande C., Muchemi L., Oboko R. (2021). Identifying learning styles and cognitive traits in a learning management system // *Heliyon*. № 7(8). Art. e07701. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2021.e07701>

Jiang L., Yang C., Pi Z., Li Y., Liu S., Yi X. (2023). Individuals with High Metacognitive Ability Are Better at Divergent and Convergent Thinking // *Journal of Intelligence*. № 11(8). P. 162. DOI: <https://doi.org/10.3390/jintelligence11080162>

МАЙНДФУЛНЕСС И ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ

©Лобанов А.П.

Доктор психологических наук, Институт психологии УО «Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка», Минск, Беларусь;
УО «Гродненский государственный университет им. Янки Купалы», Гродно, Беларусь
lobanov.ap@outlook.com; ORCID: 0000-0001-7262-0055

©Дроздова Н.В.

Кандидат психологических наук, доцент, Институт психологии УО «Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка», Минск, Беларусь
drozdova_33@mail.ru; ORCID: 0009-0004-5298-4803

© Певнева А.Н.

Кандидат психологических наук, доцент, УО «Гродненский государственный университет им. Янки Купалы», Гродно, Беларусь
pevneva_AN@grsu.by; ORCID: 0000-0001-6304-0649

Для цитирования:

Лобанов А.П., Дроздова Н.В., Певнева А.Н. Майндфулнесс и эмоциональный интеллект студентов-психологов // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2026. Т. 6. № 1(18). С. 27-33.

DOI: 10.38098/proceedings_2026_06_01_03

Lobanov A.P., Drozdova N.V., Pevneva A.N. Mindfulness and emotional intelligence of psychology students. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2026, Vol. 6, No 1(18), Pp. 27-33.

DOI: 10.38098/proceedings_2026_06_01_03

Нестрогий и неоднозначный характер определения понятия майндфулнесс предопределяет научную новизну его исследований, что согласуется с востребованностью их результатов практикой широкого круга специалистов помогающих профессий. Майндфулнесс как форма индивидуального сознания включает когнитивный и аффективный компоненты. Рассматривается взаимосвязь майндфулнесс и эмоционального интеллекта как понимания и управления эмоциями. Майндфулнесс (в понимании авторов методики — осознанность и внимательность) определяется как целостный конструкт и как совокупность факторов, и соотносится с эмоциональным интеллектом в парадигме черт личности и способности. Определена иерархия выраженности структурных компонентов осознанности и внимательности и видов эмоционального интеллекта. Майндфулнесс значимо коррелирует с эмоциональным интеллектом как чертой личности (общим показателем и шкалами благополучие и самоконтроль), а также с общим, межличностным и внутриличностным эмоциональным интеллектом как способностью.

Ключевые слова: осознанность, осознанная внимательность, внимательная осознанность, эмоциональный интеллект, черта личности, способность

Введение

В русскоязычной литературе в последнее время все чаще употребляется понятие осознанности, которое является упрощенным переводом с английского языка слова «mindfulness (майндфулнесс)». Можно так же встретить две других формы перевода: осознанная внимательность или внимательная осознанность. Проблема перевода, во многом, соизмерима с интерпретацией цвета изумруда в эксперименте Нельсона Гудмена (Томпсон, 2003, с. 39–40). Как назвать цвет изумруда, если до определенного времени он — зеленый, а затем меняет цвет на голубой? Н. Гудмен в таком случае предлагает говорить об изумруде «зелубого» цвета. Не зелено-голубого, а именно

зелубого, когда оба цвета не существуют одновременно, а один цвет постепенно, но неумолимо, отрицает другой. На наш взгляд, понятие майндфулнесс так же отражает попытку сознания зафиксировать определенную стабильность, не утратив динамику взаимопереходов внимательности в осознанность и осознанности во внимательность.

В психологической литературе имеет место альтернативный подход, согласно которому осознанность как непосредственная фокусировка без концептуализации воспринимаемого опыта противопоставляется внимательности: более общему понятию как результату отражения непосредственно переживаемых событий и одновременно осмысления объективной реальности и внутрен-

них субъективных репрезентаций. В то же время подчеркивается, что между осознанностью и внимательностью много общего — «отношение к мысли как просто мысли, а не как онтологическому отражению действительности» (Пуговкина, Шильникова, 2014, с. 19).

В монографии «Психология осознанности» В. Ф. Дубков под осознанностью («майндфулнесс») понимает многоуровневую поэтапную синергизацию процессов интенсификации инсайта, сосредоточения и памяти (Дубков, 2024). При этом содержание названного выше понятия он конкретизирует посредством таких дефиниций, как

бдительное внимание и распознавание, отражательное осознание, пронизательное внимание.

Формально принято утверждать, что понятие «майндфулнесс» впервые было использовано в практике светской медитации Дж. Кабат-Зинна (и заимствовано из философии буддизма). На наш взгляд, не все так просто и однозначно. Не одно и не два понятия вошли в научный тезаурус из религиозно-философских учений и терапевтических практик, но не так часто, как «майндфулнесс» какое-либо из них имело такой резонанс. Можно утверждать, что зерно упало на подготовленную почву (рис. 1).

Рис. 1. Семантические корни понятия майндфулнесс

С одной стороны, интерес к данной проблематике был подготовлен увлечениями восточной философией; с другой стороны, такого рода теоретические изыскания были не чужды творческой богеме, художникам и поэтам. В этом смысле интерес представляет концепция четвертого пути самосовершенствования через осознанность и самонаблюдение, а также осознанное присутствие в каждом моменте Г.И. Гурджиева (Мошкин, 2021; Греков, 2013).

Определенные аналогии можно провести с рационализирующим созерцанием, синкретической нерасчлененностью ощущений и эмоций на полотнах Р. Магритта, а также с известной концепцией отстранения В. Шкловского. Так, на картине Р. Магритта «Застывшее время» мы видим написанные с фотографической точностью камин, зеркало и настольные часы. Все статично и буднично, и только выезжающий из камина паровоз будоражит наше сознание, порождает осознанную внимательность. Паровоз движется, дым идет из трубы и исчезает в дымоходе. Возможно, расставание с детской игрушкой (паровозиком), ассоциированное с часами, символизирует для художника безвозвратно исчезающее детство.

Настоящее актуализирует прошлое и поглощает его. Медитация без медитации, пролонгированное чистое созерцание, огражденное от будничных перемен (Дроздова, Лобанов, Зданко, 2025). В. Шкловский предназначение искусства видел в том, чтобы вывести зрителя из автоматизма восприятия, позволить ему воспринимать реальность непосредственно, как видение, а не узнавание; позволить, например, нарисованному яблоку явить свою яблочность (Лобанов, Дроздова, Грицевич, 2025).

Исследуя природу майндфулнесс, Д. Сигел указывает на следующее: во-первых, это понятие необходимо рассматривать как одну из форм метапознания (или метасознания — осознание осознания); во-вторых, внимательное осознание включает в себя рефлекссию внутреннего опыта и сменяющихся друг друга ментальных событий и, в-третьих, ему можно и нужно обучать, начиная с начальной школы (Сигел, 2016).

История осмысления понятия майндфулнесс достаточно полно представлена в исследованиях Е.В. Ветерок и Л.В. Зиновьевой (Ветерок, Зиновьева, 2019), Э. Лангер (Лангер, 2014), О.В. Митиной с соавторами (Митина, Леонтьев, Александров,

ва, Костенко, Кошелева, 2021), О.Д. Пуговкиной и Э.И. Шильниковой (Пуговкина, Шильникова, 2014), Д. Сигела (Сигел, 2016), S.R. Bishop (Bishop, Lau, Shapiro, Carlson et al., 2024).

Э. Лангер рассматривает mindfulness (осознанность) в его оппозиции к mindlessness (неосознанность или даже бездумность без ее негативной окраски), что значит жить в настоящем и замечать удивительное в обычном (Лангер, 2024). О.В. Митина с соавторами следующим образом конкретизируют лангеровский конструкт, рассматривая осознанность как состояние познавательной активности, в котором индивид активно конструирует свою среду, сознательно манипулируя ее признаками; напротив, в состоянии mindlessness индивид имеет дело с уже построенной средой, автоматически перерабатывая информацию о ней (Митина, Леонтьев, Александрова, Костенко, Кошелева, 2021). Впрочем, если буквально следовать теории осознанности Э. Лангер, то надо принимать во внимание тот факт, что осознанность не обязательно предполагает контролируруемую обработку информации, мало того она может быть неосознанной (Лангер, 2024).

Шиан-Лин Кенг с соавторами (Keng, Smoski, Robins, 2011) под осознанностью понимает психическую активность, которая характеризуется наличием контроля внимания за протекающими в данный момент психическими и физическими процессами (при ограничении мыслительного и эмоционального автоматизма). Кроме того, согласно авторской двухкомпонентной модели осознанности, С. Бишоп предлагает различать компонент, которой связан с саморегуляцией сосредоточенного на текущих переживаниях внимания, и компонент, связанный с установкой на восприятие текущих событий, исходя из неподдельного любопытства и открытости новому опыту (Bishop, Lau, Shapiro, Carlson et al., 2024).

Таким образом, несмотря на то что «майндфулнесс» в настоящее время представляет собой нестрогое понятие (или даже общее представление), где философско-религиозное познание встретилось с познанием научным и с подкупающей простотой житейских практик, видимо, его не следует переводить на русский язык по целому ряду причин. Во-первых, заимствованный термин устранил противоречивое толкование содержания понятия как осознанная внимательность или внимательная осознанность. Во-вторых, сохранил процессуальный характер его определения: состояние осознанного присутствия в каждом моменте. В-третьих, майндфулнесс будет акцентировать внимание исследователя на безоценочном при-

сутствии субъективного контроля со стороны индивидуального сознания испытуемого.

Кроме того, майндфулнесс как форма сознания включает в себя когнитивный и аффективный анализ окружающей действительности, а следовательно, позволяет сделать предположение о его корреляции с интеллектом, например, с эмоциональным.

Вслед за Д.В. Люсиным под эмоциональным интеллектом будем понимать способность к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими (Люсин, 2006). При этом необходимо учитывать тот факт, что сосуществуют как минимум два конкурирующих подхода к исследованию эмоционального интеллекта: как способности и черты личности. На наш взгляд, это можно объяснить научной специализацией конкретного ученого: специалист в области психологии эмоций предложит следующую последовательность: эмоция — интеллектуальная эмоция — познание эмоций — эмоциональный интеллект; специалист в области интеллекта, проделает тот же путь, в обратном направлении — от интеллекта через познание эмоций к эмоциональному интеллекту (Лобанов, Радчикова, Айсмонтас, Воронова, 2017).

Методы исследования

Для диагностики эмоционального интеллекта были использованы следующие методики: «Черты эмоционального интеллекта» К. Петридеса и А. Фернхема в адаптации А.А. Панкратовой, Д.С. Корниенко, А.В. Фетисовой (Крюкова, Шестова, 2020) и «Эмоциональный интеллект (ЭМИн)» Д.В. Люсина; майндфулнесс (осознанности) — «Шкала оценки осознанности и внимательности» К. Брауна и Р. Райана и «Опросник по пяти факторам осознанности» («Five Facet Mindfulness Questionnaire») Р. Баер (в адаптации Н.М. Юматовой и Н.В. Гришиной) (Юматова, Гришина, 2016). Контингент испытуемых — 78 студентов 2 курса Института психологии Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка (преимущественно девушки).

Результаты исследования и их анализ

Согласно методике «Опросник по пяти факторам осознанности» Р. Баер (таблица 1), можно предположить, что студенты-психологи более высоко оценивают свои способности к безоценочному отношению, принятию своего внутреннего опыта таким, какой он есть, без отрицания и подавления (30,89) и описательность опыта (30,31) как навыка его вербализации. Далее в структуре их майндфулнесс (по мере убывания) представлены осознанность в процессе — умение быть вклю-

ченным в настоящий момент, быть здесь и сейчас (28), навык наблюдения (наблюдательность) как умение отслеживать свой внешний и внутренний опыт на уровне эмоционально-сенсорных процессов, своих эмоций и ощущений (26,14) и нереагирующее отношение — способность не застревать на своих мыслях, не цепляться за них, когда они

приходят и уходят в сферу сознания. Что касается уровня выраженности майндфулнесс по тесту «Шкала оценки осознанности и внимательности» К. Брауна и Р. Райана, то значения в диапазоне от 45 до 75 баллов, по мнению Н.М. Юмратовой и Н.В. Гришиной, соответствуют его средним показателям.

Таблица 1. Показатели осознанности студентов

Шкалы	Среднее	Медиана	Стандартное отклонение
«Шкала оценки осознанности и внимательности» К. Брауна и Р. Райана			
Сумма значений	59,34	60	14,63
«Опросник по пяти факторам осознанности» Р. Баср			
Навык наблюдения (НН)	26,14	28	6,36
Описательность опыта (ОО)	30,31	32	6,19
Осознанность в процесс (ОП)	28,00	29	8,91
Безоценочное отношение (БО)	30,89	31	8,82
Нереагирующее отношение (НР)	21,46	21	4,09

Согласно полученным результатам при помощи теста «Черты эмоционального интеллекта» К. Петридеса и А. Фернхема (таблица 2), в структуре эмоционального интеллекта будущих психологов более выражены такие его черты, как благополучие (well-being, 5,38) и коммуникабельность (sociability, 5,19), чем самоконтроль (selfcontrol,

5,09) и эмоциональность (emotionality, 5,08). По тесту Д.В. Люсина у студентов средние показатели межличностного эмоционального интеллекта (46,09) выше, чем внутриличностного (45,83). Такое соотношение видов эмоционального интеллекта не характерно для студентов младших курсов и, видимо, обусловлено спецификой выборки.

Таблица 2. Показатели эмоционального интеллекта студентов

Шкалы	Среднее	Медиана	Стандартное отклонение
«Черты эмоционального интеллекта» К. Петридеса и А. Фернхема			
Эмоциональность	5,08	5,13	0,94
Коммуникабельность	5,19	5,33	1,09
Благополучие	5,38	5,67	1,41
Самоконтроль	5,09	5,10	1,02
EQ	20,74	21,37	3,52
«Эмоциональный интеллект» Д.В. Люсина			
Межличностный	46,09	45,00	8,57
Внутриличностный	45,83	45,00	9,57
ЭИ	91,91	88,00	14,89

В результате корреляционного анализа (по методу r_s -Спирмена) установлено, что осознанность, диагностируемая тестом К. Брауна и Р. Райана, значимо коррелирует с эмоциональным интеллектом (EQ) в парадигме К. Петридеса (0,40; $p < 0,05$), а также с двумя его шкалами: благополучие (0,42; $p < 0,05$) и самоконтроль (0,35; $p < 0,05$). На уровне субшкал она взаимосвязана с поддержкой отноше-

ний (0,35; $p < 0,05$), управлением эмоциями (0,34; $p < 0,05$), оптимизмом (0,36; $p < 0,05$) и счастьем (0,46; $p < 0,01$), а также с низкой импульсивностью (0,40; $p < 0,05$), управлением стрессом (0,36; $p < 0,05$) и самомотивацией (0,34; $p < 0,05$). Наибольшее количество корреляций с субшкалами EQ имеет такая шкала осознанности, как описательность опыта: с коммуникабельностью (0,56; $p < 0,001$),

включая управление эмоциями (0,49; $p < 0,01$) и социальная компетентность (0,46; $p < 0,01$), с оптимизмом (0,38; $p < 0,05$), адаптивностью (0,39; $p < 0,05$) и самомотивацией (0,40; $p < 0,05$).

Все три вида эмоционального интеллекта Д.В. Люсина коррелируют с осознанностью как недифференцированным понятием (по тесту К. Брауна и Р. Райана): с общим (0,50; $p < 0,01$), межличностным (0,37; $p < 0,05$) и внутриличностным (0,50; $p < 0,01$). Взаимосвязь также обнаружена между ЭИ и отдельными субшкалами осознанности, диагностируемыми при помощи методики Р. Баер. С осознанностью в процессе коррелирует общий (0,49; $p < 0,01$), межличностный (0,37; $p < 0,05$) и внутриличностный (0,48; $p < 0,01$) ЭИ. Внутриличностный эмоциональный интеллект студентов также значимо взаимосвязан с безоценочным отношением к своему опыту (0,47; $p < 0,01$), а общий — с безоценочным отношением (0,36; $p < 0,05$) и осознанностью опыта (0,34; $p < 0,05$).

Заключение

В результате проведенного исследования установлено, что майндфулнесс (осознанность) у будущих психологов положительно взаимосвязана с эмоциональным интеллектом как в парадигме способностей, так и черт личности. Суммарный показатель теста «Шкала оценки осознанности и внимательности» К. Брауна и Р. Райана значимо коррелирует с двумя из четырех шкал методики «Черты эмоционального интеллекта» К. Петридеца и А. Фернхема: благополучие и самоконтроль, а также с их отдельными субшкалами (поддержкой отношений, управлением эмоциями, оптимизмом и счастьем, низкой импульсивностью, управлением стрессом и самомотивацией). Методика «Эмоциональный интеллект» (ЭМИн) Д.В. Люсина позволяет констатировать наличие взаимосвязи ее

шкал (в парадигме эмоционального интеллекта как способности) с осознанностью, диагностируемой на уровне суммарного показателя (тест К. Брауна и Р. Райана) и отдельных шкал (тест Р. Баер). В первом случае имеет место более тесная взаимосвязь с общим и внутриличностным, чем с межличностным, эмоциональным интеллектом. Во втором случае шкалы осознанности избирательно коррелируют с видами эмоционального интеллекта: осознанность в процессе с общим, межличностным и внутриличностным; безоценочное отношение к своему опыту с внутриличностным и общим; осознанность опыта с общим эмоциональным интеллектом.

На наш взгляд, майндфулнесс, как и эмоциональный интеллект необходимо рассматривать в контексте мягких навыков (Soft Skills), в своей совокупности позволяющих более эффективно и менее травматично реализовывать свой потенциал в современном постоянно меняющемся мире. В этом смысле нельзя не согласиться с утверждением М.С. Гусельцевой, что осознанность представляет собой не только психологический феномен, стратегию осмысленной жизни в эпоху турбулентности, но и культурную (повседневную) практику (Гусельцева, 2024).

Таким образом, феномен майндфулнесс (осознанности, внимательности, внимательной осознанности или осознанной внимательности), безусловно, имеет место быть и подлежит научному объяснению. В то же время он не подменяет собой интеллект, не является его альтернативой, отражая более локальные и менее дифференцированные процессы познания. Конструкт востребован практикой, сочетая в себе рефлексивность, субъективный контроль и безоценочность суждений и элементы индивидуального метапознания окружающей реальности.

Литература:

- Ветерок Е.В., Зиновьев Л.В. Теоретические аспекты изучения феномена осознанности в современной науке // Смальта. 2019. № 1. С. 15–22.
- Греков И.М. Развитие и интерпретация идей Г.И. Гурджиева в работах его последователей // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2013. № 1. С. 16–21.
- Гусельцева М.С. Осознанность как фактор устойчивости личности в меняющемся мире // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2024. Т. 14. Вып. 3. С. 414–433. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu16.2024.302>
- Дроздова Н.В., Лобанов А.П., Зданко Е.Д. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и осознанности у студентов-психологов // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. ст.: в 4 ч.; ред. кол. В.А. Гайсёнок [и др.]. Минск: РИВШ, 2025. Ч. 3. С. 86–92.
- Дубков В.Ф. Психология осознанности: монография. Москва: Знание-М, 2024.

- Крюкова Е.А., Шестова М.А. Эмоциональный интеллект в структуре интеллектуально-личностного потенциала человека: черта или способность? (адаптация краткой версии опросника TEIQue SF) // Национальный психологический журнал. 2020. № 3(39). С. 18–30.
- Лангер Э. Mindfulness. Главная книга о том, как осознанность помогает улучшить все сферы жизни. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2024.
- Лобанов А.П., Дроздова Н.В., Грищевич К.С. Культурный и политический интеллект и осознанность у студентов-психологов // Высшая школа. 2025. № 3. С. 3–6.
- Лобанов А.П., Радчикова Н.П., Айсмонтас Б.Б., Воронова А.В. Эмоциональный интеллект: к проблеме операционализации понятия в контексте эмпирического исследования // Вестник Полоцкого гос. ун-та. Серия Е «Педагогические науки». 2017. № 7. С. 69–74.
- Люсин Д.В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: ЭМИн // Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 3–22.
- Митина О.В., Леонтьев Д.А., Александрова Л.А., Костенко В.Ю., Кошелева Н.В. Осознанность в структуре саморегуляции: структура и психодиагностические возможности методики оценки осознанного присутствия (МООП) // Психологические исследования. 2021. Т. 14. № 76. С. 7.
- Мошкин А.Н. Синтез культур и квазиисторическая традиция в учении Георгия Гурджиева // Via in tempore. История. Политология. 2021. № 48(1). С. 211–229. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-1-211-229
- Пуговкина О.Д., Шильникова З.И. Концепция mindfulness (осознанность): неспецифический фактор психологического благополучия // Современная зарубежная психология. 2014. № 2. С. 18–28.
- Сигел Д. Внимательный мозг: Научный взгляд на медитацию. Изд-во: Манн, Иванов и Фербер, 2016.
- Томпсон М. Философия науки. Пер. с англ. А. Гарькавого. Москва: ФАИР-ПРЕСС, 2003.
- Юматова Н.М., Гришина Н.В. Осознанность (mindfulness): Психологические характеристики и адаптация инструментов измерения // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 4. С. 105–115.
- Bishop S.R., Scott L., Mark S.S., Carlson L., Car-Mody J., Zindel V.S. Mindfulness: A Proposed Operational Definition // Clinical Psychology: Science & Practice. 2004. Vol. 11(3). P. 230–241.
- Keng S.-L., Smoski M.J., Robins C.J. Effects of mindfulness on psychological health: A review of empirical studies // Clinical Psychology Review. 2011. Vol. 31(6). P. 1041–1056.

MINDFULNESS AND EMOTIONAL INTELLIGENCE OF PSYCHOLOGY STUDENTS

© Aleksandr P. Lobanov

Doctor of Psychological Sciences, Professor, Institute of Psychology, Belarusian State Pedagogical University named after Maksim Tank, Minsk, Belarus;
Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus
lobanov.ap@outlook.com; ORCID: 0000-0001-7262-0055

© Nataliya V. Drozdova

PhD in psychology, Institute of Psychology of the Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus
drozdova_33@mail.ru; ORCID: 0009-0004-5298-4803

© Angela N. Pevneva

PhD in psychology, Yanka Kupala State University of Grodno,
Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus
pevneva_AN@grsu.by; ORCID: 0000-0001-6304-0649

The lax and ambiguous nature of the definition of mindfulness determines the scientific novelty of his research, which is consistent with the relevance of their results to the practice of a wide range of specialists in helping professions. Mindfulness as a form of individual consciousness includes cognitive and affective components. The interrelation of mindfulness and emotional intelligence as understanding and managing emotions is considered. Mindfulness (in the understanding of the authors of the methodology — mindfulness and mindfulness) is defined as an integral construct and as a set of factors and correlates

with emotional intelligence in the paradigm of personality traits and abilities. The hierarchy of severity of the structural components of mindfulness and attentiveness and types of emotional intelligence is determined. Mindfulness significantly correlates with emotional intelligence as a personality trait (a common indicator and scales of well-being and self-control), as well as with general, interpersonal and intrapersonal emotional intelligence as an ability.

Keywords: mindfulness, mindful mindfulness, mindful mindfulness, emotional intelligence, personality trait, ability

REFERENCES

- Bishop S.R., Scott L., Mark S.S., Carlson L., Car-Mody J., Zindel V.S. (2004). Mindfulness: A Proposed Operational Definition // *Clinical Psychology: Science & Practice*. Vol. 11(3). P. 230–241.
- Drozdova N.V., Lobanov A.P., Zdanko E.D. (2025). Interrelation of emotional intelligence and awareness among psychology students // *Scientific works of the Republican Institute of Higher Education. Historical and psychological and pedagogical sciences: collection of scientific articles: in 4 parts; edited by V.A. Gaisnok [et al.]. Minsk: RIVSH, Part 3*. P. 86–92.
- Dubkov V.F. (2024). *Psychology of mindfulness: A monograph*. Moscow: Science- M.
- Grekov I.M. (2013). The development and interpretation of G.I. Gurdjieff's ideas in the works of his followers // *Humanities and socio-economic Sciences*. № 1. P. 16–21.
- Guseltseva M.S. (2024). Awareness as a factor of personality stability in a changing world // *Bulletin of St. Petersburg University. Psychology*. Vol. 14. Issue 3. P. 414–433. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu16.2024.302>
- Keng S.-L., Smoski M.J., Robins C.J. (2011). Effects of mindfulness on psychological health: A review of empirical studies // *Clinical Psychology Review*. Vol. 31(6). P. 1041–1056.
- Kryukova E.A., Shestova M.A. (2020). Emotional intelligence in the structure of a person's intellectual and personal potential: trait or ability? (adaptation of the short version of the TEIQue SF questionnaire) // *National Psychological Journal*. Vol. 3(39). P. 18–30.
- Langer E. (2024). *Mindfulness. The main book is about how mindfulness helps to improve all areas of life*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber.
- Lobanov A.P., Drozdova N.V., Gritsevich K.S. (2025). Cultural and political intelligence and awareness among psychology students // *Higher School*. № 3. P. 3–6.
- Lobanov A.P., Radchikova N.P., Aismontas B.B., Voronova A.V. (2017). Emotional intelligence: towards the problem of concept operationalization in the context of empirical research // *Bulletin of the Polotsk State University. Series E "Pedagogical sciences"*. № 7. P. 69–74.
- Lyusin D.V. (2006). A new technique for measuring emotional intelligence: EmIn // *Psychological diagnostics*. № 4. P. 3–22.
- Mitina O.V., Leontiev D.A., Alexandrova L.A., Kostenko V.Yu., Kosheleva N.V. (2021). Awareness in the structure of self-regulation: the structure and psychodiagnostic possibilities of the methodology for assessing conscious presence (MOO) // *Psychological Research*. Vol. 14. № 76. C. 7.
- Moshkin A.N. (2021). Synthesis of cultures and quasi-historical tradition in the teachings of George Gurdjieff // *Via in tempore. History. Political science*. № 48(1). P. 211–229. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-1-211-229
- Pugovkina O.D., Shilnikova Z.I. (2014). The concept of mindfulness: a non-specific factor of psychological well-being // *Modern foreign psychology*. № 2. P. 18–28.
- Siegel D. (2016). *The Attentive Brain: A Scientific Look at Meditation*. Publishing house: Mann, Ivanov and Ferber.
- Thompson M. (2003). *Philosophy of Science*. Translated from English by A. Garkavogo. Moscow: FAIR PRESS.
- Veterok E.V., Zinoviev L.V. (2019). Theoretical aspects of studying the phenomenon of mindfulness in modern science // *Smalta*. № 1. P. 15–22.
- Yumatova N.M., Grishina N.V. (2016). Mindfulness: Psychological characteristics and adaptation of measurement tools // *Psychological Journal*. Vol. 37. № 4. P. 105–115.

СОЦИАЛЬНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ И ИНДИВИДУАЛЬНЫХ НОРМ В ДЕТЕРМИНАЦИИ ПРОСОЦИАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАМЕРЕНИЙ РОССИЯН

© Соловова Н.А.

Кандидат психологических наук, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
solovovana@gmail.com; ORCID: 0000-0002-1112-0759

© Гагарина М.А.

Доктор психологических наук, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
mgagarina224@gmail.com; ORCID: 0000-0002-7812-7875

Исследование выполнено за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета

Для цитирования:

Соловова Н.А., Гагарина М.А.
Роль социальных и индивидуальных норм в детерминации просоциальных экономических намерений россиян // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2026. Т. 6. № 1(18). С. 34-48.
DOI: 10.38098/proceedings_2026_06_01_04

Solovova N.A., Gagarina M.A.
The role of social and individual norms in determining prosocial economic intentions of russians. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2026, Vol. 6, No 1(18), Pp. 34-48.
DOI: 10.38098/proceedings_2026_06_01_04

В статье анализируется готовность респондента оценивать текущую ситуацию либо как манипулирование с целью изъятия денежных средств (мошенничество), либо как требующую просоциальных действий в ситуации, когда к нему обращаются за пожертвованием денежных средств. *Цель.* Определить факторы, детерминирующие готовность россиян к просоциальному экономическому поведению в ситуации морально-го выбора, характеризующегося высокой степенью неопределенности. *Выборка.* В исследовании приняли участие 229 респондентов в возрасте от 17 до 74 лет ($M_{\text{возраст}} = 35$ лет; 161 женщина); 35 экспертов (врачи и практикующие психологи). *Методы.* Дилеммы, различающиеся по возможности респондентов повлиять на исход проблемы и степени тяжести последствий отказа от просоциальных действий, разработанные на основании объявлений, размещенных в сети Интернет и адаптированные для исследовательских целей; «Опросник моральных оснований» в адаптации О.А. Сычева, сокращенная версия «Опросника социальных аксиом» М. Бонда, К. Леунга, «Опросник мотивов одалживания» М.А. Гагариной и «Шкала эмоционального отклика» А. Меграбяна,

Н. Эпштейна. *Результаты.* Выраженность просоциальных экономических намерений не связана с уровнем воспринимаемого поведенческого контроля и тяжестью последствий, однако причины пожертвований будут различаться. Общим фактором, снижающим готовность к просоциальным действиям в ситуации морального выбора, является социальная сложность мира, а повышающим — общий альтруизм. Также указаны различия в детерминации просоциальных намерений в зависимости от характеристик контроля и тяжести последствий. Значимым и сильным предиктором, повышающим вероятность оценки неопределенных ситуаций, связанных со сбором денег на лечение, как финансового мошенничества, выступает социальный цинизм. *Выводы.* Готовность оценивать ситуацию запроса на пожертвование денежных средств как мошенничество или как требующую просоциальных действий определяется социальными и индивидуальными нормами.

Ключевые слова: моральная дилемма, просоциальные экономические намерения, альтруизм, социальный цинизм, мотивы одалживания, модель активации нормы (МАН), теория планируемого поведения (ТПП), интегративная модель МАН и ТПП

Введение

Современный мир характеризуется высоким уровнем неопределенности, а для его объяснения предлагаются разные модели, такие как VUCA, BANI, SHIVA и DAUTI, последняя из которых характеризуется существенным обесцениванием гуманитарных ценностей (Рябов, 2023). Для исследований по социальной и экономической психологии, при высокой неопределенности жизненных событий, большое значение имеет готовность оценивать текущую ситуацию либо как манипулирование с целью изъятия денежных средств (мошенничество), либо как требующую просоциальных действий. Учитывая, что за 2024 год мошенники изъяли у россиян более 250 млрд рублей¹, в перспективе подобные исследования позволят разработать более эффективные методы профилактики подверженности россиян мошенническим действиям, сохранив при этом готовность оказывать финансовую помощь и поддержку нуждающимся в ней людям.

Проблема выбора и принятия решений в ситуации неопределенности активно разрабатывается как в России (Корнилова, 2015; 2016), так и за рубежом (Kahneman, 2011). Поскольку существуют разные интерпретации понятий «выбор» и «принятие решения», уточним, что в данной статье мы придерживаемся следующего содержания: выбор — это один из этапов (финальный) принятия решения, он всегда осознан и обусловлен активностью субъекта, но при этом реализация выбора — не входит в этапы выбора (Корнилова, 2015). Различия между выбором как намерением и выбором как действием эмпирически подтверждены на примере склонности к рискованному экономическому поведению, например, во взаимосвязи с чертами личности: «выбор риска на уровне намерения не позволяет зафиксировать личностные корреляты принимаемого решения, однако на уровне реальных действий обнаруживается связь с Темной триадой и толерантностью к неопределенности» (Корниенко, Балева, Ячменёва, 2023, с. 87). Выбор всегда происходит в ситуации неопределенности, которая может затрагивать не только условия, альтернативы, критерии и последствия выбора (Корнилова, 2015), но и «личностную цену принимаемого решения, включая оценку того, “кем я становлюсь в результате моего выбора”» (Корнилова, 2016, с. 122). Последнее замечание имеет особенно важное значение в контексте заявленной нами темы исследования. Моральный выбор может быть смоделирован как решение, основан-

ное на ценностях, которое сопоставляет личные интересы с моральными издержками/вредом для других (Qu, Bénistant, Dreher, 2022).

Для исследования морального выбора в качестве метода используются моральные дилеммы, и, хотя их использование как инструмента может являться дискуссионным (Левит, 2024), тем не менее имеется достаточно большое количество публикаций, подтвердивших их надежность (Молчанов, 2014; Молчанов, Алмазова, 2017; Молчанов и др., 2017), в том числе, при оценке взаимосвязи морального выбора с соционическими факторами (Пономарева, 2024), принятием решений по проблеме преодоления COVID-19 (Соловова, Шарипова, 2021), в повседневных жизненных ситуациях (Наурузова, Корнилова, 2024), а также во взаимосвязи с экономическим благополучием (Смирнова, Сафонова, Шабашова, 2018).

Методологической основой данного исследования готовности к просоциальному поведению в контексте морального выбора выступила интегративная модель активации нормы (МАН) и теории планируемого поведения (ТПП), успешно зарекомендовавшая себя в исследованиях проэкологического поведения (Chen et al., 2024; Le, Nguyen, 2022; Savari et al., 2023), а также получившая теоретическое обоснование для использования ее в исследованиях просоциального экономического поведения (Соловова, Гагарина, Кирпичев, 2025).

Поскольку просоциальное поведение — это «позитивное социальное поведение, которое приносит пользу другим людям или обществу в целом» (Yu, 2024), то осуществление пожертвований вполне может рассматриваться как один из его видов. Исходя из теоретической интегративной модели МАН и ТПП, намерение осуществлять пожертвование будет определяться тем, как человек в принципе относится к пожертвованиям, в какой степени человек верит, что он может помочь и считает себя ответственным за это, а также тяжестью последствий невыполнения таких действий, и личными и социальными нормами (Соловова, Кирпичев, Гагарина, 2025; Chen, et al., 2024; Le, Nguyen, 2022; Savari, et al., 2023). На данный момент эта модель не прошла эмпирическую проверку на российской выборке, что с одной стороны обуславливает научную актуальность и новизну выполняемой работы, а с другой актуализирует проблему операционализации модели.

Личная норма определяется как ожидание от себя определенных действий в конкретной ситуации, переживаемое как чувство морального

¹ Сбербанк оценил сумму похищенного мошенниками у россиян в 2024 году / РИА новости 11.01.2025 URL: <https://ria.ru/20250111/moshenniki-1993226383.html>

долга (Schwartz, 1977). Если обратиться к исследованиям экономического поведения, то близким по своему содержанию к осуществлению пожертвований, является поведение по одалживанию денежных средств, заслужившее большое внимание в интересующем нас контексте в зарубежных исследованиях (Dömötör, Illés, Ölvedi, 2023; Maiolini et al., 2024; Pino et al., 2023; Liu et al., 2012). В качестве показателей индивидуальных норм в области просоциального экономического поведения на российской выборке был выбран опросник мотивов одалживания (Гагарина, 2022). Социальные нормы — это широко распространённые убеждения о том, как люди должны действовать в конкретных ситуациях, подкреплённые угрозой санкций или обещанием вознаграждения (Ajzen, 1991), благодаря их осознанию и усвоению у людей складываются определенные ожидания как вести себя в различных ситуациях (Schwartz, 1977).

Для исследования факторов просоциального экономического поведения в контексте морального выбора в качестве социальных норм, которые можно оценить эмпирически с помощью валидизированных методик, могут выступать (1) моральные основания — специфические для данного общества нормы морали, направленные либо на защиту любого человека независимо от его принадлежности к группе (индивидуализирующие), либо являющиеся выражением группоцентрической морали (сплачивающие), и проявляющиеся в сфере межгрупповых отношений противоположным образом: например, в готовности к оказанию помощи или причинению вреда представителям своей и чужой социальной группы (Сычев, 2018); (2) социальные аксиомы — «наиболее общие верования относительно других людей и самого себя, социального окружения, физического или духовного мира, и они являются главными в системе убеждений личности» (Татарко, Лебедева, 2020). При том, что социальные аксиомы — это верования, и они не тождественны ни ценностям, ни нормам, они взаимосвязаны с социальным поведением в разных контекстах (Татарко, Лебедева, 2008; 2020) и, на наш взгляд, по своему содержанию, будут значимы для предсказания просоциального экономического поведения.

Гипотеза: в ситуации морального выбора, характеризующейся высокой степенью неопределенности условий, готовность к просоциальному поведению определяется осознанием последствий от собственных действий, приписывания ответственности за ситуацию, субъективных норм, воспринимаемого поведенческого контроля и отношения к ситуации.

Общая гипотеза исследования конкретизирована в следующих частных гипотезах:

1. Выраженность просоциальных экономических намерений в ситуациях с различным уровнем воспринимаемого контроля и тяжести осознаваемых последствий будет различаться.

2. Просоциальные экономические намерения в ситуациях с разным уровнем воспринимаемого контроля и тяжестью последствий отказа от просоциальных действий будут детерминированы разными факторами (социальными и индивидуальными нормами).

3. Оценка неопределенной ситуации, предполагающей просоциальное поведение, как финансово-мошенничества будет связана с низким уровнем эмоционального отклика и социальным цинизмом.

Объект исследования: намерение осуществлять финансовое пожертвование в ситуации моральной дилеммы.

Предмет исследования: факторы оценки ситуации морального выбора как побуждающей к просоциальным действиям.

Новизна исследования заключается в том, что впервые на российской выборке эмпирическим путем выявлены факторы, влияющие на моральный выбор человека и побуждающие его к оценке ситуации как мошенничества или как требующей просоциальных действий.

Методы

Большинство зарубежных исследований, имеющих в качестве теоретической основы интегративную модель МАН и ТПП, в качестве эмпирической верификации используют набор переменных, описывающих отдельные компоненты модели через ответы на 3–4 прямых вопроса, сопровождающихся шкалой Лайкерта с последующей оценкой качества полученной модели методом SEM (например, Chen et al., 2024; Le, Nguyen, 2022; Savari et al., 2023). Поскольку в нашем случае речь идет о моральном выборе, мы использовали более сложный дизайн исследования, сочетая качественные методы (экспертная оценка и решение кейсов) и валидизированные опросники с последующей математической обработкой.

Для исследования намерений жертвовать деньги, из сети Интернет были выбраны реально размещенные сообщения о сборе денег на разрешение проблемы (лечение ребенка). При выборе ситуаций исходили из того, что кейсы должны различаться (1) по степени возможности повлиять на исход проблемы, (2) тяжести последствий и (3) ответственности за просоциальные действия. Для оценки соответствия отобранных кейсов указанным параметрам были привлечены 35 экспертов — врачи и практикующие психологи, работа-

ющие в Психологической службе Финансового университета. В данной статье представлены результаты по 4-м кейсам, классифицированным экспертами с учетом параметров (1) и (2).

Кейсы 1–3 предполагают моральный выбор, поскольку: во-первых, описывают запрос на решение серьезной проблемы, связанной с жизнью и здоровьем других людей, во-вторых, это ситуации актуализирующие социальные эмоции (стыд, вину, гордость за действие или бездействие) и, в-третьих, требуют «жертв» со стороны лица, принимающего решение. Решения по этим кейсам можно охарактеризовать как осуществляемые в условиях высокого уровня неопределенности, связанного с тем, что это взаимодействие с незнакомыми людьми и предоставляемая информация недостаточна для определения того, чтобы определить, действительно ли это сбор денег на лечение или это мошенничество. Четвертый кейс включал сбор средств на условно нейтральную проблему, предполагающую следование социальным нормам и затраты на общественное благо, но не столь серьезную, как три других. В связи с чем, его нельзя отнести к категории морального выбора, однако это тоже выбор в ситуации неопределенности.

Кейсы:

1) В семье моих знакомых случилось большое горе!!! Девочка опрокинула на себя кипяток играя на кухне, все произошло в доли секунды, мама не успела среагировать, как ребенок ошпарился. Девочку зовут Л..., ей недавно исполнился один годик, она получила ожог третьей степени, пострадало более 45% тела. Сейчас она в реанимации в стабильно тяжелом состоянии. Требуется пересадка кожи и последующая реабилитация! Врачи огласили сумму в триста тысяч рублей. В семье недостаточно средств! Операция назначена на 07.04.2024. Каждый рубль может спасти, для семьи это очень важно! Поделись этим объявлением в соцсетях!

Реквизиты для помощи

2) Помогите победить рак! Сбор продолжается! Осталось совсем чуть-чуть! М... — маленький мальчик, болеющий смертельной болезнью. Судьба несправедлива, РАК КРОВИ ежедневно убивает кроху! Сейчас мама с ребенком находится в Израиле, проходит лечение в клинике, но денег для лечения уже нет. Образовался долг. Остановка лечения равносильна смерти. Умоляем, помогите оплатить дорогостоящее лечение.

Реквизиты для помощи.....

3) А... и Б... родились слабослышащими, эту особенность унаследовали от родителей, инвалидов по слуху. В их семье есть другие дети с нормальным слухом (их родные братья и сестры). В дополнение

к тугоухости у А... ДЦП (детский церебральный паралич. Для А... и Б... очень важны реабилитационные занятия, а они стоят дорого! У родителей А... и Б... нет таких денег. Не оставайтесь равнодушными, семья очень надеется, что найдутся добрые люди, которые помогут их детям пройти реабилитацию. Сумма к сбору по смете 222578 рублей.

Реквизиты для помощи.....

4) Дорогие родители! Мы решили отремонтировать и украсить НАШ школьный двор! Приглашаем поучаствовать в данном мероприятии! Это наша школа, наш школьный двор и здесь гуляют наши дети! Предлагаем всем неравнодушным внести свой небольшой вклад в благоустройство нашей школы!

Реквизиты для помощи.....

По каждому кейсу респонденты могли вписать сумму, которую они готовы пожертвовать.

Для каждого кейса приводились комментарии, сформулированные на основании комментариев к похожим ситуациям в социальных сетях. Комментарии соответствовали контексту кейсов, но по своему смыслу могли быть сведены к следующим категориям: 1) обман и мошенничество, 2) просоциальные намерения — перевод денег, 3) сочувствие без подтверждения намерения перевода денег, 4) отказ от действий, 5) осуждение, 6) свой вариант (сводился к уточнению информации и проверке, то есть, снижению неопределенности ситуации). Респондентам предлагалось выбрать наиболее часто встречающийся комментарий. Такая формулировка задачи использовалась нами сознательно, чтобы избежать социально-желательных ответов.

В рамках данной статьи основное внимание будет уделено комментариям, связанным с оценкой ситуации как мошеннической. После оценки ситуации респондентам предлагалось указать сумму, которую они готовы перевести в качестве добровольного взноса — что являлось дополнительным подтверждением осознанности просоциальных намерений и готовности к действиям.

Для оценки социальных и индивидуальных норм использовались «Опросник моральных оснований» в адаптации О. А. Сычева (Сычев, 2018), сокращенная версия «Опросника социальных аксиом» М. Бонда, К. Леунга (Татарко, Лебедева, 2020), «Опросник мотивов одалживания» М. А. Гагариной (Гагарина, 2022). Как вариант фальсификации гипотезы 2 рассматривалась вероятность, что просоциальные экономические намерения в ситуациях с разным уровнем воспринимаемого контроля и тяжестью последствий отказа от просоциальных действий будут детерминированы не социальными и индивидуальными нормами, а способностью к эмоциональному

отклику на переживания другого. В связи с чем была включена «Шкала эмоционального отклика» А. Меграбяна, Н. Эпштейна (Зими́на, 2015).

Сокращенная версия методики «Социальные аксиомы» М. Бонда и К. Леунга в адаптации А.Н. Тарко, Н.М. Лебедевой позволяет оценить пять групп социальных верований: «Социальный цинизм», «Контроль судьбы», «Награда за усилия», «Социальная сложность» и «Религиозность» (Тарко, Лебедева, 2020).

«Опросник моральных оснований» в адаптации О.А. Сычева, измеряющий пять базовых составляющих сферы морали: забота, справедливость, лояльность, уважение, праведность (Сычев, 2018; 2023).

«Опросник мотивов одалживания» М.А. Гагариной позволяет оценить десять мотивов предоставления денег взаймы: альтруизм общий, альтруизм групповой, взаимность, справедливость, материальный интерес, личное удовлетворение, чувство долга, власть и влияние, чувство вины и неумение сказать «нет» (Гагарина, 2022).

Методика «Шкала эмоционального отклика» А. Меграбяна, Н. Эпштейна позволяет оценить способности к сопереживанию и идентификации с переживаниями другого, то есть эмпатии как личностной черты (Зими́на, 2015).

Дизайн исследования

1. Просоциальные экономические намерения определялись указанием суммы пожертвования больше нуля для каждого кейса.

2. Для оценки воспринимаемого поведенческого контроля и осознания тяжести последствий на основании экспертной оценки кейсы были дифференцированы по тяжести последствий (тяжелые-летальные

(1, 2), тяжелые-нелетальные (3), неприятные (4)) и возможности исправления ситуации (излечимый (1)/неизлечимый (2, 3), можно исправить (4)).

3. В качестве социальных и индивидуальных норм рассматривались показатели шкал опросников, указанных выше.

4. Для оценки факторов, детерминирующих просоциальные экономические намерения и оценку ситуации как мошенничества, строились регрессионные модели (описание ниже).

Использован статистический пакет SPSS 22.0: описательные статистики, сравнение долей (частот) между независимыми выборками (χ^2) и логистический регрессионный анализ с обратным отбором переменных.

Выборка: 229 человек (68 мужчин, 161 женщина), от 17 до 74 лет, средний возраст 35 лет.

Результаты исследования

Прежде, чем обратиться к результатам проверки гипотез, отметим, что достоверных различий по социально-демографическим характеристикам между респондентами, указавшими сумму перевода больше 1 и указавшими 0, не обнаружено (Хи-квадрат). То есть, в подгруппах, выразивших и не выразивших просоциальные намерения достоверных различий в представленности мужчин, женщин, лиц с разным уровнем дохода, разной профессиональной принадлежностью не выявлено. Дизайн нашего исследования предполагал, что помимо просоциальных намерений и оценки ситуации как мошеннической, респонденты могли выбрать и другие варианты ее оценки.

Рассмотрим распределение вариантов оценки кейсов респондентами (таблица 1).

Таблица 1. Описательная статистика оценок ситуаций с различным уровнем воспринимаемого поведенческого контроля и тяжестью осознаваемых последствий респондентами (N=229; всего 916 ответов)

Вариант ответа	Всего	Кейс 1 Высокий контроль, тяжелые-летальные последствия		Кейс 2 Низкий контроль, тяжелые-летальные последствия		Кейс 3 Низкий контроль, тяжелые-нелетальные последствия		Кейс 4 Высокий контроль, нетяжелые последствия	
		N	%	N	%	N	%	N	%
Мошенничество	231	70	31	68	30	62	27	31	14
Просоциальные действия	222	58	25	63	27	61	27	40	17
Сочувствие	345	91	40	84	37	83	36	87	38
Отказ от действий	75	1	0	7	3	6	3	61	27
Осуждение	18	2	1	1	0	10	4	5	2
Снижение неопределенности	25	7	3	6	3	7	3	5	2
Всего	916	229	100	229	100	229	100	229	100

Из таблицы 1 следует, что самой частой реакцией на мотивированный запрос на осуществление пожертвования, является выражение сочувствия, которое может сопровождаться переводом денег, а может и не сопровождаться. Следующей по частоте оценкой является предположение о мошеннических действиях со стороны обращающегося за помощью (исключение — кейс, не предполагающий моральный выбор, где популярным является выраженный отказ от просоциальных действий). Третьей по популярности является оценка ситуаций как требующих просоциальных действий (перевод денег).

Поскольку оценка кейса, как предполагающего и не предполагающего просоциальное поведение и просоциальные намерения — это разные характеристики, то далее, исследуя просоциальные намерения в ситуациях с различным уровнем

воспринимаемого контроля и тяжести последствий мы будем использовать факт наличия суммы пожертвований.

Выраженность просоциальных экономических намерений в ситуациях с различным уровнем воспринимаемого контроля и тяжести осознаваемых последствий

Проверка гипотезы 1 «выраженность просоциальных экономических намерений в ситуациях с различным уровнем воспринимаемого контроля и тяжести осознаваемых последствий будет различаться», сравнивались распределения по кейсам респондентов, указавших суммы перевода больше 1 и указавших 0. Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2. Описательная статистика результатов выраженности просоциальных экономических намерений респондентов (N=229) в ситуациях с различным уровнем воспринимаемого поведенческого контроля и тяжести осознаваемых последствий

Группы	Не выразили просоциальные намерения		Выразили просоциальные намерения		Всего	
	N	%	N	%	N	%
Ситуации						
Высокий контроль, тяжелые-летальные последствия	122	53	107	47	229	100
Низкий контроль, тяжелые-летальные последствия	120	52	109	48	229	100
Низкий контроль, тяжелые-нелетальные последствия	119	52	110	48	229	100
Высокий контроль, нетяжелые последствия	128	56	101	44	229	100
Всего	489		427		916	

Примечание: один респондент принимал отдельное решение о пожертвовании в каждой ситуации.

Достоверных различий в распределении намерений о пожертвованиях в разных кейсах (парное сравнение для каждого кейса, метод Хи-квадрат) не обнаружено. Таким образом, гипотеза о том, что выраженность просоциальных экономических намерений в ситуациях, имеющих различный уровень воспринимаемого контроля и различный уровень тяжести осознаваемых последствий будут различаться не подтвердилась.

Детерминация просоциальных экономических намерений в ситуациях с различным уровнем воспринимаемого контроля и тяжести осознаваемых последствий

Проверка гипотезы 2: «просоциальные экономические намерения в ситуациях с разным уровнем воспринимаемого контроля и тяжестью последствий отказа от просоциальных действий будут детерминированы разными факторами (социальными и индивидуальными нормами)». Были

построены логистические регрессионные модели (метод обратных шагов) для каждой ситуации, в которых в качестве зависимой переменной, выступила бинарная переменная 1 — сумма пожертвования указана, 0 — сумма пожертвования равна нулю. В качестве независимых переменных

в регрессионный анализ на первом шаге были включены значения всех шкал опросников социальных аксиом, моральных оснований, мотивов одалживания и шкалы эмоционального отклика. Итоговые модели и их показатели для каждого кейса приведены в таблице 3.

Таблица 3. Детерминация просоциальных экономических намерений в ситуациях с разным уровнем воспринимаемого поведенческого контроля и тяжестью последствий отказа от просоциальных действий: характеристики моделей и коэффициенты регрессии (N=229)

Оцениваемые параметры		Воспринимаемый поведенческий контроль	
		Высокий: Можно исправить	Низкий: Нельзя исправить
Осознавание тяжести последствий	Тяжелые, если не вмешаться летальные	-2 Log-правдоподобие=290,4; R-квадрат Кокса и Снелла=0,111; R-квадрат Нэйджелкерка=0,148; Хи-квадрат=27,1; p<0,001. Общая процентная доля 62,4. Социальная сложность (0,536***) Чувство долга (0,171**) Материальный интерес (-0,105*) Общий альтруизм (0,088**)	-2 Log-правдоподобие=274,0; R-квадрат Кокса и Снелла=0,173; R-квадрат Нэйджелкерка=0,230; Хи-квадрат=43,6; p<0,001. Общая процентная доля 69,4. Социальная сложность (1,168***) Вера в награду за усилия (0,849**) Лояльность к (0,249***) Уважение к авторитетам (0,173**) Чувство долга (0,150*) Забота (-0,123*) Власть (-0,106*) Общий альтруизм (0,103*)
	Снижается качество жизни, последствия нелетальные	-2 Log-правдоподобие=282,7; R-квадрат Кокса и Снелла=0,141; R-квадрат Нэйджелкерка=0,188; Хи-квадрат=34,7; p<0,001. Общая процентная доля 66,8. Лояльность к группе (0,177**) Взаимность (0,149***) Забота (-0,137*) Чистота и святость (-0,117n.s.) Материальный интерес (-0,116***)	-2 Log-правдоподобие=286,6; R-квадрат Кокса и Снелла=0,126; R-квадрат Нэйджелкерка=0,168; Хи-квадрат=30,8; p<0,001. Общая процентная доля 65,9. Социальная сложность (-0,956***) Религиозность (0,465**) Лояльность к группе (0,207***) Уважение к авторитетам (-0,183**) Общий альтруизм (0,103**)

Примечание: в скобках приведены значения β и уровень значимости * — $p<0,05$; ** — $p<0,01$; *** — $p<0,001$.

Самым сильным предиктором реализации просоциального поведения в ситуации высокого поведенческого контроля и высокой тяжести отказа от просоциальных действий является социальная сложность мира и чувство долга. Повышают готовность к просоциальному поведению мотивы одалживания «чувство долга» и «общий альтруизм». Снижают готовность к просоциальному поведению социальные аксиомы «социальная сложность» и мотив одалживания «материальный интерес».

Самыми сильными предикторами реализации просоциального поведения в ситуации низкого по-

веденческого контроля и высокой тяжести последствий отказа от просоциальных действий являются социальная сложность мира и вера в награду за усилия. Повышают готовность к просоциальному поведению социальные аксиомы «вера в награду за усилия» и моральное основание «лояльность к группе», а также мотив одалживания «общий альтруизм». Снижают готовность к просоциальному поведению социальные аксиомы «социальная сложность», моральные основания «уважение к авторитетам» и «забота», а также мотив одалживания «власть».

Самыми сильными предикторами реализации просоциального поведения в ситуации низкого поведенческого контроля и тяжелых, но не летальных последствий отказа от просоциальных действий является низкая социальная сложность мира и высокая религиозность. Повышают готовность к просоциальному поведению социальные аксиомы «религиозность», моральные основания «лояльность к группе» и мотив одалживания «общий альтруизм». Снижают готовность к просоциальному поведению социальные аксиомы «социальная сложность» и моральное основание «уважение к авторитетам».

Самыми сильными предикторами реализации просоциального поведения в ситуации высокого поведенческого контроля и невысокой тяжести последствий отказа от просоциальных действий является высокая лояльность к группе и высокая ориентация на взаимность при оказании финансовой помощи. Факторами, снижающими просоциальное поведение, являются моральные основания забота, чистота и святость, и ориентация на финансовое вознаграждение.

Детерминация оценки ситуаций с различным уровнем воспринимаемого контроля и тяжести осознаваемых последствий как финансового мошенничества

Проверка гипотезы 3: «оценка неопределенной ситуации, предполагающей просоциальное поведение, как финансового мошенничества будет связана с низким уровнем эмоционального отклика и социальным цинизмом». Были построены логистические регрессионные модели (метод обратных шагов) для каждой ситуации, в которых в качестве зависимой переменной, выступила бинарная переменная 1 — выбор оценки действий как мошеннических, а 0 — все остальные варианты ответов. В качестве независимых переменных в регрессионный анализ на первом шаге были включены значения шкал опросников социальных аксиом, моральных оснований, мотивов одалживания и шкалы эмоционального отклика.

Таблица 4. Детерминация ожиданий мошеннических действий в ситуациях с разным уровнем воспринимаемого контроля и тяжестью последствий отказа от просоциальных действий: характеристики моделей и коэффициенты регрессии (N=229)

Оцениваемые параметры		Воспринимаемый поведенческий контроль	
		Высокий: Можно исправить	Низкий: Нельзя исправить
Осознавание тяжести последствий	Тяжелые, если не вмешаться летальные	-2 Log-правдоподобие=244,016; R-квадрат Кокса и Снелла=0,274; R-квадрат Нэйджелкерка=0,366; Хи-квадрат=73,445; p<0,000. Общая процентная доля 76,0. Социальный цинизм (0,935***) Личное удовлетворение (0,128**) Неумение сказать (0,115**) Чистота и святость у (0,075n.s.)	-2 Log-правдоподобие=241,176; R-квадрат Кокса и Снелла=0,283; R-квадрат Нэйджелкерка=0,378; Хи-квадрат=76,285; p<0,000. Общая процентная доля 76,9 Социальный цинизм (0,483***) Альтруизм общий (-0,230***)
	Снижается качество жизни, последствия нелетальные	-2 Log-правдоподобие=156,187; R-квадрат Кокса и Снелла=0,506; R-квадрат Нэйджелкерка=0,674; Хи-квадрат=161,274; p<0,000. Общая процентная доля 87,8. Контроль судьбы (0,729**) Альтруизм общий (-0,152**) Справедливость (-0,141***)	-2 Log-правдоподобие=225,135; R-квадрат Кокса и Снелла=0,332; R-квадрат Нэйджелкерка=0,442; Хи-квадрат=92,326; p<0,000. Общая процентная доля 76,9. Социальный цинизм (0,951***) Альтруизм общий (-0,162***) Чистота и святость (-0,106*) Неумение сказать нет (-0,075n.s)

Самым сильным предиктором, повышающим вероятность оценки ситуации высокого поведенческого контроля и высокой тяжести отказа от просоциальных действий как мошенничества, является социальный цинизм. Снижают готовность

к оценке ситуации как мошеннической факторы личное удовлетворение и неумение сказать нет.

Самым сильным предиктором, способствующим оценке ситуации с низким поведенческим контролем и высокой тяжестью осознаваемых

последствий как мошеннической будет социальный цинизм, а фактором, снижающим такую вероятность — общий альтруизм.

При оценке ситуации как мошеннической при низком уровне поведенческого контроля и тяжелых, но не летальных последствиях, наиболее сильным предиктором, повышающим эту оценку, будет социальный цинизм, а факторами, снижающими оценку как мошенничество — общий альтруизм и моральные основания чистота и святость.

Самым сильным предиктором, способствующим оценке ситуации с высоким поведенческим контролем и нетяжелыми последствиями как мошеннической будет контроль судьбы, а факторами снижающим такую вероятность — общий альтруизм и справедливость.

Анализ результатов

Полученные результаты указывают на то, что характеристики ситуации (уровень воспринимаемого контроля и осознание тяжести последствий) не влияют на выраженность просоциальных намерений. То есть, в ситуации запроса на финансовое пожертвование, не зависимо от ее характеристик, готовы осуществить перевод денег одинаковое количество человек, однако причины их просоциальных намерений будут различаться от ситуации к ситуации. Обращает на себя внимание, то, что во всех случаях, связанных с запросом на пожертвование денег в ситуации морального выбора (независимо от уровня контроля и последствий), наблюдались два общих значимых предиктора: одним из сильных предикторов, снижающим готовность к просоциальным действиям выступает социальная сложность, а вторым, повышающим готовность к просоциальному поведению, общий альтруизм.

То есть, в ситуации морального выбора готовы осуществлять пожертвования люди, для которых мир межличностных отношений не является чем-то сложным, поведение других людей воспринимается как неизменное во времени и от ситуации к ситуации, а также объяснимое и предсказуемое, а конкретная ситуация обращения за финансовой помощью предполагает бескорыстное предоставление этих денег, без уточнения, насколько этот запрос правомерен, справедлив, вынужден и т.п., а также без ожидания личной выгоды или благодарности.

В ситуации морального выбора (болезни), независимо от тяжести последствий: являются ли они потенциально летальными или нет, в сочетании с низким уровнем воспринимаемого поведенческого контроля (вылечить нельзя) выявлены еще

два общих предиктора, повышающих готовность к просоциальному поведению — это лояльность группе и уважение к авторитетам. Оба моральных основания направлены на поддержание сплоченности группы, поощрение преданности своим близким, стране и народу, а также готовность подчиняться власти и следовать традициям. Лояльность к группе, вместе с взаимностью, также является предиктором просоциальных намерений в ситуации с высоким уровнем контроля и низкой тяжестью последствий. В ситуациях с прогнозируемыми летальными последствиями в случае отказа от просоциальных действий, независимо от того, излечимо ли заболевание, люди готовы осуществлять пожертвования исходя из чувства долга: просто потому, что так надо поступать! Дополнительные предикторы указывают на то, что они делают это не для того, чтобы получить какую-то выгоду (материальную или чтобы обрести власть) и не из заботы о людях.

Теперь остановимся на различиях в детерминации просоциальных намерений в зависимости от характеристик контроля и тяжести последствий. Особым предиктором в ситуации высокой тяжести последствий и низкого уровня воспринимаемого контроля сильным предиктором, повышающим просоциальные намерения только в этой ситуации, является вера в награду за усилия. Это указывает на убежденность в том, что несмотря на то, что человека объективно нельзя вылечить, готовые помогать люди убеждены, что надо продолжать прикладывать усилия, все происходящее с человеком зависит от него самого и только так можно справиться с любой ситуацией.

В ситуации, когда человека нельзя вылечить, но последствия хотя и тяжелые, но не столь трагичные как в предыдущем варианте, высоко значимым предиктором готовности к просоциальным действиям выступает религиозность. В ситуации, которую в принципе можно исправить, но речь не идет о моральном выборе, людей побуждают к просоциальным действиям групповые нормы — лояльность к представителям своей социальной группе (в запросе подчеркивалась идентификация с группой: «это НАШ двор» и взаимность, являющаяся одним из основных принципов социального обмена, и являющаяся ведущим мотивом одалживания (Гагарина, 2022). Наличие общего альтруизма в качестве фактора просоциального поведения в ситуации морального выбора (в отличие от взаимности, актуализировавшейся в ситуации не морального выбора), в сочетании с другими факторами, такими как лояльность к группе, сближает исследуемое нами намерение осуществить

перевод денег с понятием нетворкинговой стратегии «альтруистическое инвестирование» (Марарица и др., 2019).

Оценка запроса на пожертвование как мошенничества имеет более однородную детерминацию. Во всех кейсах, связанных со сборами на лечение, значимым и сильным предиктором выступал социальный цинизм, отражающий негативные представления о человеческой природе, недоверие к людям, равнодушие к согражданам. Это согласуется с тем, что социальный цинизм в принципе характеризуется признанием бесполезности «демонстрации доброжелательности к другим и неизбежность провала благотворительности и энергичного служения общественной пользе» (Татарко, Лебедева, 2008, с. 136). В отличие от них, при оценке ситуации, не связанной с болезнью, наиболее сильным предиктором выступал контроль судьбы, указывающий на предопределенность судьбы и невозможность ее изменить.

Вероятность оценки ситуации как мошеннической во всех случаях, кроме ситуации с тяжелыми последствиями, которую можно исправить — снижал общий альтруизм. Механизм здесь вполне понятен, чем больше человек готов к бескорыстной помощи, тем меньше он подозревает, что его средства пойдут не во благо. В качестве механизма здесь скорее всего выступает избегание когнитивного диссонанса. В ситуации же с тяжелыми последствиями, которую можно исправить — снижает ожидание обмана неумение сказать нет. То есть, механизм тот же, — избегание когнитивного диссонанса: человек «оправдывает свое неумение отказывать» тем, что он не ожидает мошеннических действий от партнера по взаимодействию.

Еще один результат нашего исследования заключается в том, что готовность к просоциальным действиям определяется мировоззренческими характеристиками, а именно индивидуальными и социальными нормами, а не готовностью к эмоциональному отклику. Эмоциональный отклик — эмоциональный компонент эмпатии, способность к чувствованию переживанию эмоций других людей (Зимица, 2015) не являлся значимым предиктором просоциальных действий ни в одной из ситуаций. Отсутствие связи между общей способностью к эмоциональной эмпатии и альтруизмом отмечено также в работе и других авторов, например, при исследовании зооволонтеров (Воробьева, Скипор, 2021). Возможно, в дальнейших исследованиях будут установлены значимые взаимосвязи между этой переменной и вариантом реакции по типу выражения сочувствия, но это

является лишь гипотезой, определяющей перспективы дальнейших исследований.

Таким образом, полученные нами результаты согласуются с данными других исследователей в части того, что на просоциальное поведение влияют альтруизм, субъективные нормы и взаимность (Pastor et al., 2024). Социальные нормы, определяющие просоциальное поведение, очень устойчивы, имеют долгую историю культурной эволюции и специфичны для каждой отдельной страны (Graf et al., 2023), в связи с чем, важно, что наши результаты согласуются и с общей концепцией экономического менталитета россиян, в числе важных характеристик которого — следование традиционным для российского менталитета ценностям: приоритета группового над личным, религиозности и веры в награду за усилия (Гагарина, Викентьева, Горшкова, 2025).

Основным ограничением исследования является не очень большой размер выборки, что ограничивает возможности использования статистических методов. Во-вторых, опросные методы не позволяют исследовать реальное поведение, так что в результате мы можем констатировать только декларативную готовность к пожертвованию денежных средств. В-третьих, недостаточно учитывается предыдущий опыт респондентов и их субъективная интерпретация предложенных кейсов. Учитывая большой поток сообщений, поступающих в социальных сетях и мессенджерах, есть риск, что намерения, возникающие или не возникающие в ответ на них, будут обусловлены не столько содержанием самого сообщения, сколько тем, кто является источником этого сообщения.

По результатам исследования могут быть разработаны рекомендации по снижению подверженности манипуляциям через обучение умению говорить «нет» в ситуациях неопределенности и формированию стратегий «избирательного» альтруизма.

Выводы

1. Выраженность просоциальных экономических намерений не связана с уровнем воспринимаемого поведенческого контроля и тяжестью последствий, однако причины, по которым люди готовы осуществлять пожертвования различаются.

2. Общим фактором, снижающим готовность к просоциальным экономическим действиям в ситуации морального выбора (независимо от уровня поведенческого контроля и тяжести осознаваемых последствий), является социальная сложность мира.

3. Общим фактором, повышающим готовность к просоциальным экономическим действиям в ситуации морального выбора (независимо от уровня поведенческого контроля и тяжести осознаваемых последствий), является, общий альтруизм.

4. Особым фактором, повышающим готовность к просоциальным экономическим действиям в ситуации морального выбора в ситуации потенциально летальных последствий и низкого уровня

воспринимаемого контроля, является вера в награду за усилия, а в ситуации, когда человека нельзя вылечить, но последствия хотя и тяжелые, но не летальные — религиозность.

5. В ситуации, которую в принципе можно исправить, но речь не идет о моральном выборе, людей побуждают к просоциальным экономическим действиям групповые нормы — лояльность представителям своей социальной группе и взаимность.

Литература:

- Воробьева А.Е., Скипор С.И.* Проверка гипотезы эмпатии — альтруизма среди волонтеров, помогающих бездомным животным // Психологические исследования. 2021. Т. 14. № 75. DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v14i75.151>
- Гагарина М.А.* Опросник мотивов одалживания: разработка и валидизация // *Мир психологии*. 2022. № 2. С. 79–95. DOI: https://doi.org/10.51944/20738528_2022_2_79
- Гагарина М.А., Викентьева Е.Н., Горикова А.С.* Гражданская идентичность и институциональное доверие как факторы экономического менталитета // *Социальная психология и общество*. 2025. Т. 16. № 3. С. 45–62. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2025160303>
- Зимина Н.А.* Психологическая диагностика коммуникативного потенциала личности: методические рекомендации для студентов // Нижегородский гос. архитектур.-строит. ун-т. Новгород: ННГАСУ, 2015. С. 5–9.
- Корниенко Д.С., Балева М.В., Ячменёва Н.П.* Выбор риска: намерение против действия // *Экспериментальная психология*. 2023. Т. 16. № 1. С. 87–100. DOI: <https://doi.org/10.17759/expsy.2023160105>
- Корнилова Т.В.* Принцип неопределенности в психологии выбора и риска // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. С. 3. DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v8i40.553>
- Корнилова Т.В.* Психология выбора как мыслительное и личностное опосредствование преодоления неопределенности // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 3. С. 113–124.
- Левит Л.З.* Моральные и аморальные дилеммы: тёмная сторона эгоизма // *Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук*. 2024. Т. 2. № 102. С. 61–66.
- Марарица Л.В., Казанцева Т.В., Почебут Л.Г., Свенцицкий А.Л.* Альтруистическое инвестирование как нетворкинг-стратегия личности: разработка шкалы и проверка конструктивной валидности // *Социальная психология и общество*. 2019. Т. 10. № 3. С. 157–176. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2019100310>
- Молчанов С.В.* Условия и факторы решения моральных дилемм в подростковом возрасте // *Национальный психологический журнал*. 2014. Т. 4. № 16. С. 42–51 DOI: <https://doi.org/10.11621/npj.2014.0405>
- Молчанов С.В., Алмазова О.В.* Представления подростков об ответственности в моральных дилеммах разного типа // *Культурно-историческая психология*. 2017. Т. 13. № 4. С. 81–90. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2017130409>
- Молчанов С.В., Алмазова О.В., Поскребышева Н.Н., Запуниди А.А.* Личностная автономия как фактор развития ответственности подростков // *Национальный психологический журнал*. 2017. № 1. С. 84–90. DOI: [10.11621/npj.2017.0110](https://doi.org/10.11621/npj.2017.0110)
- Наурузова М.А., Корнилова Т.В.* Эмпатия и ценности медицинских работников при решении моральных дилемм в повседневных жизненных ситуациях // *Ученые записки Института психологии РАН*. 2024. Т. 4. № 3. С. 43–55.
- Пономарева Е.В.* Влияние соционического типа на выбор человека при решении моральных дилемм // *Russian Journal of Education and Psychology*. 2024. Т. 15. № 4. С. 362–399. DOI: [10.12731/2658-4034-2024-15-4-557](https://doi.org/10.12731/2658-4034-2024-15-4-557)
- Рябов В.Б.* Модели мира и проблемы современного этапа взаимодействия естественной и искусственной эволюции человека // *Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда*. 2023. Т. 8 № 4. С. 101–127. DOI: https://doi.org/10.38098/ipran.orwr_2023_29_4_005
- Смирнова Н.П., Сафонова М.А., Шабашова Е.В.* Связь экономико-психологических характеристик личности и морального выбора // *Пензенский психологический вестник*. 2018. Т. 2. № 11. С. 54–70. DOI: <https://doi.org/10.17689/psy-2018.2.5>

- Соловова Н.А., Куртичев А.В., Гагарина М.А. Просоциальное поведение в ситуации морального выбора: теоретические подходы к исследованию // Современная зарубежная психология. 2025. Т. 14. № 2. С. 95–103. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140210>
- Соловова Н.А., Шарунова Э.Р. Решение этических дилемм, связанных с новой коронавирусной инфекцией, вызывающей Covid-19 и ее преодолением // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. Т. 9. № 6. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/13PSMN621.pdf>
- Сычев О.А. Теория моральных оснований: современный взгляд на психологические факторы политических убеждений // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 1. С. 5–22. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140101>
- Сычев О.А., Протасова И.Н., Белоусов К.И. Диагностика моральных оснований: апробация русскоязычной версии опросника MFQ // Российский психологический журнал. 2018. Т. 15. № 3. С. 88–115. DOI: <https://doi.org/10.21702/rpj.2018.3.5>
- Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Исследование социальных аксиом: структура и взаимосвязи с социально-экономическими установками россиян // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5. № 4. С. 135–143.
- Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Разработка и апробация сокращенной версии методики «Социальные аксиомы» М. Бонда и К. Леунга // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16. № 1. С. 96–110. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2020160110>
- Ajzen I. The theory of planned behavior // Organizational Behavior and Human Decision Processes. 1991. Vol. 50. № 2. P. 179–211. DOI: [https://doi.org/10.1016/0749-5978\(91\)90020-T](https://doi.org/10.1016/0749-5978(91)90020-T)
- Chen T., Chen W., Lu X., Xiao H. Analysis of factors influencing family farms' adoption of green prevention and control techniques on an integrative framework of the TPB and NAM // Acta Psychologica. 2024. № 247. Art. 104314. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2024.104314>
- Dömötör B., Illés, F., Ölvedi T. Peer-to-peer lending: Legal loan sharking or altruistic investment? Analyzing platform investments from a credit risk perspective // Journal of International Financial Markets, Institutions and Money. 2023. № 86. Art. 101801. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.intfin.2023.101801>
- Graf C., Suanet B., Wiepking P., Merz E.-M. Social norms offer explanation for inconsistent effects of incentives on prosocial behavior // Journal of Economic Behavior & Organization. 2023. № 211. P. 429–441. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2023.05.003>
- Kahneman D. Thinking, fast and slow. NY.: Farrar, Straus and Giroux, 2011.
- Le M.H., Nguyen P.M. Integrating the Theory of Planned Behavior and the Norm Activation Model to Investigate Organic Food Purchase Intention: Evidence from Vietnam // Sustainability. 2022. Vol.14(2). P. 816. DOI: <https://doi.org/10.3390/su14020816>
- Liu Y., Chen R., Chen Y., Mei Q., Salib S. “I loan because...”: understanding motivations for pro-social lending // In Proceedings of the fifth ACM international conference on Web search and data mining (WSDM '12). Association for Computing Machinery. USA. NY. 2012. P. 503–512. DOI: <https://doi.org/10.1145/2124295.2124356>
- Maiolini R., Cappa F., Franco S., Quaratino G.R. The impact of sustainable development goals in lending-based prosocial crowdfunding: A topic modeling analysis on the kiva platform // International Review of Financial Analysis. 2024. Vol.95(B). Art.103441. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.irfa.2024.103441>
- Pastor Y, Pérez-Torres V., Thomas-Currás H., Lobato-Rincón L.L., López-Sáez M.A., García A. A study of the influence of altruism, social responsibility, reciprocity, and the subjective norm on online prosocial behavior in adolescence // Computers in Human Behavior. 2024. № 154. Art. 108156. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2024.108156>
- Pino G., Garcia M.N., Peluso A.M., Viglia G., Filieri R. Understanding how virtuous lenders encourage support for peer-to-peer platforms' prosocial initiatives // Journal of Business Research. 2023. № 168. Art. 114251. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2023.114251>
- Qu C., Bénistant J., Dreher J.C. Neurocomputational mechanisms engaged in moral choices and moral learning // Neuroscience & Biobehavioral Reviews. 2022. № 132. P. 50–60. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2021.11.023>
- Savari M., Damaneh H.E., Damaneh H.E., Cotton M. Integrating the norm activation model and theory of planned behaviour to investigate farmer pro-environmental behavioural intention // Scientific Reports. 2023. № 13. Art. 5584. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-023-32831-x>

Schwartz S.H. Normative influences on altruism // *Advances in experimental social psychology*. 1977. № 10. P. 221–279.

Yu K. Prosocial Behavior. In: *The ECPH Encyclopedia of Psychology*, Springer, Singapore. 2024. URL: https://ezpro.fa.ru:2117/10.1007/978-981-99-6000-2_227-1

THE ROLE OF SOCIAL AND INDIVIDUAL NORMS IN DETERMINING PROSOCIAL ECONOMIC INTENTIONS OF RUSSIANS

© Nadezhda A. Solovova

Candidate of Sciences (Psychology), Financial University under the Government
of the Russian Federation, Moscow, Russia
solovovana@gmail.com; ORCID: 0000-0002-1112-0759

© Maria A. Gagarina

Doctor of Sciences (Psychology), Financial University under the Government
of the Russian Federation, Moscow, Russia
mgagarina224@gmail.com; ORCID: 0000-0002-7812-7875

The study was carried out at the expense of budgetary funds under a state assignment from
the Financial University

The article analyzes the respondent's willingness to assess the current situation either as manipulation for the purpose of withdrawing funds (fraud), or as requiring prosocial actions in a situation where he is asked to donate money. *Objectives*. To identify the factors that determine the readiness of the Russians for prosocial economic behavior in a situation of moral choice characterized by a high degree of uncertainty. *Study Participants*. The study involved 229 respondents aged 17 to 74 years (Mage = 35; 161 women), 35 experts (doctors and psychologists). *Methods*. Dilemmas varying in the respondents' ability to influence the outcome of the problem and the severity of the consequences of refusing to take prosocial actions, developed on the basis of advertisements posted on the Internet and adapted for research purposes; the "Moral Foundations Questionnaire" adapted by O. A. Sychev, the "Social Axions Survey" by M. Bond, K. Leung, the "Lending Motives Questionnaire" by M. A. Gagarina, and the "Balanced Emotional Empathy Scale, BEES" by A. Mehrabian, N. Epstein. *Results*. The expression of prosocial economic intentions is not associated with the level of perceived behavioral control and the severity of consequences, but the reasons for donations will differ. A common factor that reduces the readiness for prosocial actions in a situation of moral choice is the social complexity of the world, and an increasing one is general altruism. Differences in the determination of prosocial intentions depending on the characteristics of control and the severity of consequences are also indicated. Social cynicism is a significant and strong predictor that increases the likelihood of assessing uncertain situations related to request for donation as financial fraud. *Conclusions*. The willingness to evaluate a situation of a request for a donation as a fraud or as requiring prosocial actions is determined by social and individual norms.

Keywords: moral dilemma, prosocial economic intentions, altruism, social cynicism, lending motives, Norm Activation Model (NAM), Theory of Planned Behavior (TPB), integrative model of NAM and TPB

REFERENCES

- Vorobyova A. E.; Skipor S. I. (2021). Testing the empathy-altruism hypothesis among volunteers helping homeless animals // *Psychological research*. Vol. 14(75). DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v14i75.151>
- Gagarina M. A. (2022). The lending motives questionnaire: development and validation // *World of psychology*. Vol. 2. P. 79–95.
- Gagarina M. A., Vikentjeva E. N., Gorshkova A. S. (2025). Civic identity and institutional trust as factors of economic mentality // *Social Psychology and Society*. Vol. 16(3). P. 45–62. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2025160303>

- Zimina N.A. (2015). Psychological diagnostics of the communicative potential of the individual: methodological recommendations for students // Nizhegorod. state. architecture and civil engineering. University. N. Novgorod: NNGASU. P. 5–9.
- Kornienko D.S., Baleva M.V., Yachmeneva N.P. (2023). Risk choice: intention versus action // *Experimental Psychology*. Vol. 16(1). P. 87–100. DOI: <https://doi.org/10.17759/exppsy.2023160105>
- Kornilova T.V. (2015). The principle of uncertainty in psychology of choice and risk // *Psychological research*. Vol. 8(40). P. 3. DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v8i40.553>
- Kornilova T.V. (2016). Psychology of choice as mental and personal mediation of overcoming uncertainty // *Psychological journal*. V. 37(3). P. 113–124.
- Levit L.Z. (2024). Moral and Immoral Dilemmas: The Dark Side of Egoism // *Actual Problems of Humanities and Socio-Economic Sciences*. Vol. 2(102). P. 61–66.
- Mararitsa L.V., Kazantseva T.V., Pochebut L.G., Svetsitsky A.L. (2019). Altruistic investment as a personality networking strategy: scale development and construct validity testing // *Social Psychology and Society*. Vol. 10(3). P. 157–176. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2019100310>
- Molchanov S.V. (2014). Conditions and factors of solving moral dilemmas in adolescence // *National Psychological Journal*. Vol. 4(16). P. 42–51. DOI: <https://doi.org/10.11621/npj.2014.0405>
- Molchanov S.V., Almazova O.V. (2017). Adolescent Concepts of Responsibility in Different Types of Moral Dilemmas // *Cultural-Historical Psychology*. Vol. 13(4). P. 81–90. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2017130409>
- Molchanov S.V., Almazova O.V., Poskrebysheva N.N., Zapunidi A.A. (2017). Personal autonomy as factor of developing responsibility in adolescence // *National Psychological Journal*. № 1. P. 82–88. DOI: [10.11621/npj.2017.0110](https://doi.org/10.11621/npj.2017.0110)
- Nauryzova M.A., Kornilova T.V. (2024). Empathy and values of health workers in solving moral dilemmas in everyday life situations // *Proceedings of the Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences*. Vol. 4(3). P. 43–55.
- Ponomareva E.V. (2024). The influence of the socionic type on a person's choice when solving moral dilemmas // *Russian Journal of Education and Psychology*. Vol. 15(4). P. 362–399. DOI: [10.12731/2658-4034-2024-15-4-557](https://doi.org/10.12731/2658-4034-2024-15-4-557)
- Ryabov V.B. (2023). Models of the world and problems of the current stage of interaction between natural and artificial human evolution. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences // *Organizational Psychology and Labor Psychology*. Vol. 8(4). P. 101–127. DOI: https://doi.org/10.38098/ipran.opwp_2023_29_4_005
- Smirnova N.P., Safonova M.A., Shabashova E.V. (2018). The relationship between economic and psychological characteristics of personality and moral choice // *Penza Psychological Bulletin*. Vol. 2(11). P. 54–70. DOI: <https://doi.org/10.17689/psy-2018.2.5>
- Solovova N.A., Kirpichev A.V., Gagarina M.A. (2025). Prosocial behavior in a situation of moral choice: theoretical approaches to research // *Modern Foreign Psychology*. Vol. 14(2). P. 95–103. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140210>
- Solovova N.A., Sharipova E.R. (2021). Resolving ethical dilemmas associated with the new coronavirus infection causing Covid-19 and its overcoming. The world of science // *Pedagogy and psychology*. Vol. 9(6). URL: <https://mir-nauki.com/PDF/13PSMN621.pdf>
- Sychev O.A. (2023). Theory of moral foundations: a modern view of psychological factors of political beliefs // *Social Psychology and Society*. Vol. 14(1). P. 5–22. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140101>
- Sychev O.A., Protasova I.N., Belousov K.I. (2018). Diagnostics of moral foundations: testing the Russian-language version of the MFQ questionnaire // *Russian Psychological Journal*. Vol. 15(3). P. 88–115. DOI: <https://doi.org/10.21702/rpj.2018.3.5>
- Tatarko A.N., Lebedeva N.M. (2008). Research of social axioms: structure and interrelations with socio-economic attitudes of Russians. *Psychology // Journal of the Higher School of Economics*. Vol. 5(4). P. 135–143.
- Tatarko A.N., Lebedeva N.M. (2020). Development and testing a short version of the Social Axioms Questionnaire by M. Bond and K. Leung // *Cultural-Historical Psychology*. Vol. 16(1). P. 96–110. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2020160110>
- Ajzen I. (1991). The theory of planned behavior // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. Vol. 50(2). P. 179–211. DOI: [https://doi.org/10.1016/0749-5978\(91\)90020-T](https://doi.org/10.1016/0749-5978(91)90020-T)

- Chen T., Chen W., Lu X., Xiao H. (2024). Analysis of factors influencing family farms' adoption of green prevention and control techniques on an integrative framework of the TPB and NAM // *Acta Psychologica*. Vol. 247. Art. 104314. <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2024.104314>
- Dömötör B., Illés F., Ölvédi T. (2023) Peer-to-peer lending: Legal loan sharking or altruistic investment? Analyzing platform investments from a credit risk perspective // *Journal of International Financial Markets, Institutions and Money*. Vol. 86. Art. 101801. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.intfin.2023.101801>
- Graf C., Suanet B., Wiepking P., Merz E.-M. (2023). Social norms offer explanation for inconsistent effects of incentives on prosocial behavior // *Journal of Economic Behavior & Organization*. Vol. 211. P. 429–441. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2023.05.003>
- Kahneman D. (2011). *Thinking, fast and slow*. NY.: Farrar, Straus and Giroux.
- Le M.H., Nguyen P.M. (2022). Integrating the Theory of Planned Behavior and the Norm Activation Model to Investigate Organic Food Purchase Intention: Evidence from Vietnam // *Sustainability*. Vol. 14(2). P. 816. DOI: <https://doi.org/10.3390/su14020816>
- Liu Y., Chen R., Chen Y., Mei Q., Salib S. (2012). “I loan because...”: understanding motivations for prosocial lending // In *Proceedings of the fifth ACM international conference on Web search and data mining (WSDM '12)*. Association for Computing Machinery, New York, USA. P. 503–512. DOI: <https://doi.org/10.1145/2124295.2124356>
- Maiolini R., Cappa F., Franco S., Quaratino G.R. (2024) The impact of sustainable development goals in lending-based prosocial crowdfunding: A topic modeling analysis on the kiva platform // *International Review of Financial Analysis*. Vol. 95(B). Art. 103441. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.irfa.2024.103441>
- Pastor Y., Pérez-Torres V., Thomas-Currás, H., Lobato-Rincón L.L., López-Sáez M.A., García, A. (2024). A study of the influence of altruism, social responsibility, reciprocity, and the subjective norm on online prosocial behavior in adolescence // *Computers in Human Behavior*. Vol. 154. Art. 108156. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2024.108156>
- Pino G., Garcia M.N., Peluso A.M., Viglia G., Filieri R. (2023). Understanding how virtuous lenders encourage support for peer-to-peer platforms' prosocial initiatives // *Journal of Business Research*. Vol. 168. Art. 114251. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2023.114251>
- Qu C., Bénistant J., Dreher J.C. (2022). Neurocomputational mechanisms engaged in moral choices and moral learning // *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. Vol. 132. P. 50–60. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2021.11.023>
- Savari M., Damaneh H.E., Damaneh H.E., Cotton M. (2023). Integrating the norm activation model and theory of planned behaviour to investigate farmer pro-environmental behavioural intention // *Scientific Reports*. № 13. Art. 5584. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-023-32831-x>
- Schwartz S.H. (1977). Normative influences on altruism // *Advances in experimental social psychology*. Vol. 10. P. 221–279.
- Yu K. (2024). Prosocial Behavior. In: *The ECPH Encyclopedia of Psychology*, Springer, Singapore. URL: https://ezpro.fu.ru:2117/10.1007/978-981-99-6000-2_227-1

ИССЛЕДОВАНИЕ РОЛИ ПОПУЛЯЦИОННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ РОССИИ: КАКОЙ ПОКАЗАТЕЛЬ ПРЕДПОЧЕСТЬ?

© Сугоняев К.В.

кандидат технических наук, доцент, ассоциированный сотрудник Института психологии
Российской академии наук, Москва, Россия,
skv-354@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-6207-7228

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 17–78–30035 «Психологические факторы экономической и социальной конкурентоспособности России»

Для цитирования:

Сугоняев К.В.

Исследование роли популяционного интеллекта в социально-экономическом развитии регионов России: какой показатель предпочесть? // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2026. Т. 6. № 1(18). С. 49–59.

DOI: 10.38098/proceedings_2026_06_01_05

Sugonyaev K.V.

Study of population intelligence role in socio-economic development of Russian regions: which index is preferable? Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2026, Vol. 6, No 1(18), Pp. 49–59.

DOI: 10.38098/proceedings_2026_06_01_05

Представлены результаты исследования взаимосвязей 24 оценок регионального интеллекта (РИ), рассчитанных по результатам добровольного онлайн-выполнения когнитивного теста КОТ-30, с рядом индикаторов социально-экономического развития (ИСЭР) регионов России в период 2000–2018 гг. Продемонстрированы значимые и воспроизводимые связи РИ с восьмью из девяти ИСЭР. Не выявлено преимуществ оценок, отражающих интеллектуальный потенциал «умной» или «глупой» долей населения региона, перед средними популяционными оценками. Вместе с тем, получены данные, свидетельствующие о влиянии возрастного состава выборки и дифференциальной чувствительности к отдельным ИСЭР вербальной и математической субшкал теста. Полученные данные ставят под сомнение обоснованность использования различных методов оценки когнитивного потенциала территорий как взаимозаменяемых.

Ключевые слова: популяционный интеллект, региональный интеллект, индикаторы социально-экономического развития, Регионы России, онлайн-тестирование, корреляционный и факторный анализ

Введение

За последние 30–40 лет опубликовано множество работ, в которых представлены убедительные доказательства того, что различия в уровне популяционного интеллекта (ПИ) демонстрируют нетривиальные связи (преимущественно в диапазоне абсолютных значений 0,3–0,8) с широким спектром социально-экономических и демографических феноменов, таких как доходы на душу населения, образовательные и научные достижения, ожидаемая продолжительность жизни, качество здравоохранения, вектор миграции, религиозность, рождаемость, детская смертность, преступность и др. (Hafer, 2017; Henss, 2024; Lynn R., Vanhanen 2012; Meisenberg, 2012). Корреляции такого уровня с внешними (по отношению к психологическим переменным) критериями довольно редки в исследованиях на индивидуальном уровне анализа, где коэффициенты корреляции свыше 0,3 уже интерпретируются как высокие (Funder,

Ozer, 2019; Gignac, Szodorai, 2016), а превышающие 0,5 составляют лишь около 5% от всех публикуемых величин эффекта (Paterson et al., 2016)¹. Показано, что упомянутые выше связи проявляются на уровне стран, регионов страны и даже отдельных административных единиц (Carl, 2016; Lynn R., Becker, 2019; Lynn, Fuerst, Kirkegaard, 2018; Lynn, Vanhanen, 2012). Существенно, что различия в уровнях интеллекта территорий имеют тенденцию воспроизводиться из поколения в поколение (Григорьев, Лаптева, Ушаков, 2015; Lynn, Cheng, Grigoriev, 2017).

Несмотря на обширный корпус данных, свидетельствующих о том, что ПИ может выступать в роли объяснительного конструкта при оценке национальных различий в уровне социально-экономического развития (СЭР), точечные оценки ПИ отдельных стран, предложенные в ряде публикаций (Lynn, Becker, 2019; Lynn, Vanhanen, 2012), нередко критикуются за методологические

¹ Данная оценка рассчитана по 250 метаанализам, опубликованным за 30 лет.

погрешности при их расчете. Критики акцентируют внимание на том, что эти оценки выводятся из результатов проведения *различных* когнитивных или образовательных тестов на выборках, различающихся по возрасту, объему, образовательному, социальному и клиническому статусу, времени сбора данных и т. п. (Hunt, Carlson, 2007; Whitaker, 2018). Несмотря на то, что появление новых данных приводит лишь к незначительным коррекциям оценок Р. Линна (Henss, 2024; Warne, 2023), претензии к точности оценок ПИ нередко используются как один из поводов для дискредитации важных социально-экономических идей, выдвигаемых Линном и его последователями². В то же время получение сопоставимых оценок ПИ на уровне регионов одной страны потенциально менее проблематично, особенно если в этой стране используется единый государственный язык и регионов достаточно много. Именно такое сочетание условий отличает Российскую Федерацию, что делает ее удобным объектом для изучения взаимосвязей между региональным интеллектом (РИ) и индикаторами СЭР. Для решения этой задачи остается лишь подобрать стандартизированный инструментарий для оценки интеллекта и применить его в сопоставимых условиях, обеспечив охват достаточно большого количества резидентов каждого региона.

Вместе с тем вопрос о том, как оценивать ПИ остается предметом дискуссий. Как отмечалось выше, для квантификации ПИ чаще всего используются усредненные уровневые оценки успешности выполнения интеллектуальных тестов или тестов образовательных достижений. Высокие корреляции между агрегированными на уровне стран оценками этих двух категорий (порядка 0,7–0,9) нередко рассматриваются как аргумент в пользу их взаимозаменяемости (Jones, Potrafke, 2014; Rindermann, 2007), с чем, однако, согласны не все (см., например, Wicherts, Wilhelm, 2007). В случае использования для оценки ПИ когнитивных тестов предпочтение отдается матричным тестам, однако нередко для этой цели используются тесты вербальных и математических способностей, общенаучных знаний и др. Эквивалентность полученных таким образом оценок ПИ неочевидна, их сравнительная информативность в контексте прогнозирования отдельных аспектов СЭР малоизучена. Кроме того, в ряде публикаций приводятся свидетельства того, что в социальном и экономическом развитии территорий более важную роль может играть интеллектуальный уровень не всего

населения, а наиболее одаренной его части («умной доли») (Burhan et al., 2014; Rindermann, Sailer, Thompson, 2009). При этом разными авторами предложены *различные* способы операционализации интеллекта групп населения, представляющих противоположные полюса континуума (Gelade, 2008; Hanushek, Woessmann, 2008; La Griffe du Lion, 2002; Rindermann, Sailer, Thompson, 2009).

Нельзя не отметить, что объем накопленных к настоящему времени сведений о соотношениях между РИ и индексами СЭР невелик: для некоторых стран он охватывает десятки социально-экономических переменных, тогда как для других ограничивается одной — двумя (Lynn, Fuerst, Kirkegaard, 2018). Между тем, изучение таких соотношений имеет самостоятельную ценность для каждой страны, учитывая существенные их различия по площади, численности и плотности населения, административному делению, географическому, демографическому и социально-экономическому разнообразию. В любом случае априори нет оснований ожидать на региональном уровне такой же силы связей между ПИ и СЭР, как на международном, поскольку межрегиональные различия, как правило, меньше, чем межстрановые. Действительно, представленные в упомянутом обзоре (Lynn, Fuerst, Kirkegaard, 2018), охватившем данные 22 стран, оценки силы связи широко варьируют, включая «аномальные» (например, в Японии). Поскольку различия в ПИ могут обуславливать конкурентные преимущества одних территорий по отношению к другим (Rindermann, Thompson, 2011), расчет как можно более точных его оценок является весьма желательным. Актуальной является также проблема выбора мер оценивания РИ, наиболее точно предсказывающих интересующие аспекты СЭР регионов страны.

Хотя некоторые оценки соотношений между РИ и СЭР в России ранее нами уже обнародовались (Sugonyaev et al., 2018, 2019), они, во-первых, относились к точечным оценкам СЭР и усредненным оценкам РИ одного типа; во-вторых, последние хотя и отражали результаты выполнения когнитивного теста большим числом респондентов, были рассчитаны на выборке меньшего объема с незавершенной чисткой от повторных протоколов; в-третьих, связи РИ и СЭР оценивались с помощью коэффициентов линейной корреляции Пирсона, что не учитывало факт существенно асимметричного распределения многих индексов РИ. В настоящем исследовании для этой цели рассчитывались ранговые корреляции Спирмена.

² Политически мотивированные нападки мы здесь не рассматриваем.

В связи с этим настоящее исследование преследовало двоякую цель: 1) уточнить силу связей РИ и СЭР регионов России за счет использования максимального доступного массива данных когнитивного тестирования и расширенного временного диапазона учитываемых индексов СЭР; 2) провести сравнительную оценку информативности различных IQ-индексов в контексте изучения их связей с региональными индексами СЭР.

Методы

Для расчета индексов, характеризующих различные аспекты ПИ регионов России (далее по тексту — РИ), использовались данные, собранные в течение 2012–2019 гг. на сайте www.mil.ru, где была размещена адресованная мужчинам 18–40 лет тестовая батарея, включавшая когнитивный тест КОТ-30. Участие в онлайн-тестировании было добровольным, анонимным и не предусматривало ограничений на число попыток выполнения, но в анализ включались только первичные протоколы с верифицированной региональной принадлежностью, общее число которых после нескольких этапов чистки составило 267026. В этой выборке средний возраст респондентов составил $26,43 \pm 5,08$ года, среднее число правильных ответов $20,002 \pm 5,993$, синхронная надежность тестовых оценок, оцениваемая коэффициентом Кьюдера — Ричардсона $KR-20 = 0,86$. Более подробная информация о тесте КОТ-30, характеристиках выборки, особенностях процедуры тестирования, деталях чистки и анализа данных дана в (Сугоняев, Радченко, Соколов, 2018) и здесь не дублируются.

Возможность выхода за пределы традиционного для когнитивного тестирования показателя — суммы правильных ответов (далее — *продуктивность*) — обеспечивалась тем, что данные регистрировались, в том числе, на уровне ответов на отдельные задания. Это позволило оценить не только различные аспекты выполнения каждым респондентом *теста в целом*, но и раздельно оценить успешность выполнения *вербальных* ($N=12$) и *математических* ($N=11$) заданий теста, а также рассчитать показатель *эффективности*, отражающий успешность выполнения теста с учетом вероятности случайного угадывания правильного ответа. Данный показатель рассчитывался по формуле:

$$\text{Эф} = (N_c - N_e / (m - 1)) * 100 / N,$$

где N_c — сумма правильных ответов; N_e — сумма ошибок (инверсий); N — общее число заданий в тесте/субшкале; m — число опций ответа.

Усредненные оценки продуктивности и эффективности (для теста в целом, его математической и вербальной субшкал) рассчитывались по всему массиву региональных данных. Кроме того, рассчитывались также индексы, характеризующие доли региональной популяции, представленные в верхнем и нижнем «хвостах» распределения оценок когнитивной способности (далее по тексту ВДКС и НДКС). В частности, ВДКС характеризовалась: уровнем 95-го перцентиля по продуктивности и эффективности (Пр95% и Эф95%) и долей респондентов, получивших оценки продуктивности более 23 и более 28 сырых баллов ($\% > 23$ и $\% > 28$), что примерно соответствовало уровням 108 и 125 баллов шкалы IQ (рассчитанной по всей выборке). НДКС характеризовалась уровнем 5-го перцентиля по продуктивности и эффективности (Пр5% и Эф5%) и долей респондентов, получивших оценки продуктивности менее 17 и менее 10 сырых баллов ($\% < 17$ и $\% < 10$), что примерно соответствовало уровням 92 и 75 баллов шкалы IQ. Учитывая, что в период сбора тестовых данных требования к возрасту респондентов менялись, но всегда сохранялся доступ для лиц в возрасте 19–30 лет, дополнительно был рассчитан комплекс IQ-индексов для этой части выборки ($N=211844$). В «усеченной» выборке средний возраст респондентов составил $24,57 \pm 3,20$ года, среднее число правильных ответов $20,081 \pm 5,995$.

Всего было рассчитано 24 частных IQ-индекса: 14 для полной выборки и 10 — для усеченной. По результатам их факторизации были рассчитаны *факторные значения* каждого региона ($IQ_{фз}$).

Набор ИСЭР, с которыми коррелировались IQ-индексы, подбирался с учетом аналогичных зарубежных исследований (Lynn, Fuerst, Kirkegaard, 2018; Lynn, Vanhanen, 2012) и наличия соответствующих данных в справочниках Росстата «Регионы России». Исходно было выбрано 9 ИСЭР: уровень занятости (Зн), уровень безработицы (Бр), среднедушевые доходы отнесенные к прожиточному минимуму (СДД/пм), суммарное число полученных патентов на изобретения и полезные модели (ПП), ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ), уровень младенческой смертности (МС), уровень убийств (Уб), доля городского населения (ДГН) и доля занятых с высшим образованием (ДЗВО). Все ИСЭР — с целью сглаживания не всегда объяснимых колебаний — усреднялись за три смежных года; большинство показателей (кроме ОПЖ и ДГН) логарифмировалось. Для каждого реги-

онального ИСЭР было рассчитано пять временных срезов, центрированных в 2001, 2005, 2009, 2013 и 2017 гг.

Из 85 регионов, входивших в состав России к 2017 году, из анализа были исключены шесть, характеризовавшихся неполнотой социально-экономических данных в исследуемый период (Чеченская Республика, Ингушетия, Крым, Севастополь) или малым (менее 200) числом респондентов (Ненецкий и Чукотский АО); таким образом, основной этап анализа охватил 79 регионов. Поскольку в ходе расчетов был выявлен ряд регионов, имеющих признаки структурного аутлайера (Fuerst, Kirkegaard, 2016; Sugonyaev, Grigoriev, Lynn, 2019), анализ был повторен для 75 регионов (без республик Северного Кавказа).

Результаты и их анализ

Все рассчитанные индексы РИ достаточно сильно коррелировали между собой: среднее значение коэффициента корреляции Спирмена 0,861 (0,585–0,999); минимальная факторная нагрузка на генеральный фактор, описывающий более 88% дисперсии, составила 0,816.

Матрицы интеркорреляций региональных ИСЭР в пяти временных срезах отличались высокой воспроизводимостью (конгруэнтность 0,89–0,98) и супердиагональной формой, но ожидаемо были менее гомогенными, чем IQ-индексы. Большинство связей имели предсказуемый знак и были умеренными по силе (за исключением ОПЖ и Уб, между которыми имелась сильная отрицательная связь, в среднем $-0,74$). Следуя рекомендациям Э. Киркегарда (Kirkegaard, 2014, 2016), индексы Бр, МС и Уб были инвертированы, после чего ИСЭР были подвергнуты факторизации. График собственных значений («каменистая осыпь») указывал на возможность извлечения двух — трех факторов. Однофакторное решение описывало в разные периоды от 38 до 46% дисперсии, при этом большинство ИСЭР (за исключением ДЗВО) имели факторные нагрузки более 0,5. При выделении двух факторов объем описываемой ими дисперсии возрастал до 63,5% (61–65), а распределение ИСЭР между ними позволило идентифицировать первый фактор как *уровень экономического развития* (максимальные нагрузки у Зн,

Бр, СДДПМ и ДГН), а второй — как *качество жизни населения* (ОПЖ, МС, Уб). Нагрузки ПП распределялись между этими факторами почти поровну с некоторым преобладанием второго. ДЗВО также тяготела ко второму фактору, однако при увеличении числа факторов более двух обособлялась в отдельный фактор.

В матрицах интеркорреляций множества IQ-индексов и ИСЭР (для каждого из пяти временных срезов) первое, что обращало на себя внимание, — необычный паттерн связей ДЗВО: а) с большинством ИСЭР они были близки к нулю, достигая уровня значимости только в случае ОПЖ и Уб; б) со всеми IQ-индексами они были отрицательными³, хотя и слабыми (в среднем $-0,13$). Исходя из этого нами был сделан вывод о том, что региональная оценка ДЗВО в России, по-видимому, не может служить показателем СЭР региона и отражает какие-то другие реалии, требующие дальнейшего изучения. По этой причине из дальнейшего анализа данный индекс был исключен.

Неожиданными оказались стабильно низкие (в среднем 0,08) корреляции IQ-индексов с ОПЖ. Корреляции IQ-индексов с Уб были ожидаемо отрицательными, но весьма невысокими (в среднем $-0,20$). Для выяснения возможных причин «провала» корреляций РИ с ОПЖ и Уб были построены скаттерграммы, позволившие выявить наличие «структурных аутлайеров» (Kirkegaard, 2016) в лице четырех республик Северного Кавказа. Повторение корреляционного анализа после их исключения показало, что связи IQ-индексов с ИСЭР экономического блока несколько ослабели (на 0,03–0,09), однако с ОПЖ и Уб существенно увеличились, достигнув уровня, лучше согласующегося с зарубежными оценками (в среднем, соответственно, до 0,24 и 0,33). В то же время эта манипуляция не оказала заметного влияния на связи ДЗВО, подтвердив особый статус этого показателя в России.

Большой объем расчетных материалов не позволяет привести его в данной публикации полностью, но в обобщенном виде релевантная целям исследования информация о связях IQ-индексов с ИСЭР до и после исключения регионов-аутлайеров в период 2000–2018 гг. отражена в табл. 1.

³ При этом на индивидуальном уровне анализа во всех регионах оценки IQ положительно связаны с уровнем образования.

Таблица 1. Сравнительная информативность IQ-индексов по отношению к ИСЭР
(ранговые корреляции Спирмена)

Период	ИСЭР-79				ИСЭР-75			
	мин	среднее	макс	IQ-индекс	мин	среднее	макс	IQ-индекс
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Уровень занятости								
2001	0,403	0,499	0,601	IQ*5%	0,325	0,417	0,535	IQ*5%
2005	0,407	0,466	0,537	IQ*5%	0,316	0,381	0,463	IQ*5%
2009	0,336	0,388	0,442	IQ*5%	0,228	0,291	0,352	IQ*5%
2013	0,266	0,344	0,438	IQ*5%	0,148	0,239	0,346	IQ*5%
2017	0,264	0,336	0,445	IQ*5%	0,147	0,231	0,354	IQ*5%
Уровень безработицы								
2001	0,523	0,621	0,666	IQ*5%	0,464	0,560	0,611	IQ*5%
2005	0,454	0,568	0,630	Эф*В	0,378	0,508	0,580	Эф*В
2009	0,380	0,464	0,525	Пр*В	0,298	0,379	0,449	Пр*В
2013	0,419	0,551	0,615	IQ*5%	0,343	0,480	0,552	IQ*5%
2017	0,354	0,461	0,549	IQ*5%	0,266	0,373	0,473	IQ*5%
Среднедушевые доходы к прожиточному минимуму								
2001	0,314	0,357	0,417	IQ*5%	0,238	0,278	0,346	IQ*5%
2005	0,248	0,294	0,358	IQ*95%	0,227	0,276	0,347	IQ*95%
2009	0,192	0,244	0,309	Эф*5%	0,204	0,259	0,333	Эф*5%
2013	0,264	0,303	0,363	IQ*5%	0,237	0,280	0,348	IQ*5%
2017	0,260	0,307	0,365	Эф*95%	0,219	0,272	0,336	Эф*95%
Получение патентов								
2001	0,504	0,553	0,604	Эф*5%	0,474	0,529	0,588	Эф*5%
2005	0,497	0,552	0,614	Эф*5%	0,486	0,542	0,610	Эф*5%
2009	0,420	0,482	0,534	Эф*5%	0,444	0,515	0,569	Эф*5%
2013	0,398	0,471	0,520	Эф95%	0,451	0,531	0,574	%>23
2017	0,435	0,529	0,581	%>23	0,424	0,528	0,587	%>23
Доля городского населения								
2001	0,283	0,364	0,410	Пр*В	0,188	0,282	0,338	Эф*95%
2005	0,316	0,394	0,445	Эф*В	0,221	0,312	0,370	Эф*В
2009	0,320	0,400	0,461	Эф*В	0,223	0,317	0,386	Эф*В
2013	0,310	0,399	0,462	Эф*В	0,206	0,311	0,382	Эф*В
2017	0,324	0,411	0,475	Эф*В	0,220	0,324	0,397	Эф*В
Ожидаемая продолжительность жизни								
2001	-0,007	0,057	0,128	н/зн	0,146	0,216	0,293	Эф*5%
2005	-0,012	0,045	0,128	н/зн	0,141	0,202	0,293	Эф*5%
2009	-0,005	0,059	0,138	н/зн	0,148	0,219	0,285	Эф*95%
2013	0,079	0,127	0,181	н/зн	0,238	0,289	0,353	Эф*М
2017	0,043	0,104	0,159	н/зн	0,202	0,269	0,334	Эф*М
1	2	3	4	5	6	7	8	9

Период	ИСЭР-79				ИСЭР-75			
	мин	среднее	макс	IQ-индекс	мин	среднее	макс	IQ-индекс
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Младенческая смертность								
2001	0,378	0,420	0,464	IQфз	0,399	0,426	0,465	IQфз
2005	0,319	0,390	0,453	ПрМ	0,347	0,400	0,474	ПрМ
2009	0,288	0,389	0,469	ЭфМ	0,290	0,381	0,469	ЭфМ
2013	0,368	0,448	0,516	ЭфМ	0,312	0,407	0,482	ЭфМ
2017	0,353	0,429	0,476	IQ*5%	0,315	0,401	0,451	IQ*5%
Уровень убийств								
2001	0,082	0,173	0,234	Эф*М	0,213	0,315	0,384	Эф*М
2005	0,110	0,179	0,243	Эф*М	0,252	0,329	0,401	Эф*М
2009	0,119	0,193	0,252	ЭфМ	0,236	0,319	0,386	ЭфМ
2013	0,182	0,265	0,331	ЭфМ	0,261	0,349	0,423	ЭфМ
2017	0,111	0,182	0,242	ЭфМ	0,253	0,328	0,396	ЭфМ

Примечание: расшифровка обозначений IQ-индексов дана в тексте. Корреляции с Бр, МС и Уб инвертированы. Индексы, помеченные звездочкой (*), относятся к усеченной выборке; В — относятся к вербальной субшкале; М — к математической; IQ-индекс — показатель, демонстрирующий максимальную по силе связь с ИСЭР; н/зн — все связи незначимы.

Как видно из представленных в табл. 1 данных, разброс абсолютных значений коэффициентов корреляций довольно велик, составляя от 20 до 90% от среднего значения, что не согласуется с тезисом об индифферентности IQ-индикатора при исследовании связей ПИ с ИСЭР. Также можно видеть, что большинство (не менее 75%) максимальных по силе связей получено на выборке респондентов, ограниченных возрастом 19–30 лет («усеченной»).

Дополнительную информацию о характере взаимосвязей РИ с ИСЭР дают результаты факторного анализа. При совместной факторизации IQ_{фз} с восемью ИСЭР интеллект входит в первый фактор (без вращения) с высокой нагрузкой (около 0,8), уступающей по величине только Бр (0,86). Этот фактор описывает в среднем 46,5% дисперсии показателей. При совместной факторизации ИСЭР с любым из 24 частных IQ-индексов наблюдается сходный паттерн факторных нагрузок, при котором IQ-индекс занимает второй — третий ранг из девяти, и лишь индексы, относящиеся к «умной доле», имеют четвертую позицию.

Поскольку график собственных значений и критерий Кайзера указывали на возможность выделения двух — трех факторов, такие решения также были рассчитаны. Структура латентных переменных после добавления РИ изменилась незначительно: в двухфакторном варианте распределение девяти региональных индексов в целом воспроизводило описанную выше дихотомию («уровень

экономического развития» / «качество жизни»), причем на протяжении всего исследуемого периода РИ достаточно уверенно входил в состав первого фактора. Индексы патентной активности по-прежнему в большей степени тяготели ко второму фактору, хотя и имели значительные (>0,3) вторичные нагрузки на первый; в свою очередь МС также демонстрировала высокие (>0,4) вторичные нагрузки на первый фактор. В случае выделения третьего фактора максимальные нагрузки по нему получали РИ и ПП, при этом РИ сохранял высокую вторичную нагрузку на «экономический» фактор. Тесная связь РИ с ПП согласуется с тезисом Х. Риндерманна о том, что одним из важнейших механизмов, посредством которого более высокий когнитивный потенциал территории способствует ее процветанию, являются инновации и более эффективное их использование в различных сферах жизни (Rindermann, Thompson, 2011, p. 111). По-видимому, в России этот механизм также действует.

Факторные нагрузки большинства ИСЭР были относительно стабильными на протяжении всего исследуемого периода, за исключением ОПЖ и УБ, которые продемонстрировали аномальную динамику: скачок с уровня 0,3 в 2001–2005 гг. до 0,5 и выше в 2009–2013 гг. Изучение скаттерграмм показало, что эти колебания связаны с республиками Северного Кавказа. После их исключения доля первого главного компонента в объясняемой дисперсии показателей превысила 50%,

а факторные нагрузки на него РИ и ИСЭР стали более однородными (рис. 1). И по содержанию, и по объему описываемой дисперсии данный фактор может быть отождествлен с «генеральным социэкономическим фактором» (S-фактором) Киркегарда (Kirkegaard, 2014). Ослабление в районе 2009 г. вклада в S-фактор такого ком-

понента, как Зн, может быть объяснено регуляторными влияниями федерального центра, искусственно поддерживающего занятость в ряде регионов с использованием механизмов общественных работ с целью нивелировать негативное влияние мирового экономического кризиса 2008–9 гг. (Зубаревич, 2010, с. 46).

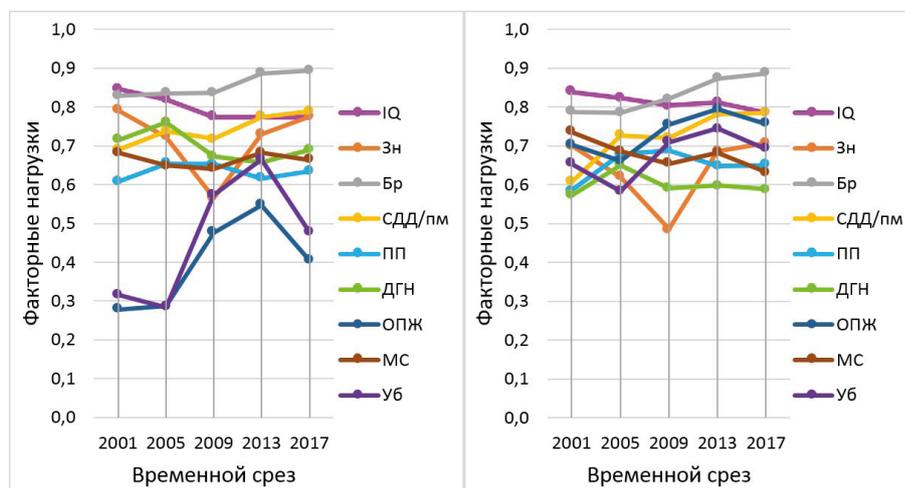

Рис. 1. Динамика нагрузок РИ и ИСЭР на S-фактор до (слева) и после (справа) исключения регионов-аутлайеров (факторные нагрузки Бр, МС и Уб инвертированы)

Таким образом, результаты исследования направления и силы связей региональных IQ-индексов с ИСЭР показали, что они в существенной мере согласуются с результатами аналогичных исследований, выполненных за рубежом. В частности, знаки коэффициентов корреляции были положительными в случае Зн, СДД/пм, ПП, ДГН и ОПЖ (в последнем случае — после исключения четырех аутлайеров) и отрицательными в случае Бр, МС и Уб. Средние (рассчитанные по 24 IQ-индексам) и максимальные значения тесноты связи РИ с ИСЭР регионов, в большинстве случаев вписываются в диапазон значений, рассчитанных в ряде стран мира и приведенных в (Lynn, Fuerst, Kirkegaard, 2018). В случае с ОПЖ и Уб, продемонстрировавших в исходной выборке аномально низкие корреляции, были установлены компактно расположенные регионы-аутлайеры, исключение которых вернуло корреляции в ожидаемый диапазон. В то же время связи РИ с СДД/пм оказались заметно ниже регистрируемых за рубежом, что может быть объяснено деформирующим влиянием на этот показатель в России повышенных доходов ряда регионов от добычи сырья, не требующей высокого интеллекта.

Установлено, что в исследуемый период связи РИ с ИСЭР характеризовались достаточно высокой стабильностью: конгруэнтность корреляци-

онных профилей между большинством смежных временных срезов находилась в диапазоне 0,8–1,0, хотя в случае СДД/пм она была чуть ниже и варьировала в диапазоне 0,68–0,97 (возможно, вследствие административного влияния на размеры прожиточного минимума или изменения методик его расчета). Была выявлена лишь одна серьезная аномалия: в срезе 2013 г. конгруэнтность смежных корреляционных профилей РИ/МС упала по сравнению с 2009 г. вдвое, а в 2017 г. — до нуля. Данный факт можно объяснить тем, что в этот период, по-видимому, имело место изменение критериев статистического учета МС, причем не во всех регионах.

Возможно, основной вклад настоящего исследования состоит в установлении дифференциальной валидности различных IQ-индексов в качестве предикторов ИСЭР. Установлено, что:

— факторные значения РИ ($IQ_{фз}$) в целом более тесно связаны с ИСЭР, чем частные IQ-индексы;

— IQ-индексы, рассчитываемые на основе средних индивидуальных оценок по региону, теснее связаны с ИСЭР, чем индексы, относящиеся к НДКС, которые, в свою очередь, превосходят индексы, относящиеся к ВДКС;

— IQ-индексы, рассчитанные на выборке 19–30 лет, по силе связей с ИСЭР в целом превосходят таковые, рассчитанные на полной выборке

18–40 лет; они особенно тесно связаны с Зн, СДД/пм и ДГН, хотя сила их связей с ПП и Уб оказалась выше в полной выборке;

— *эффективность* в большинстве случаев незначительно превосходит по силе связей с ИСЭР *продуктивность*;

— выявлена дифференциальная чувствительность вербальной и математической субшкал КОТ-30 к ряду ИСЭР, а именно: оценки успешности решения математических заданий устойчиво более высоко коррелируют с ОПЖ (положительно), МС и Уб (отрицательно), превосходя по этому показателю не только остальные частные IQ-индексы, но и IQ_{фз}. В то же время успешность решения вербальных заданий оказалась теснее связана с Зн и ДГН.

Важно подчеркнуть, что региональные оценки вербальной и математической субшкал продемонстрировали превосходство над оценками, отражающими успешность выполнения теста в целом, несмотря на меньшую синхронную надежность первых.

Тот факт, что в нашем исследовании индексы, операционализирующие т.н. «умную долю» населения, оказались менее чувствительны к ИСЭР, может быть следствием психометрических особенностей теста КОТ-30, который по прагматическим соображениям был сориентирован на скрининг менее способных. Это предопределило асимметрию распределения оценок (–0,44) и снижение вариативности показателей вблизи теоретического максимума, что неизбежно приводит к осла-

блению корреляций индексов, синтезированных на их основе (Sackett et al., 2007). Вместе с тем следует иметь в виду, что любые показатели, относящиеся к части выборки, менее надежны, чем средние популяционные оценки.

Выводы

1. Связи оценок РИ с региональными ИСЭР в России характеризуются относительной устойчивостью во времени и находятся в том же диапазоне значений, который установлен в ряде зарубежных стран.

2. Полученные данные подтверждают обоснованность использования в исследованиях подобного рода *усредненных* оценок ПИ и не выявили преимуществ оценок, отражающих интеллект наиболее и наименее «умной» частей популяции.

3. Несмотря на высокий уровень интеркорреляций между различными IQ-индексами, неудачный выбор индикатора РИ может привести к недооценке реальной силы связи РИ с ИСЭР на 10–40%. Это противоречит распространенным представлениям о возможности использования различных методов оценки когнитивного потенциала территорий как взаимозаменяемых.

4. Благодаря большому объему выборки и доступности данных на пунктовом уровне удалось получить сведения, свидетельствующие о влиянии возрастного состава выборки, на которой рассчитан РИ, а также о дифференциальной чувствительности IQ-индексов (в том числе, оценок вербального и математического интеллекта) к отдельным ИСЭР.

Литература:

- Григорьев А.А., Лантева Е.М., Ушаков Д.В. Образовательные достижения районов Московской области воспроизводят уровень грамотности в XIX в.: механизмы «культурной генетики» // Сибирский психологический журнал. 2015. № 56. С. 69–85. DOI: 10.17223/17267080/56/6.
- Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010.
- Сугоняев К.В., Радченко Ю.И., Соколов А.А. Добровольное Интернет-тестирование как источник валидных оценок группового психометрического интеллекта // Сибирский психологический журнал. 2018. № 69. С. 6–32. DOI: 10.17223/17267080/69/1
- Burhan N.A.S., Mohamad M.R., Kurniawan Y., Sidek A.H. The impact of low, average, and high IQ on economic growth and technological progress: Do all individuals contribute equally? // Intelligence. 2014. Vol. 46. P. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.intell.2014.04.006>
- Carl N. IQ and socio-economic development across local authorities of the UK // Intelligence. 2016. Vol. 55. P. 90–94. DOI: 10.1016/j.intell.2016.02.001.
- Fuerst J., Kirkegaard E.O.W. Admixture in the Americas: Regional and national differences // Mankind Quarterly. 2016. Vol. 56. № 3. P. 256–274.
- Funder D. C., Ozer D.J. Evaluating effect size in psychological research: sense and nonsense // Advances in Methods and Practices in Psychological Science. 2019. Vol. 2. № 2. P. 156–168. DOI: <https://doi.org/10.1177/2515245919847202>
- Gelade G.A. IQ, cultural values, and the technological achievement of nations // Intelligence. 2008. Vol. 36. № 6. P. 711–718. DOI: 10.1016/j.intell.2008.01.004.

- Gignac G.E., Szodorai E.T.* Effect size guidelines for individual differences researchers // *Personality and Individual Differences*. 2016. Vol. 102. P. 74–78. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.paid.2016.06.069>
- Hafer R.W.* New estimates on the relationship between IQ, economic growth and welfare // *Intelligence*. 2017. Vol. 61. P. 92–101. DOI: 10.2139/ssrn.2862754
- Hanushek E.A., Woessmann L.* The role of cognitive skills in economic development // *Journal of Economic Literature*. 2008. Vol. 46. № 3. P. 607–668. DOI: 10.1257/jel.46.3.607
- Henss R.* The Intelligence of Nations. National IQs and Correlates // *Qeios*. 2024. DOI: <https://doi.org/10.32388/6IBSKW>.
- Hunt E., Carlson J.* Considerations relating to the study of group differences in intelligence // *Perspectives on Psychological Science*. 2007. Vol. 2. № 2. P. 194–213. DOI: 10.1111/j.1745-6916.2007.00037.x
- Jones G., Potrafke N.* Human capital and national institutional quality: Are TIMSS, PISA, and national average IQ robust predictors? // *Intelligence*. 2014. Vol. 46. P. 148–155. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.intell.2014.05.011>
- Kirkegaard E.O.W.* The international general socioeconomic factor: Factor analyzing international rankings // *Open Differential Psychology*. 2014. DOI: doi.org/10.26775/ODP.2014.09.08
- Kirkegaard E.O.W.* Some new methods for exploratory factor analysis of socioeconomic data // *Open Quantitative Sociology and Political Science*. 2016. DOI: 10.26775/OQSPS.2016.11.07
- La Griffe du Lion.* The smart fraction theory of IQ and the wealth of nations // *La Griffe Du Lion*. 2002. Vol. 4. № 1. URL: www.lagriffedulion.f2s.com/sft.htm
- Lynn R., Becker D.* The intelligence of nations. London: Ulster Institute for Social Research, 2019.
- Lynn R., Cheng H., Grigoriev A.* Differences in the intelligence of 15 year olds in 42 provinces and cities of the Russian Federation and their economic, social and geographical correlates // *Mankind Quarterly*. 2017. Vol. 57. № 4. P. 659–668.
- Lynn R., Fuerst J., Kirkegaard E.O.W.* Regional differences in intelligence in 22 countries and their economic, social and demographic correlates: A review // *Intelligence*. 2018. Vol. 69. P. 24–36. DOI: 10.1016/j.intell.2018.04.004
- Lynn R., Vanhanen T.* Intelligence: A Unifying Construct for the Social Sciences. London: Ulster Institute for Social Research, 2012.
- Meisenberg G.* National IQ and economic outcomes // *Personality and Individual Differences*. 2012. Vol. 53. P. 103–107. DOI: 10.1016/j.paid.2011.06.022.
- Paterson T.A., Harms P.D., Steel P., Crede M.* An assessment of the magnitude of effect sizes: evidence from 30 years of meta-analysis in management // *Journal of Leadership and Organizational Studies*. 2016. Vol. 23. № 1. P. 66–81. DOI: 10.1177/1548051815614321
- Rindermann H.* The g-factor of international cognitive ability comparisons: The homogeneity of results in PISA, TIMSS, PIRLS and IQ-tests across nations // *European Journal of Personality*. 2007. Vol. 21. № 5. P. 667–706. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.634>
- Rindermann H., Sailer M., Thompson J.* The impact of smart fractions, cognitive ability of politicians and average competence of peoples on social development // *Talent Development and Excellence*. 2009. Vol. 1. № 1. P. 3–25.
- Rindermann H., Thompson J.* Cognitive capitalism: The effect of cognitive ability on wealth, as mediated through scientific achievement and economic freedom // *Psychological Science*. 2011. Vol. 22. № 6. P. 754–763. DOI: 10.1177/0956797611407207
- Sackett P.R., Lievens F., Berry C.M., Landers R.N.* A cautionary note on the effects of range restriction on predictor intercorrelations // *Journal of Applied Psychology*. 2007. Vol. 92. № 2. P. 538–544. DOI: 10.1037/0021-9010.92.2.538
- Sugonyaev K., Grigoriev A., Lynn R.* A new study of differences in intelligence in the provinces and regions of the Russian Federation and their demographic and geographical correlates // *Mankind Quarterly*. 2018. Vol. 59. № 1. P. 31–37.
- Sugonyaev K., Grigoriev A., Lynn R.* Regional differences in intelligence and personality in the Russian Federation and their social and demographic correlates // *Mankind Quarterly*. 2019. Vol. 60. № 2. P. 256–271.
- Warne R.T.* National mean IQ estimates: Validity, data quality, and recommendations // *Evolutionary Psychological Science*. 2023. Vol. 9. № 2. P. 197–223. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40806-022-00351-y>
- Whitaker S.* Assessing the intellectual ability of asylum seekers // *International Journal of Developmental Disabilities*. 2018. Vol. 64. № 4–5. P. 309–317. DOI: <https://doi.org/10.1080/20473869.2017.1322343>
- Wicherts J.M., Wilhelm O.* What is the national g-factor? // *European Journal of Personality*. 2007. Vol. 21. № 5. P. 763–765. DOI: 10.1002/per

STUDY OF POPULATION INTELLIGENCE ROLE IN SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIAN REGIONS: WHICH INDEX IS PREFERABLE?© **Konstantin V. Sugonyaev**

Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Associate Fellow at the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, skv-354@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-6207-7228

This study was supported by the Russian Science Foundation (RSF), Project № 17–78–30035 «Psychological factors of economic and social competitiveness of Russia»

Relations of 24 estimates of the regional intelligence (RI) with a number of indexes of social and economic development (ISED) of Russian regions during 2000–2018 were studied. Values of RI were calculated from results of voluntary large-scale online testing by means of 30-item version of cognitive test “KOT”. ISED were taken from reference books “Regions of Russia” of the Rosstat. Significant and reproducible correlations of RI with eight of nine ISED are shown. The research did not reveal advantages of estimates reflecting the intellectual potential of a “smart” or “dull” fraction of the regional population in comparison with average estimates. At the same time, the influence of age composition of the sample and differential sensitivity of verbal and mathematical subscales of the test to separate ISED were revealed. The data obtained call into question validity of applying of various methods of cognitive capacity assessment for territories as interchangeable.

Keywords: intelligence, national IQ, verbal ability, quantitative ability, online testing, regional socioeconomic indexes

REFERENCES

- Grigoriev A.A., Lapteva E.M., Ushakov D.V. (2015). Educational achievements of the districts of the Moscow region reproduce the level of literacy in the 19th century: mechanisms of “cultural genetics” // *Siberian psychological journal*. № 56. P. 69–85. DOI: 10.17223/17267080/56/6.
- Zubarevich N.V. (2010). *Russian Regions: Inequality, Crisis, Modernization*. Moscow: Independent Institute of Social Policy.
- Sugonyaev K.V., Radchenko Yu.I., Sokolov A.A. (2018). Voluntary Internet testing as a source of valid assessments of group psychometric intelligence // *Siberian Psychological Journal*. № 69. P. 6–32. DOI: 10.17223/17267080/69/1.
- Burhan N.A.S., Mohamad M.R., Kurniawan Y., Sidek A.H. (2014). The impact of low, average, and high IQ on economic growth and technological progress: Do all individuals contribute equally? // *Intelligence*. Vol. 46. P. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.intell.2014.04.006>.
- Carl N. (2016). IQ and socio-economic development across local authorities of the UK // *Intelligence*. Vol. 55. P. 90–94. DOI: 10.1016/j.intell.2016.02.001.
- Fuerst J., Kirkegaard E.O.W. (2016). Admixture in the Americas: Regional and national differences // *Mankind Quarterly*. Vol. 56. № 3. P. 256–274.
- Funder D.C., Ozer D.J. (2019). Evaluating effect size in psychological research: sense and nonsense // *Advances in Methods and Practices in Psychological Science*. Vol. 2. № 2. P. 156–168. DOI: <https://doi.org/10.1177/2515245919847202>.
- Gelade G.A. (2008). IQ, cultural values, and the technological achievement of nations // *Intelligence*. Vol. 36. № 6. P. 711–718. DOI: 10.1016/j.intell.2008.01.004.
- Gignac G.E., Szodorai E.T. (2016). Effect size guidelines for individual differences researchers // *Personality and Individual Differences*. Vol. 102. P. 74–78. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.paid.2016.06.069>.
- Hafer R.W. (2017). New estimates on the relationship between IQ, economic growth and welfare // *Intelligence*. Vol. 61. P. 92–101. DOI: 10.2139/ssrn.2862754.
- Hanushek E.A., Woessmann L. (2008). The role of cognitive skills in economic development // *Journal of Economic Literature*. Vol. 46. № 3. P. 607–668. DOI: 10.1257/jel.46.3.607.
- Henss R. (2024). The Intelligence of Nations. National IQs and Correlates // *Qeios*. DOI: <https://doi.org/10.32388/6IBSKW>.

- Hunt E., Carlson J. (2007). Considerations relating to the study of group differences in intelligence // *Perspectives on Psychological Science*. Vol. 2. № 2. P. 194–213. DOI: 10.1111/j.1745-6916.2007.00037.x.
- Jones G., Potrafke N. (2014). Human capital and national institutional quality: Are TIMSS, PISA, and national average IQ robust predictors? // *Intelligence*. Vol. 46. P. 148–155. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.intell.2014.05.011>.
- Kirkegaard E. O.W. (2014). The international general socioeconomic factor: Factor analyzing international rankings // *Open Differential Psychology*. DOI: doi.org/10.26775/ODP.2014.09.08
- Kirkegaard E. O.W. (2016). Some new methods for exploratory factor analysis of socioeconomic data // *Open Quantitative Sociology and Political Science*. DOI: 10.26775/OQSPS.2016.11.07.
- La Griffes du Lion. (2002). The smart fraction theory of IQ and the wealth of nations // *La Griffes Du Lion*. Vol. 4. № 1. URL: www.lagriffedulion.f2s.com/sft.htm
- Lynn R., Becker D. (2019). *The intelligence of nations*. London: Ulster Institute for Social Research.
- Lynn R., Cheng H., Grigoriev A. (2017). Differences in the intelligence of 15 year olds in 42 provinces and cities of the Russian Federation and their economic, social and geographical correlates // *Mankind Quarterly*. Vol. 57. № 4. P. 659–668.
- Lynn R., Fuerst J., Kirkegaard E. O.W. (2018). Regional differences in intelligence in 22 countries and their economic, social and demographic correlates: A review // *Intelligence*. Vol. 69. P. 24–36. DOI: 10.1016/j.intell.2018.04.004.
- Lynn R., Vanhanen T. (2012). *Intelligence: A Unifying Construct for the Social Sciences*. London: Ulster Institute for Social Research.
- Meisenberg G. (2012). National IQ and economic outcomes // *Personality and Individual Differences*. Vol. 53. P. 103–107. DOI: 10.1016/j.paid.2011.06.022
- Paterson T.A., Harms P.D., Steel P., Crede M. (2016). An assessment of the magnitude of effect sizes: evidence from 30 years of meta-analysis in management // *Journal of Leadership and Organizational Studies*. Vol. 23. № 1. P. 66–81. DOI: 10.1177/1548051815614321
- Rindermann H. (2007). The g-factor of international cognitive ability comparisons: The homogeneity of results in PISA, TIMSS, PIRLS and IQ-tests across nations // *European Journal of Personality*. Vol. 21. № 5. P. 667–706. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.634>
- Rindermann H., Sailer M., Thompson J. (2009). The impact of smart fractions, cognitive ability of politicians and average competence of peoples on social development // *Talent Development and Excellence*. Vol. 1. № 1. P. 3–25.
- Rindermann H., Thompson J. (2011). Cognitive capitalism: The effect of cognitive ability on wealth, as mediated through scientific achievement and economic freedom // *Psychological Science*. Vol. 22. № 6. P. 754–763. DOI: 10.1177/0956797611407207
- Sackett P.R., Lievens F., Berry C.M., Landers R.N. (2007). A cautionary note on the effects of range restriction on predictor intercorrelations // *Journal of Applied Psychology*. Vol. 92. № 2. P. 538–544. DOI: 10.1037/0021-9010.92.2.538
- Sugonyaev K., Grigoriev A., Lynn R. (2018). A new study of differences in intelligence in the provinces and regions of the Russian Federation and their demographic and geographical correlates // *Mankind Quarterly*. Vol. 59. № 1. P. 31–37.
- Sugonyaev K., Grigoriev A., Lynn R. (2019). Regional differences in intelligence and personality in the Russian Federation and their social and demographic correlates // *Mankind Quarterly*. Vol. 60. № 2. P. 256–271.
- Warne R. T. (2023). National mean IQ estimates: Validity, data quality, and recommendations // *Evolutionary Psychological Science*. Vol. 9. № 2. P. 197–223. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40806-022-00351-y>
- Whitaker S. (2018). Assessing the intellectual ability of asylum seekers // *International Journal of Developmental Disabilities*. Vol. 64. № 4–5. P. 309–317. DOI: <https://doi.org/10.1080/20473869.2017.1322343>
- Wicherts J.M., Wilhelm O. (2007). What is the national g-factor? // *European Journal of Personality*. Vol. 21. № 5. P. 763–765. DOI: 10.1002/per

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ КОГНИТИВНЫХ ИСКАЖЕНИЙ

© Вихман А.А.

Кандидат психологических наук, заведующий кафедрой
практической психологии ПГППУ, Пермь, Россия
vikhman@pspu.ru; ORCID: 0000-0002-5483-1702

Для цитирования:

Вихман А.А.
Дифференциально-психологический под-
ход к изучению когнитивных искажений //
Ученые записки Института психологии
Российской академии наук. 2026. Т. 6.
№ 1(18). С. 60-68.
DOI: 10.38098/proceedings_2026_06_01_06

Vikhman A.A.
Differential-psychological approach to the
study of cognitive biases. Proceedings of
the Institute of Psychology of the Russian
Academy of Sciences. 2026, Vol. 6, No 1(18),
Pp. 60-68.
DOI: 10.38098/proceedings_2026_06_01_06

В статье обсуждаются перспективы дифференциально-психологического подхода к исследованию когнитивных искажений в отечественной психологии. Отмечается дефицит валидных методов и комплексных исследований индивидуальных различий в склонности к систематической иррациональности (дисрационалии). В качестве теоретико-методологической базы предлагается синтез когнитивных моделей (теория дуальных процессов, трехуровневая модель разума К. Становича, структурная модель интеллекта М.А. Холодной) и интегративных, полисистемных концепций, связывающих когнитивные процессы с индивидуальностью (модель интеллектуально-личностного потенциала Т.В. Корниловой, теория индивидуально-интеллектуальных интеграций Л.Я. Дорфмана и А.Ю. Калугина). Рассматриваются три ключевые психодиагностические стратегии: тест когнитивной рефлексии (CRT), отдельные экспериментальные когнитивные задачи (подход А. Тверски и Д. Канемана), а также комплексная оценка рациональности и компе-

тентности в принятии решений. В заключении определены основные векторы дальнейших исследований: разработка и адаптация русскоязычного психодиагностического инструментария когнитивных искажений и дисрационалии; эмпирическая проверка однофакторных и многофакторных моделей когнитивных искажений; изучение личностных и когнитивных коррелятов систематической иррациональности, а также модераторных и медиаторных механизмов личности, связывающих иррациональность с успешностью деятельности и благополучием.

Ключевые слова: когнитивные искажения, эвристики, дисрационалия, дифференциальная психология, индивидуальные различия

Введение

В современной психологической науке накоплены многочисленные свидетельства систематической иррациональности человеческих решений (Tversky, Kahneman, 1974; Stanovich, West, 2000). Тот факт, что большинство исследований выявляет лишь умеренную связь интеллекта со способностью принимать рациональные решения, указывает на относительную независимость этих конструктов: интеллект не является прямым синонимом рациональности (Bruine de Bruin et al., 2007; Sobkow et al., 2020). В этом контексте К. Становичем был предложен термин «дисрационалия», обозначающий неспособность мыслить и действовать рационально, несмотря на достаточный уровень интеллекта (Stanovich, 1993).

Идеал «рационального человека», следующего нормативным моделям (логики, статистики, теории ожидаемой полезности), на практике недостижим. В реальности индивид ограниченно рационален,

поскольку вынужден принимать решения в условиях неопределённости и дефицита времени. Нехватка времени заставляет опираться на интуицию и упрощённые, экономные механизмы обработки информации. Эти феномены в психологии обозначаются как эвристики и когнитивные искажения. Их исследование стало одной из ключевых тем когнитивной психологии и поведенческой экономики после классических работ Д. Канемана и А. Тверски, удостоенных в 2002 году Нобелевской премии по экономике за эти исследования.

Эвристики («heuristics») и когнитивные искажения («cognitive biases») представляют собой систематические стратегии принятия решений, направленные на минимизацию когнитивной нагрузки за счёт использования упрощённых алгоритмов мышления (Caputo, 2024). Они различаются по степени влияния на результат: когнитивные искажения, как правило, ведут к ошибочным решениям, тогда как эвристики часто обеспечивают

приемлемый, хотя и приблизительный, результат при меньших затратах (Попов, Вихман, 2014). Впрочем, это разграничение требует дальнейших теоретических и эмпирических уточнений.

Эвристики, будучи неявными, воспринимаются как естественные элементы мышления и здравого смысла (Korteling et al., 2021). Они считаются приемлемыми в повседневных ситуациях, так как являются адаптивным компромиссом, обеспечивая быстроту решения при минимальных когнитивных затратах без проведения сложной оценки вероятностей и согласованности (Tversky, Kahneman, 1974; Gigerenzer, Todd, 1999; Toet et al., 2016). Классическим примером служит эвристика репрезентативности — тенденция оценивать вероятность события по степени его соответствия стереотипу, игнорируя базовую частоту. Так, в исследовании Н. Эрцега и коллег (Erceg et al., 2022) респондентам предлагалось оценить, более вероятно ли, что человек по имени Джон (описанный как образованный, амбициозный и богатый) является врачом, а не санитаром, хотя последних в выборке было 995 из 1000 человек. Выбор варианта «врач» иллюстрирует действие эвристики: респондент реагирует на стереотипные признаки, игнорируя исходную вероятность.

Когнитивные искажения и эвристики в когнитивной психологии следует отличать от иррациональных убеждений и дисфункциональных мыслей, которые в контексте психотерапии также часто называют «когнитивными искажениями» (или «когнитивными ошибками»). В когнитивно-поведенческой терапии под ними понимают устойчивые иррациональные способы интерпретации событий (например, катастрофизацию), которые формируют дисфункциональные установки, сужают поведенческий репертуар и снижают качество жизни, способствуя развитию тревоги и депрессии (Martskvishvili et al., 2021; МакМаллин, 2001).

Когнитивные искажения из когнитивной психологии и когнитивные ошибки из психотерапии имеют как сходства, так и существенные различия. С одной стороны, когнитивные искажения в обоих подходах являются иррациональными феноменами, отклонениями от нормы, приводящими к негативным последствиям и нарушениям в поведении. В традиции когнитивной терапии они приводят к эмоциональным нарушениям, а в традиции когнитивной психологии к ошибкам в принятии решений, провоцирующим потерю выгод и здоровья. С другой стороны, данные подходы по-разному понимают природу и онтогенез когнитивных искажений. В когнитивной терапии когнитивные искажения связаны с системой

убеждений и когнитивными схемами, которые постепенно формируются с детства. В когнитивной психологии при обсуждении природы когнитивных искажений больше внимания уделяется универсальным для всех людей механизмам работы первой системы мышления в рамках теории дуальных процессов мышления.

В последние десятилетия возросла актуальность изучения не только самих искажений, но и индивидуальной склонности к ним, а также методов их диагностики и коррекции. Особое практическое значение эти исследования имеют для таких сфер, как медицина, военное дело, образование и психотерапия (Blacksmith et al., 2019). Однако в отечественной психологии сохраняется острый дефицит как валидных психодиагностических методик, так и комплексных исследований личностных и когнитивных предикторов дисрациональности. Этот дефицит контрастирует с многочисленными попытками использовать непроверенный научно инструментарий в различных прикладных сферах практической психологии (Логинов, Александрова, 2020).

Эмпирические исследования дисрациональности и отдельных когнитивных искажений в России редки и ограничены. А.Ю. Попов и А.А. Вихман, проанализировав структуру взаимосвязей шестнадцати искажений, пришли к выводу об отсутствии у них единого генерального фактора и наличии компенсаторных механизмов (Вихман, Попов, 2013). Т.В. Корнилова с коллегами показали, что фреймовый эффект связан с такими личностными характеристиками, как самооценка риска и толерантность к неопределённости (Корнилова и др., 2017). Проводилась также апробация русскоязычной версии теста когнитивной рефлексии (Родина, Прудков, 2019). При этом следует отметить, что иррациональные личностные убеждения изучаются в отечественной психологии значительно чаще (например, Крюкова и др., 2018; Вихман, 2025а).

Методологические основания дифференциально-психологического подхода к изучению когнитивных искажений

Теория дуального процесса мышления.

Ключевым методологическим основанием традиционного подхода А. Тверски и Д. Канемана к изучению когнитивных искажений является теория дуального процесса мышления (*Dual Processes Theory*) (Evans, 2003). В рамках теории дуального процесса выделяют два типа мышления: Система 1 обеспечивает автоматические и мгновенные реакции при минимальных затратах ресурсов, в то время как Система 2 отвечает за осознанную рефлексивную, требующую соблюде-

ния логических алгоритмов и высокой когнитивной нагрузки. Считается, что люди склонны при решении проблем использовать быструю и экономную интуитивную систему в ущерб медленной и энергозатратной аналитической системе. Как подчеркивал Д. Канеман, именно автоматическая, не требующая усилий работа Системы 1 лежит в основе механизмов возникновения эвристики и когнитивных искажений (De Neys, 2023).

Трехуровневая модель разума К. Становича.

К. Станович предложил теорию трехуровневой модели разума, которая расширяет теорию двойного процесса мышления (Stanovich, 2009). Данная теория описывает три когнитивных процесса: автономный, алгоритмический и рефлексивный, которые вместе формируют то, как мы размышляем. Автоматическое мышление соответствует работе первой системы мышления, которая обеспечивает быстрые, интуитивные и эвристические когнитивные процессы. Именно к данному уровню разума можно отнести когнитивные искажения и эвристики. Алгоритмическое и рефлексивное мышление включают в себя медленные, совещательные и аналитические процессы мышления. Интеллект, рабочая память относятся к алгоритмическим процессам, а когнитивная рефлексия и критическое мышление к рефлексивным процессам. На этих уровнях обнаруживаются основные индивидуальные различия в мышлении. Между разными процессами обнаруживаются сложная система взаимосвязей.

Структурная модель интеллекта как формы организации ментального опыта М. А. Холодной.

Полезная для понимания рациональности концепция сформулирована М. А. Холодной. Она определяет интеллект в терминах состава и строения ментального (умственного) опыта. В свою очередь в составе ментального опыта выделяются четыре тесно взаимодействующих уровня опыта: когнитивный, понятийный, метакогнитивный и интенциональный (Холодная, 2021). Когнитивный опыт отвечает за прием, хранение, упорядочивание, преобразование информации. Данный опыт соответствует алгоритмическому мышлению по К. Становичу. Понятийный опыт обеспечивает семантизацию, обобщение и порождение информации на основе процедур семантического описания, категоризации, интерпретации. Метакогнитивный опыт позволяет осуществлять произвольную и произвольную регуляцию процесса переработки информации. Схожие функции описываются у автоматического мышления. Интенциональный опыт характеризует индивидуальные познавательные склонности, что может относиться к рефлексивному уровню мышления.

Эта модель позволяет рассматривать когнитивные искажения как результат особенностей организации ментального опыта на разных его уровнях.

Далее для описания оснований дифференциально-психологического подхода изучения когнитивных искажений важно обратить внимание на концепции интегрирующие когнитивные и личностные аспекты индивидуальности в ситуации принятия решения.

Модель интеллектуально-личностного потенциала Т. В. Корниловой.

Данная модель опирается на идею Л. С. Выготского о единстве аффективных и интеллектуальных процессов, развитую в школе О. К. Тихомирова. Для дифференциально-психологического подхода к изучению когнитивных искажений важен методологический базис, преодолевающий противопоставление «(ир)рационального» и «личностного» в принятии решений. Согласно модели Т. В. Корниловой в процессе принятия решения и выбора задействованы как интеллектуальные процессы (логическое мышление, прогнозирование), так и личностно-мотивационные (ценности, установки) (Корнилова, 2016).

Модель индивидуально-интеллектуальных интеграций человека Л. Я. Дормана и А. Ю. Калугина.

Еще одна относительно недавняя модель интегрирующая когнитивные и личностные аспекты индивидуальности в русле системного подхода представлена Л. Я. Дорманом и А. Ю. Калугиным. В рамках модели индивидуально-интеллектуальных интеграций предлагается рассматривать системы индивидуальности (в контексте теории интегральной индивидуальности В. С. Мерлина) и интеллекта в ракурсе их полисистемного взаимодействия. Связи между свойствами индивидуальности (темперамент, личность, Я-концепция) и когнитивными способностями (интеллект и креативность) имеют системную природу и выступают как индивидуально-интеллектуальные интеграции (Дорфман, Калугин, 2021).

Представленные теоретические модели образуют комплексное методологическое основание дифференциально-психологического подхода к изучению как отдельных когнитивных искажений и эвристик, так и для общей склонности к иррациональности в ситуации принятия решений. Предложенные концепции позволяют перейти от изучения когнитивных искажений как универсальных ошибок к исследованию их индивидуальной вариативности, детерминированной особенностями когнитивной обработки (дуальные процессы, организация ментального опыта) и их тесной взаимосвязью с личностно-мотивационной сферой.

Психодиагностические стратегии дифференциально-психологического подхода к изучению когнитивных искажений

Когнитивные искажения характеризуются высокой вариативностью и широким спектром поведенческих проявлений. Например, в комплексном тесте рациональности (CART — The Comprehensive Assessment of Rational Thinking) ведущего современного исследователя когнитивных искажений К. Становича представлено более 20 отдельных феноменов, каждый из которых требует уникальной технологии диагностики (Stanovich, 2016). Даже классификации когнитивных искажений и эвристик обладают большой вариативностью. Согласно исследованию К. Мунтвилера, существует по меньшей мере 24 различных подхода к классификации когнитивных искажений (Muntwiler, 2023). В связи с этим возникает необходимость уточнить психодиагностические стратегии реализации дифференциально-психологического подхода к изучению когнитивных искажений.

Тест когнитивной рефлексии. Тест когнитивной рефлексии (CRT — Cognitive Reflection Test) является ведущим диагностическим инструментарием при исследовании индивидуальных различий между интуитивным и рефлексивным способами мышления (Frederick, 2005; Вихман, 2025а; Вихман, 2025б). Структура заданий в тесте когнитивной рефлексии выстроена так, чтобы провоцировать импульсивный, но ошибочный ответ, а успешное решение требует подавления первичной реакции в пользу осознанных аналитических процессов. Г. Пенникук и коллеги описывают этот механизм как последовательность четырех операций: выявление конфликта между интуицией и логикой задания, подавление автоматического ответа, повторный анализ условий и, наконец, нахождение верного решения (Pennycook et al., 2015). Валидизация русскоязычной версии теста когнитивной рефлексии осуществлялась в исследованиях О.Н. Родиной, П.Н. Прудкова (Родина, Прудков, 2019) и А.А. Вихмана (Вихман, 2025а; Вихман, 2025б).

Отдельные экспериментальные когнитивные задачи. Другая диагностическая стратегия, предложенная классиками этой области А. Тверски и Д. Канеманом, заключается в применении отдельных экспериментальных когнитивных задач. Типичным примером является задача об «азиатской болезни» (Tversky, Kahneman, 1974). Респондентам предлагалось сделать выбор между гарантированным и рискованным вариантами действий в двух логически идентичных задачах, которые предъявлялись последовательно. В пер-

вом случае варианты были прописаны в терминах приобретения («будут спасены»), во втором случае та же самая задача была сформулирована в терминах потерь («погибнут»). Выяснилось, что в формулировке фрейма приобретения испытуемые выбирали гарантированное решение, тогда как в формулировке фрейма потерь рискованное решение. Данная задача фиксирует фреймовый эффект, который проявляется в тенденции людей принимать разные решения, когда одна и та же по смыслу задача сформулирована по-разному. Традиционно, в данной диагностической стратегии использовался межсубъектный экспериментальный план и реализация диагностики с помощью одного диагностического задания. Валидизация отдельных экспериментальных когнитивных задач диагностики когнитивных искажений на русскоязычных выборках не проводилась.

Компетентность в принятии решений и рациональность. Третий стратегический подход ориентирован на системную и комплексную диагностику когнитивных искажений. В данном подходе акцент смещается от отдельных разрозненных когнитивных искажений к комплексным и устойчивым рациональным способностям, которые обозначаются как «компетентность в принятии решений» (decision-making competence) и «рациональность» (rationality). Для этого подхода характерно использование внутрисубъектного экспериментального плана с предъявлением множества пунктов для диагностики одного когнитивного искажения. С одной стороны, это создает возможность проверки валидности и надежности инструментария. С другой стороны, это ограничивает репертуар диагностируемых феноменов. К данному диагностическому подходу относятся уже упоминавшийся комплексный тест рациональности (CART; Stanovich, 2016) и различные версии тестовых батарей компетентности в принятии решений (Y-DMC, A-DMC, ODMC; Bruine de Bruin et al., 2007).

Направления исследований когнитивных искажений в рамках дифференциально-психологического подхода

Далее обозначим основные перспективные направления исследований когнитивных искажений и эвристек в рамках дифференциально-психологического подхода.

Первой важной задачей реализации дифференциально-психологического подхода в изучении когнитивных искажений является создание и психометрическая проверка психодиагностического инструментария на русском языке. Приоритет должен

быть отдан созданию системных комплектов диагностических задач. В качестве ориентиров могут выступать такие комплексные методики, как комплексный тест рациональности (CART; Stanovich, 2016) и модернизированные версии теста компетентности в принятии решений (DMC; Bruine de Bruin et al., 2007).

Вторая задача — эмпирическая проверка дифференциально-психологических моделей когнитивных искажений, описывающих структуру их взаимосвязей. В современной когнитивной науке существуют противоречивые данные о взаимосвязанности когнитивных искажений. Часть авторов предполагают наличие совокупного показателя систематической иррациональности, аналогичного фактору $*G*$ в интеллекте (Bruine de Bruin et al., 2007; Stanovich, 2016). Другие авторы обосновывают многофакторные решения структуры когнитивных искажений (Blacksmith et al., 2019; Erceg et al., 2022; Berthet, Gardelle, 2023). Системные психометрические исследования в русле дифференциальной психологии могут помочь прояснить этот вопрос.

Третья задача заключается в системном изучении личностных и когнитивных коррелятов как отдельных искажений, так и общей склонности к ним. Понимание закономерностей связи когнитивных предубеждений с системами индивидуальности и интеллекта позволит сформулировать конкретные практические рекомендации для минимизации ошибок в различных областях. Помимо анализа корреляционных связей, актуально исследование личностных свойств в качестве модераторов и медиаторов взаимосвязи между иррациональностью и психологическим благополучием (или дезадаптацией).

Заключение

Дифференциально-психологический подход к изучению когнитивных искажений — это перспективное направление психологических исследований, в центре которого находится анализ индивидуальных различий в склонности к систематической иррациональности и способности ее преодолевать. Данный подход предполагает ана-

лиз полисистемного взаимодействия между когнитивными механизмами (такими как дуальные процессы или уровни ментального опыта) и свойствами целостной индивидуальности (интеллект, личность, мотивация, темперамент).

Ключевой задачей подхода является не просто констатация индивидуальных различий, а выявление и моделирование устойчивых структур связей (интеграций), которые определяют индивидуальную склонность к искажениям и потенциал для их преодоления. Таким образом, данный подход позволяет перейти от изучения универсальных механизмов когнитивных искажений к построению дифференциальных-психологических моделей рационального поведения, имеющих значение для прогноза и коррекции в прикладных сферах деятельности.

Теоретической основой для дифференциально-психологического подхода к изучению когнитивных искажений служит синтез классических (теория дуальных процессов, теория интегральной индивидуальности) и современных концепций (трехуровневая модель К. Становича, структурная модель М. А. Холодной), расширенный интегративными концепциями, связывающими когнитивные способности с личностно-мотивационной сферой (концепции Т. В. Корниловой и Л. Я. Дорфмана).

Реализация дифференциально-психологического подхода требует синтеза различных психодиагностических стратегий: применение теста когнитивной рефлексии (CRT), использование отдельных экспериментальных задач и, что наиболее перспективно, разработка комплексных батарей для оценки рациональности и компетентности в принятии решений по аналогии с CART и DMC.

Перспективы дифференциально-психологического подхода связаны с решением трёх взаимосвязанных задач: адаптация, создание и психометрическая проверка русскоязычного диагностического инструментария; анализ эмпирических моделей когнитивных искажений; систематизация личностных и когнитивных коррелятов, модераторов и медиаторов, определяющих связь иррациональности с успешностью деятельности и психологическим благополучием.

Литература:

- Vikhman A. A. Когнитивные искажения: единый фактор или компенсаторные взаимодействия? // Научное мнение. 2013. № 6. С. 174–180.
- Vikhman A. A. Диагностика когнитивной рефлексии: анализ тестов // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 35. № 1. С. 13–27. DOI: 10.35634/2412-9550-2025-35-1-13-27
- Vikhman A. A. Модификация опросника иррациональных личностных убеждений // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. 2025. № 23. С. 93–104. DOI: 10.24412/2712-827X-2025-23-93-104

- Вихман А.А., Попов А.Ю. Психометрическая проверка теста когнитивной рефлексии на русскоязычной выборке студентов // Вестник Омского университета. Серия: Психология. 2025. № 1. С. 84–92. DOI: 10.24147/2410-6364.2025.1.84-92
- Дорфман Л.Я., Калугин А.Ю. Индивидуально-интеллектуальные интеграции человека. М.: Институт психологии РАН, 2021. DOI: 10.38098/mng_21_0438.
- Корнилова Т.В. Интеллектуально-личностный потенциал человека в условиях неопределенности и риска. СПб.: Нестор-История, 2016.
- Корнилова Т.В., Павлова Е.М., Красавцева Ю.В., Разваляева А.Ю. Связь фрейминг-эффекта с индивидуальными различиями у студентов-медиков и студентов-психологов // Национальный психологический журнал. 2017. № 4(28). С. 17–29. DOI: 10.11621/npj.2017.0402
- Крюкова Т.Л., Екимчик О.А., Хохлова Ю.А., Кирпичник О.В. Феномен когнитивных искажений субъективных оценок жизненных явлений и его измерение (первичная русскоязычная адаптация Шкалы когнитивных искажений — CDS) // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2018. Т. 24. № 4. С. 61–67.
- Логинов Н.И., Александрова А.И. Современные тенденции в зарубежных исследованиях когнитивных искажений в процессах принятия решений // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 17. № 3. С. 444–453. DOI: 10.17323/1813-8918-2020-3-444-453
- МакМаллин Р. Практикум по когнитивной терапии / пер. с англ. СПб.: Речь, 2001.
- Попов А.Ю., Вихман А.А. Когнитивные искажения в процессе принятия решений: научная проблема и гуманитарная технология // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2014. Т. 7. № 1. С. 5–16.
- Родина О.Н., Прудков П.Н. Апробация русскоязычных версий теста когнитивной рефлексии // Вопросы психологии. 2019. № 4. С. 155–162.
- Холодная М.А. «Ментальный опыт» как объяснительное понятие в психологических исследованиях // Разработка понятий современной психологии. М.: Институт психологии РАН, 2021. С. 135–161. DOI: 10.38098/thry_21_0439_04
- Berthet V., de Gardelle V. The heuristics-and-biases inventory: An open-source tool to explore individual differences in rationality // *Frontiers in Psychology*. 2023. Vol. 14. Article 1145246. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1145246
- Blacksmith N., Behrend T., Dalal R., Hayes T. General mental ability and decision-making competence: Theoretically distinct but empirically redundant // *Personality and Individual Differences*. 2019. Vol. 138. P. 305–311. DOI: 10.1016/j.paid.2018.10.011
- Bruine de Bruin W., Parker A., Fischhoff B. Individual Differences in Adult Decision-Making Competence // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2007. Vol. 92. № 5. P. 938–956. DOI: 10.1037/0022-3514.92.5.938
- Caputo A. Relevant information, personality traits and anchoring effect // *International Journal of Management and Decision Making*. 2014. Vol. 13. № 1. P. 62–76.
- De Neys W. Further advancing fast-and-slow theorizing // *Behavioral and Brain Sciences*. 2023. Vol. 46. Art. e146. DOI: 10.1017/S0140525X23000559
- Erceg N., Galić Z., Bubić A. Normative responding on cognitive bias tasks: Some evidence for a weak rationality factor that is mostly explained by numeracy and actively open-minded thinking // *Intelligence*. 2022. Vol. 90. Art. 101619. DOI: 10.1016/j.intell.2021.101619.
- Evans J.St.B.T. In two minds: dual-process accounts of reasoning // *Trends in Cognitive Sciences*. 2003. Vol. 7. № 10. P. 454–459. DOI: 10.1016/j.tics.2003.08.012
- Frederick S. Cognitive Reflection and Decision Making // *Journal of Economic Perspectives*. 2005. Vol. 19. № 4. P. 25–42. DOI: 10.1257/089533005775196732.
- Gigerenzer G., Todd P. Simple heuristics that make us smart. New York: Oxford University Press, 1999.
- Kealy D., Rice S., Ogrodniczuk J., Spidel A. Childhood trauma and somatic symptoms among psychiatric outpatients: Investigating the role of shame and guilt // *Psychiatry Research*. 2018. Vol. 267. P. 169–174. DOI: 10.1016/j.psychres.2018.06.072
- Korteling J., Gerritsma J., Toet A. Retention and transfer of cognitive bias mitigation interventions: A systematic literature study // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12. Art. 629354. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.629354
- Martskvishvili K., Panjikidze M., Kamushadze T., Garuchava N., Dozois D. Measuring the Thinking Styles: Psychometric Properties of the Georgian Version of the Cognitive Distortion Scale // *Journal of Cognitive Psychotherapy*. 2021. Vol. 35. № 4. P. 268–289. DOI: 10.1891/JCPSY-D-19-00025

- Muntwiler C.* Cognitive Biases and Debiasing in Strategic Decision Making: Dissertation of the University of St. Gallen. St. Gallen: D-Druck Spescha, 2023.
- Pennycook G., Fugelsang J.A., Koehler D.J.* Everyday consequences of analytic thinking // *Current Directions in Psychological Science*. 2015. Vol. 24. № 6. P. 425–432. DOI: 10.1177/0963721415604610
- Sobkow A., Olszewska A., Traczyk J.* Multiple numeric competencies predict decision outcomes beyond fluid intelligence and cognitive reflection // *Intelligence*. 2020. Vol. 80. Art. 101452. DOI: 10.1016/j.intell.2020.101452
- Stanovich K.E.* Dysrationalia: A new specific learning disability // *Journal of Learning Disabilities*. 1993. Vol. 26. № 8. P. 501–515. DOI: 10.1177/002221949302600803
- Stanovich K.E., West R.F.* Individual differences in reasoning: Implications for the rationality debate? // *Behavioral and Brain Sciences*. 2000. Vol. 23. № 5. P. 645–726. DOI: 10.1017/S0140525X00003435
- Stanovich K.E.* Distinguishing the reflective, algorithmic, and autonomous minds: Is it time for a tri-process theory? // *In two minds: Dual processes and beyond* / ed. by J. St. B. T. Evans, K. Frankish. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 55–88.
- Stanovich K.E.* The comprehensive assessment of rational thinking // *Educational Psychologist*. 2016. Vol. 51. № 1. P. 23–34. DOI: 10.1080/00461520.2015.1125787
- Toet A., Brouwer A.M., van den Bosch K., Korteling J.E.* Effects of personal characteristics on susceptibility to decision bias: a literature study // *International Journal of Humanities and Social Science*. 2016. Vol. 8. P. 1–17.
- Tversky A., Kahneman D.* Judgment under uncertainty: Heuristics and biases // *Science*. 1974. Vol. 185. № 4157. P. 1124–1131. DOI: 10.1126/science.185.4157.1124

DIFFERENTIAL-PSYCHOLOGICAL APPROACH TO THE STUDY OF COGNITIVE BIASES

© Aleksandr A. Vikhman

Candidate of Psychological Sciences, Head of the Department of Practical Psychology,
Perm State Pedagogical University, Perm, Russia
vikhman@pspu.ru; ORCID: 0000-0002-5483-1702

The article discusses the prospects of the differential-psychological approach to the study of cognitive biases within Russian psychology. It highlights the scarcity of valid methods and comprehensive research on individual differences in susceptibility to systematic irrationality (dysrationalia). As a theoretical and methodological foundation, a synthesis of cognitive models (dual-process theory, K. Stanovich's tripartite model of the mind, M.A. Kholodnaya's structural model of intelligence) and integrative, polysystemic concepts linking cognitive processes to individuality (T.V. Kornilova's model of intellectual-personal potential, L. Ya. Dorfman and A. Yu. Kalugin's theory of individual-intellectual integrations) is proposed. Three key psychodiagnostic strategies are considered: the Cognitive Reflection Test (CRT), separate experimental cognitive tasks (the approach of A. Tversky and D. Kahneman), and the comprehensive assessment of rationality and decision-making competence. In conclusion, the main vectors for further research are outlined: the development and adaptation of Russian-language psychodiagnostic tools for cognitive biases and dysrationalia; the empirical testing of unifactorial and multifactorial models of cognitive biases; the study of personality and cognitive correlates of systematic irrationality, as well as the personal moderator and mediator mechanisms linking irrationality to successful performance and well-being.

Keywords: cognitive biases, heuristics, dysrationalia, differential psychology, individual differences

REFERENCES

- Vihman A.A., Popov A. Yu.* (2013). Cognitive biases: a single factor or compensatory interactions? // *Scientific Opinion*. № 6. P. 174–180.
- Vihman A.A.* (2025 a). Diagnostics of cognitive reflection: analysis of tests // *Bulletin of Udmurt University. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*. V. 35. № 1. P. 13–27. DOI: 10.35634/2412-9550-2025-35-1-13-27
- Vihman A.A.* (2025 b). Modification of the questionnaire of irrational personal beliefs // *Humanitarian Research. Pedagogy and Psychology*. № 23. P. 93–104. DOI: 10.24412/2712-827X-2025-23-93-104

- Vihman A.A. (2025 c). Psychometric testing of the cognitive reflection test on a Russian-speaking sample of students // Bulletin of Omsk University. Series: Psychology. № 1. P. 84–92. DOI: 10.24147/2410-6364.2025.1.84-92
- Dorfman L.Ya., Kalugin A.Yu. (2021). Individually-intellectual integrations of a person. Moscow: Institute of Psychology RAS. DOI: 10.38098/mng210438
- Kornilova T.V. (2016) Intellectual-personal potential of a person in conditions of uncertainty and risk. Saint Petersburg: Nestor-History.
- Kornilova T.V., Pavlova E.M., Krasavtseva Yu.V., Razvalyaeva A.Yu. (2017). The connection of the framing effect with individual differences among medical students and psychology students // National Psychological Journal. № 4(28). P. 17–29. DOI: 10.11621/npj.2017.0402
- Kryukova T.L., Ekimchik O.A., Khokhlova Yu.A., Kirpichnik O.V. (2018). The phenomenon of cognitive distortions of subjective assessments of life phenomena and its measurement (primary Russian-language adaptation of the Cognitive Distortions Scale — CDS) // Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics. V. 24. № 4. P. 61–67.
- Loginov N.I., Aleksandrova A.I. (2020). Modern trends in foreign research on cognitive biases in decision-making processes // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. V. 17. № 3. P. 444–453. DOI: 10.17323/1813-8918-2020-3-444-453
- McMullin R. (2001). Workshop on cognitive therapy. trans. from English. Saint Petersburg: Speech.
- Popov A.Yu., Vihman A.A. (2014). Cognitive biases in the decision-making process: a scientific problem and a humanitarian technology // Bulletin of South Ural State University. Series: Psychology. V. 7. № 1. P. 5–16.
- Rodina O.N., Prudkov P.N. (2019). Approbation of Russian-language versions of the cognitive reflection test // Questions of Psychology. № 4. P. 155–162.
- Kholodnaya M.A. (2021). “Mental experience” as an explanatory concept in psychological research. Development of concepts of modern psychology. Moscow: Institute of Psychology RAS. P. 135–161. DOI: 10.38098/thry_21_0439_04
- Berthet V., de Gardelle V. (2023). The heuristics-and-biases inventory: An open-source tool to explore individual differences in rationality // Frontiers in Psychology. Vol. 14. Art. 1145246. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1145246
- Blacksmith N., Behrend T., Dalal R., Hayes T. (2019). General mental ability and decision-making competence: Theoretically distinct but empirically redundant // Personality and Individual Differences. Vol. 138. P. 305–311. DOI: 10.1016/j.paid.2018.10.011
- Bruine de Bruin W., Parker A., Fischhoff B. (2007). Individual Differences in Adult Decision-Making Competence // Journal of Personality and Social Psychology. Vol. 92. № 5. P. 938–956. DOI: 10.1037/0022-3514.92.5.938
- Caputo A. (2014). Relevant information, personality traits and anchoring effect // International Journal of Management and Decision Making. Vol. 13. № 1. P. 62–76.
- De Neys W. (2023). Further advancing fast-and-slow theorizing // Behavioral and Brain Sciences. Vol. 46. Art. e146. DOI: 10.1017/S0140525X23000559
- Erceg N., Galić Z., Bubić A. (2022) Normative responding on cognitive bias tasks: Some evidence for a weak rationality factor that is mostly explained by numeracy and actively open-minded thinking // Intelligence. Vol. 90. Art. 101619. DOI: 10.1016/j.intell.2021.101619
- Evans J.B.T. (2003). In two minds: dual-process accounts of reasoning // Trends in Cognitive Sciences. Vol. 7. № 10. P. 454–459. DOI: 10.1016/j.tics.2003.08.012
- Frederick S. (2005). Cognitive Reflection and Decision Making // Journal of Economic Perspectives. Vol. 19. № 4. P. 25–42. DOI: 10.1257/089533005775196732
- Gigerenzer G., Todd P. (1999). Simple heuristics that make us smart. New York: Oxford University Press.
- Kealy D., Rice S., Ogrodniczuk J., Spidel A. (2018). Childhood trauma and somatic symptoms among psychiatric outpatients: Investigating the role of shame and guilt // Psychiatry Research. Vol. 267. P. 169–174. DOI: 10.1016/j.psychres.2018.06.072
- Korteling J., Gerritsma J., Toet A. (2021). Retention and transfer of cognitive bias mitigation interventions: A systematic literature study // Frontiers in Psychology. Vol. 12. Art. 629354. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.629354
- Martskvishvili K., Panjikidze M., Kamushadze T., Garuchava N., Dozois D. (2021). Measuring the Thinking Styles: Psychometric Properties of the Georgian Version of the Cognitive Distortion Scale // Journal of Cognitive Psychotherapy. Vol. 35. № 4. P. 268–289. DOI: 10.1891/JCPSY-D-19-00025
- Muntwiler C. (2023). Cognitive Biases and Debiasing in Strategic Decision Making: Dissertation of the University of St. Gallen. St. Gallen: D-Druck Spescha.

- Pennycook G., Fugelsang J.A., Koehler D.J.* (2015). Everyday consequences of analytic thinking // *Current Directions in Psychological Science*. Vol. 24. № 6. P. 425–432. DOI: 10.1177/0963721415604610
- Sobkow A., Olszewska A., Traczyk J.* (2020). Multiple numeric competencies predict decision outcomes beyond fluid intelligence and cognitive reflection // *Intelligence*. Vol. 80. Art. 101452. DOI: 10.1016/j.intell.2020.101452
- Stanovich K.E.* (1993). Dysrationalia: A new specific learning disability // *Journal of Learning Disabilities*. Vol. 26. № 8. P. 501–515. DOI: 10.1177/002221949302600803
- Stanovich K.E., West R.F.* (2000). Individual differences in reasoning: Implications for the rationality debate? // *Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 23. № 5. P. 645–726. DOI: 10.1017/S0140525X00003435
- Stanovich K.E.* (2009). Distinguishing the reflective, algorithmic, and autonomous minds: Is it time for a tri-process theory? // *In two minds: Dual processes and beyond* / ed. by J. St. B.T. Evans, K. Frankish. Oxford: Oxford University Press. P. 55–88.
- Stanovich K.E.* (2016). The comprehensive assessment of rational thinking // *Educational Psychologist*. Vol. 51. № 1. P. 23–34. DOI: 10.1080/00461520.2015.1125787
- Toet A., Brouwer A.M., van den Bosch K., Korteling J.E.* (2016). Effects of personal characteristics on susceptibility to decision bias: a literature study // *International Journal of Humanities and Social Science*. Vol. 8. P. 1–17.
- Tversky A., Kahneman D.* (1974). Judgment under uncertainty: Heuristics and biases // *Science*. Vol. 185. № 4157. P. 1124–1131. DOI: 10.1126/science.185.4157.1124

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

МОЛЕКУЛЯРНО-ГЕНЕТИЧЕСКИЕ И ЭПИГЕНЕТИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПАМЯТИ ЧЕЛОВЕКА

Для цитирования:

Моссэ И.Б., Докукина Т.В., Седляр Н.Г.,
Моссэ К.А., Амельянович М.Д., Янчук Е.П.,
Голубева Т.С., Гребень Н.Ф.
Молекулярно-генетические и эпигенети-
ческие детерминанты памяти человека //
Ученые записки Института психологии Рос-
сийской академии наук. 2026. Т. 6. № 1(18).
С. 69-80.

DOI: 10.38098/proceedings_2026_06_01_07

Mosse I.B., Dokukina T.V., Sedlyar N.G.,
Mosse K.A., Ameliyanovich M.D., Yanchuk E.P.,
Golubeva T.S., Greben N.F.

Molecular genetic and epigenetic determinants
of human memory. Proceedings of the Institute
of Psychology of the Russian Academy of Scien-
ces. 2026, Vol. 6, No 1(18), Pp. 69-80.

DOI: 10.38098/proceedings_2026_06_01_07

© Моссэ И.Б.

Доктор биологических наук, профессор, Институт генетики
и цитологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
i.mosse@igc.by; ORCID: 0009-0001-0929-3810

© Докукина Т.В.

Доктор медицинских наук, профессор, Республиканский
научно-практический центр Спорта, Минск, Беларусь
polak0208@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5147-8192.

© Седляр Н.Г.

Кандидат биологических наук, доцент, Институт генетики
и цитологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
n.osennij@gmail.com; ORCID: 0009-0008-0088-8333

© Моссэ К.А.

Кандидат биологических наук, Институт генетики и цитологии Национальной академии наук
Беларуси, Минск, Беларусь,
kosmosse@yahoo.com; ORCID: 0009-0006-2237-6908

© Амельянович М.Д.

Институт генетики и цитологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь,
Ameliyanovich@igc.by; ORCID: 0009-0007-1625-4717

© Янчук Е.П.

Институт генетики и цитологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
evgena2121@mail.ru; ORCID: 0009-0000-7508-426X

© Голубева Т.С.

Кандидат биологических наук, доцент, Республиканский научно-практический
центр психического здоровья, Минск, Беларусь,
tatyana.gol2011@yandex.by; ORCID: 0009-0001-5159-3796

© Гребень Н.Ф.

Республиканский научно-практический центр психического здоровья, Минск, Беларусь,
strekosa@tut.by, ORCID 0000-0002-4272-0108

Исследована ассоциация ряда полиморфных вариантов генов нейромедиаторных систем моз-
га с уровнем кратковременной и долговременной памяти представителей белорусской популя-
ции. По результатам психологического тестирования сформированы группы с высокими (High)
и низкими (Low) значениями показателей памяти и проведено молекулярно-генетическое тести-
рование групп по отобраным генам-кандидатам. Выявлены полиморфные варианты ряда генов,

частоты которых статистически различаются в группах с низкими и высокими показателями памяти. С помощью разработанной ранее компьютерной программы определены сочетания генов с высоким эффектом взаимодействия, что позволило выявить высокоинформативные комплексы генов долговременной памяти. Разработана панель генов для анализа методом секвенирования нового поколения эпигенетических локусов, ассоциированных с функционированием памяти человека. Впервые в мире установлено, что высокий уровень метилирования (>80%) энхансерной области гена *AGO2* достоверно ассоциирован с низкой долговременной памятью и низким уровнем интеллекта (IQ<80).

Ключевые слова: кратковременная и долговременная память, молекулярно-генетическое и эпигенетическое тестирование

Введение

Память является одной из ключевых составляющих когнитивных способностей человека, что делает ее распространенным объектом исследований в разных областях науки. Актуальность изучения памяти связана с ее решающей ролью в процессе обучения человека и формировании его индивидуальных отличий. Для понимания генетических механизмов памяти важна не столько количественная оценка наследуемости, сколько изучение отдельных генетических вариантов, участвующих в формировании индивидуальных особенностей.

Различия в объеме памяти, который специфичен для каждого человека и сохраняется в течение всей жизни, объясняют до половины индивидуальных различий по показателю общего интеллекта (Айзенк, 1995; Бурлачук, Блейхер, 1978).

В последние десятилетия генетике интеллекта уделяется все больше и больше внимания. Вклад генетических факторов в развитие интеллектуальных способностей по разным оценкам составляет от 30 до 80%, при этом в специализированной литературе чаще упоминается 86% (Plomin, Von Stumm, 2018). Также большое количество научных работ посвящается нарушениям памяти, таким как болезнь Альцгеймера, Паркинсона и др. Им было уделено много внимания, в том числе было проведено большое количество генетических исследований по обнаружению генов, ассоциированных с этими болезнями. Несмотря на это, о генетических механизмах, участвующих в формировании когнитивных характеристик, известно мало.

Окружающая среда, в частности семья, оказывают заметное влияние на развитие интеллекта ребёнка. Но чем старше становится ребёнок, тем слабее эта зависимость проявляется, практически полностью пропадая к моменту совершеннолетия.

Большую роль в реализации генетического потенциала играют также эпигенетические факторы (метилирование ДНК, посттранскрипционные модификации гистонов и эффекты микро-РНК)

которые в последнее время активно обсуждаются как своеобразные промежуточные механизмы, с помощью которых стрессовые факторы внешней среды взаимодействуют с геномом (Дружинин, 1999). В частности, метилирование промоторных участков генов сопровождается «замолканием» генов (торможением их экспрессии)

Цель исследования — определить молекулярно-генетические и эпигенетические детерминанты памяти человека.

Методы и процедура исследования

В исследовании приняли участие 735 представителей белорусской популяции в возрасте от 16 до 85 лет (средний возраст — 32 года). Среди них 404 женщины (55%) и 331 мужчина (45%), представляющие различные регионы страны, разные специальности и уровни образования.

Для оценки кратковременной и долговременной памяти применялся тест «10 слов» А.Р. Лурия, который позволяет исследовать объем кратковременной памяти, темп запоминания и показатель «удержание», который описывает состояние долговременной памяти. По результатам теста методом квартилей были выделены две группы испытуемых: группа с низкими показателями памяти («Low», 0–4 балла — 93 испытуемых,) и группа с высокими показателями («High», 8–10 баллов — 193 человека). Как и следовало ожидать, наибольшее количество респондентов имеют средние показатели памяти.

Биологическим материалом для генетического анализа служила ДНК, выделенная из образцов буккального эпителия. Анализ полиморфных вариантов генов выполняли методом ПЦР-РВ на системе CFX96 (BIO-RAD, США). Статистическую обработку данных проводили с использованием пакета программ Microsoft Excel 2016 и в рабочей среде R (r-project.org). Уровень значимости определяли с помощью точного критерия Фишера. Результаты анализа считали статистически значимыми при уровне значимости $p \leq 0,05$.

Для определения эпигенетической составляющей памяти была разработана и сконструирована уникальная панель для анализа прижизненной модификации целевых эпигенетических локусов, ассоциированных с функционированием памяти, методом NGS. Сконструированная панель позволяет определять количественное соотношение метилированных и деметилированных целевых CpG сайтов. Преимуществом такого подхода является возможность исследования степени метилирования десятков и сотен локусов в ходе анализа одного образца, а также возможность тестирования сотен образцов в рамках одного запуска секвенатора.

Метилирование геномной ДНК выполняли определяются методом бисульфитной конверсии с использованием набора реагентов EpiTect Fast DNA Bisulfite Kit (Qiagen). Высокопроизводительное секвенирование образцов выполняли на приборе Illumina Miseq.

Результаты исследования и их анализ

Молекулярно-генетическое тестирование групп было проведено по 19 полиморфным вариантам генов — кандидатов, ассоциированных с функционированием памяти (табл. 1).

Таблица 1. Молекулярно-генетические детерминанты, ассоциированные с функционированием памяти

№	Аббревиатура гена/rs	Название и функции гена	Позиция на хромосоме	Полиморфный вариант, метки
1	<i>BDNF</i> rs6265	ген нейротрофического фактора мозга, секретируется при активации нейронов	g.68690C>T; chr11:27658369 (GRCh38.p13)	C/T VIC/FAM
2	<i>FOXO3</i> rs2490272	ген транскрипционного фактора Fox O3, участвует в поддержании нейрональной функции	g.108574183C>T; chr6:108574183 (GRCh38.p13)	C/T HEX/Cy5
3	<i>EXOC4</i> ; rs4728302	ген компонента экзоцитарного комплекса 4, обеспечивает полярность эпителиальных клеток	g.697644C>T; chr7:133945710 (GRCh38.p13)	C/T FAM/ROX
4	<i>COMT</i> ; rs4680	ген фермента катехол-О-метилтрансферазы, регулирует уровень префронтального дофамина	g.27009G>A; chr22:19963748 (GRCh38.p13)	A/G VIC/FAM
5	<i>KIBRA</i> rs17070145	ген нейронального белка семейства WWC, участвует в регуляции синаптической пластичности	g.168418786C>T chr5:168418786 (GRCh38.p14)	C/T FAM/ROX
6	<i>MEF2C</i> ; rs41352752	ген энхансерного фактора транскрипции миоцитов 2С, участвует в развитии нервной системы	g.88733391T>C chr5:88733391 (GRCh38.p14)	A/G HEX/Cy5
7–8	<i>DBH</i> ; rs1108580 rs1611115	ген дофамин-β-карбоксилазы, ограничивает скорость метаболизма дофамина, катализирует его превращение в норадреналин	g.133639992A>G chr9:133639992 (GRCh38.p14)	A/G Cy5/FAM
9–11	<i>DARP32</i> ; rs3764352 rs907094 rs879606	ген регулятора эффективности дофаминергической нейротрансмиссии	g.39634686C>T chr17:39634686 (GRCh38.p14)	T/C FAM/VIC
12	<i>ADAM12</i> rs496520	ген, кодирующий заякоренную в мембране металлопептидазу	g.126012729A>G chr10:126012729 (GRCh38.p14)	C/T FAM/ROX
13	<i>PDE1C</i> rs10236197	ген PDE1C кодирует фермент, который относится к семейству фосфодиэстераз,	g.32361997A>G chr7:32361997 (GRCh38.p14)	C/T FAM/ROX
14	<i>DRD2</i> rs6277	ген, кодирующий рецептор дофамина 2 DRD2	g.113415423G>A; c.957C>T (GRCh38.p14)	A/G FAM/ROX
15	<i>SLC6A4</i> ; VNTR-17	ген переносчика серотонина типа 6А, транспортирует нейромедиатор серотонин из синаптической щели обратно в пресинаптический нейрон	17q11.2–12/Intron/2 VNTR/ 16–17 bp Chr17:30221317– 30221615 (GRCh38.p14)	9/10/12

№	Аббревиатура гена/rs	Название и функции гена	Позиция на хромосоме	Полиморфный вариант, метки
16	<i>APOE</i> ; rs429358; rs7412	ген, кодирующий аполипопротеин Е, участвует в метаболизме липидов и транспорте холестерина	g.44908684T>C chr19:44908684; g.44908822C>T chr19:44908822 (GRCh38.p14)	T/C FAM/HEX; C/T Rox/ Cy5-
17	<i>CLSTN</i> rs6439886	ген, кодирующий белок кальсинтенин-2, молекулу, участвующую в формировании синапсов и процессах обучения	g.9794928A>C chr1:9794928 (GRCh38.p14)	A/G FAM/ROX
18	<i>TOMM40</i> rs2075650	ген, кодирующий транслоказу внешней митохондриальной мембраны 40, канал-формирующую субъединицу комплекса ТОМ, необходимую для импорта белков в митохондрии	g.44892362A>G chr19:44892362 (GRCh38.p14)	A/G FAM/ROX
19	<i>MAOA</i> 30bp-VNTR	ген, кодирующий моноаминоксидазу А, фермент, катализирующий окислительное дезаминирование моноаминов	g.43655101–43655130 chrX:43655101– 43655130 (GRCh38. p14)	315/345/375

Генетические детерминанты кратковременной памяти

Сравнение частот генотипов и аллелей 19 вариантов генов регуляции нейрогенеза и синаптической пластичности, а также нейромедиаторных систем мозга в группах людей с низкими и высокими параметрами кратковременной памяти

показало, что статистически значимые различия между группами с низкими и высокими параметрами памяти выявлены только по гену *COMT* rs4680. (Данные представлены на рис. 1).

Для генов *MEF2C* rs41352752 и *MAOA* 30-bpVNTR различия между исследуемыми группами наблюдались на уровне тенденции.

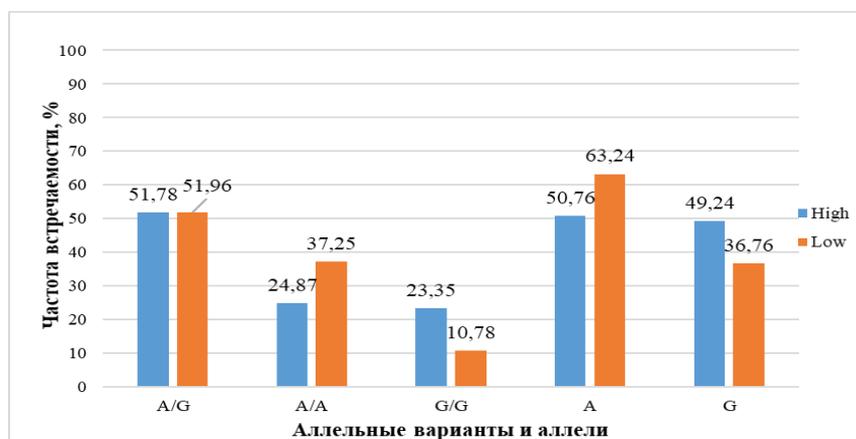

Рис. 1. Распределение аллельных вариантов и аллелей rs4680 гена *COMT* в группах с низким и высоким уровнем кратковременной памяти

Ген *COMT* rs4680 кодирует катехол-орто-метилтрансферазу, ключевой фермент дофамина. Аллель *A* гена *COMT* характеризуется более низкой ферментативной активностью, следовательно, более высоким уровнем дофамина по сравнению с аллелем *G*, который ассоциирован с более высокой ферментативной активностью *COMT*, следовательно, с нормальным уровнем дофамина. Фермент катехол-О-метилтрансфераза катализирует разрушение дофамина, норадреналина и адреналина в префронтальной коре. Данные структуры систематизируют и упорядочивают информацию от нисходящих ча-

стей мозга, поэтому с работой фермента *COMT* связывают поведенческие особенности человека, а также объём его рабочей памяти (Ху, Fu et al., 2018).

Согласно полученных нами результатов, аллель *A* и генотип *A/A* гена *COMT* (rs4680) статистически значимо чаще встречались в группе с низкими показателями кратковременной памяти (p -value 0,004; OR=0,60 и p -value=0,032; OR=0,56, соответственно), в то время как аллельный вариант *G/G* и аллель *G*, наоборот, преобладали в группе с высокими показателями кратковременной памяти (p -value=0,004; OR=1,67 и p -value=0,008; OR=2,51, соответственно).

Генетические детерминанты долговременной памяти

При сравнении частот полиморфных вариантов исследованных генов в группах испытуемых с высокими (High) и низкими (Low) показателями долговременной памяти выявлена достоверная ассоциация долговременной памяти с генами *DARPP-32* rs3764352 и rs907094, *EXOC4* rs4728302, *SLC6A4* (VNTR-17), *COMT* rs4680, и *MAOA* 30-bpVNTR, а на уровне тенденции — с геном *TOMM40* rs2075650.

Ген *DARPP32* rs907094 расположен в интроне 5 в гене *PPP1R1B* и влияет на экспрессию мРНК белка. Более высокая экспрессия гена обусловлена носительством генотипа *T/T*. У носителей аллеля-*T* увеличен объема мозга и выше когнитивные способности, они лучше поддаются обучению (Walaas, Greengard, 1984). Частоты генотипа

G/G rs907094 также достоверно чаще встречались в группе с низким уровнем долговременной памяти (p -value=0,020; OR=7,34).

Для rs3764352 гена *DARPP32* были также выявлены статистически достоверные различия в распределении аллельного варианта *C/C*, который чаще встречается в группе с высокими показателями долговременной памяти (p -value=0,031; OR=6,82). Наглядное распределение частот аллелей и аллельных вариантов rs3764352 гена *DARPP32* между группами Low и High представлено на рисунке 3.2.1.

Распределение частот аллелей и аллельных вариантов гена rs3764352 гена *DARPP32* между группами Low и High представлено на рисунке 2. Распределение частот аллелей и аллельных вариантов гена *SLC6A4* (VNTR-17) между группами Low и High представлено на рисунке 3.

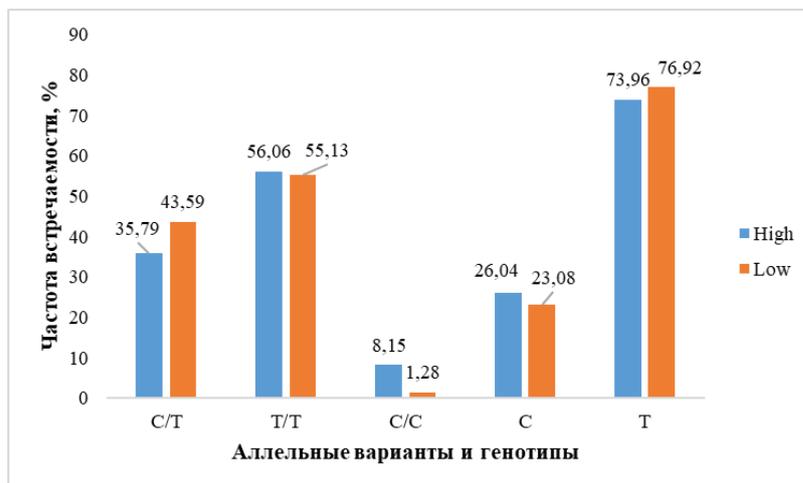

Рис. 2. Распределение аллельных вариантов и аллелей rs3764352 гена *DARPP32* в группах с низким и высоким уровнем долговременной памяти

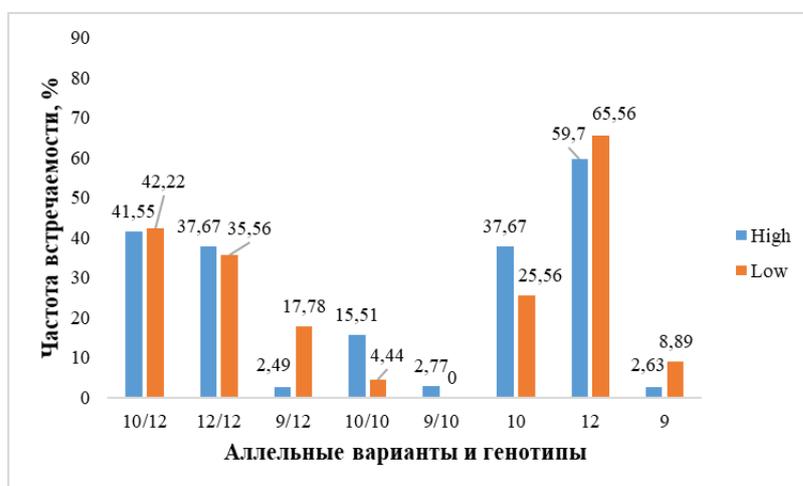

Рис. 3. Распределение аллельных вариантов и аллелей VNTR-17 гена *SLC6A4* в группах с низким и высоким уровнем долговременной памяти

Результаты определения комплексов генов, ассоциированных с высокими показателями долговременной памяти

Как видно из полученных результатов, статистически значимые различия по параметрам долговременной памяти выявлены только по пяти из 19 исследованных генных вариантов: *EXOC4* rs4728302, *SLC6A4* (VNTR-17), *COMT* rs4680, *DARPP-32* rs3764352 и *DARPP-32* rs907094, *MAOA* 30-bpVNTR. Эти результаты вполне согласуются с данными литературы. Многочисленные результаты исследований, подтвердивших связь интеллектуальных способностей с ДНК, указывают на сложность определения, какие именно гены вовлечены в формирование индивидуальных различий. Оценка наследуемости когнитивных способностей является сложным процессом, поскольку интеллект — это полигенный признак, и вклад каждого отдельного гена значительно мал.

Чем больше генов задействованы в формировании признака, тем меньше вклад каждого из них. Известно, что эффект взаимодействия генов может во много раз превосходить сумму их отдельных эффектов, поэтому для оценки интеллектуальных характеристик необходимо определять суммарные эффекты комбинаций и сочетаний генов-кандидатов.

С целью автоматизации поиска информативных комбинаций генов, ассоциированных с когнитивными способностями, была использована разработанная нами ранее специальная компьютерная программа, учитывающая эффективность генных взаимодействий и позволяющая проводить эффективный поиск прогностически значимых комплексов генов среди миллионов генных сочетаний (Моссэ, Седляр, 2022).

Проведенные исследования позволили выявить 14 генных комплексов, которые с высокой достоверностью ассоциированы с высокими параметрами долговременной памяти (таблица 2).

Таблица 2. Наиболее информативные парные сочетания полиморфных вариантов генов, ассоциированных с высокими параметрами долговременной памяти

Комплексы генов	Объем выборки		% в группе High	% в группе Low	p-value	OR	95% CI	
	High	Low						
1. <i>COMT</i> rs4680 (A/G)+ <i>DRD2</i> rs6277 A/A	345	66	13,04	1,51	0,0045	9,72	1,59	398,88
2. <i>EXOC4</i> rs4728302 (C/T)+ <i>COMT</i> rs4680 (A/G)	490	76	26,12	11,84	0,0060	2,63	1,26	6,17
3. <i>ADAM12</i> rs496520 (C/T)+ <i>DBH</i> rs1108580 (A/G)	501	77	11,78	2,60	0,0096	5,00	1,27	43,08
4. <i>DBH</i> rs1108580 (A/G)+ <i>TOMM40</i> rs2075650 (G/A)	319	66	15,98	4,55	0,0114	3,99	1,23	20,61
5. <i>EXOC4</i> rs4728302 (C/T)+ <i>PDE1C</i> rs10236197 (C/T)	502	77	42,83	28,57	0,0182	1,87	1,08	3,33
6. <i>ADAM12</i> rs496520 (C/T)+ <i>DBH</i> rs1611115 (C/T)	495	77	8,49	1,30	0,0198	7,03	1,16	288,24
7. <i>MAOA</i> (315/345)+ <i>APOE</i> (E3/E3)	198	29	14,14	1,30	0,0305	Inf	1,13	Inf
8. <i>DARPP32</i> rs907094 (G/G)+ <i>DARPP32</i> rs3764352 (C/C)	498	78	8,23	1,28	0,0314	6,90	1,13	282,70
9. <i>EXOC4</i> rs4728302 (C/T)+ <i>TOMM40</i> rs2075650 (G/A)	317	64	16,40	6,25	0,0343	2,94	1,02	11,61
10. <i>BDNF</i> rs6265 (C/C)+ <i>COMT</i> rs4680 (G/G)	66	78	15,24	6,41	0,0350	2,62	1,02	8,60
11. <i>FOXO3</i> rs2490272 (C/T)+ <i>SLC6A4</i> VNTR17 (10/10)	343	43	8,75	0,00	0,0359	Inf	1,00	Inf
12. <i>PDE1C</i> rs10236197 (C/T)+ <i>SLC6A4</i> VNTR17 (12/12)	358	44	19,55	6,82	0,0384	3,31	1,01	17,21
13. <i>APOE</i> (E3/E3)+ <i>TOMM40</i> rs2075650 (G/A)	293	61	19,45	8,20	0,0406	2,70	1,02	9,03
14. <i>EXOC4</i> rs4728302 (C/T)+ <i>DRD2</i> rs6277 (A/A)	345	64	11,59	3,13	0,0425	4,06	1,01	35,55

Как видно из таблицы 2, различия между частотами полиморфных сочетаний вариантов генов между группами людей с высокими и низкими показателями долговременной памяти статистически высоко достоверны (p -value составляет от 0,0045 до 0,0425).

Обращает на себя внимание факт, что наиболее часто в выявленных комплексах встречаются гены *EXOC4* rs4728302 (29%) и *COMT* rs4680 (21%). Эти же гены показали значимость при исследовании ассоциации отдельных генов с параметрами долговременной памяти, что свидетельствует о важной роли этих генов в формировании долговременной памяти высокого уровня.

Разработанные комплексы генов могут быть использованы для выявления индивидов с генетической предрасположенностью к развитию долговременной памяти высокого уровня.

Результаты сравнения эпигенетического статуса групп исследования

Для определения эпигенетической составляющей памяти человека методом NGS нами была разработана **специальная панель**, состоящая из 20 генов, ассоциированных с функционированием памяти человека (таблица 3)

Таблица 3. Локусы генов, отобранных для включения в панель

СрG-сайт	Ген	Положение на хромосоме (hg19)
<i>cg08734237</i>	<i>KLHDC4</i>	16:87744948
<i>cg17916473</i>	<i>PAPSS2</i>	10:89419373
<i>cg23988749</i>	<i>MRPS18B</i>	6:30585293
<i>cg04817034</i>	<i>USP35</i>	11:77920577
<i>cg13541769</i>	<i>PRDM15</i>	21:43221684
<i>cg23731089</i>	<i>EIF2C2</i>	8:141599208
<i>cg11465226</i>	<i>PRR7</i>	5:176882869
<i>cg04465201</i>	<i>EIF2S2</i>	20:32699025
<i>cg20497212</i>	<i>AOAH</i>	7:36672687
<i>cg20482334</i>	<i>FASN</i>	17:80048531
<i>cg00744656</i>	<i>FOXA1</i>	14:38063564
<i>cg01273125</i>	<i>COBRA1</i>	9:140149675
<i>cg20644253</i>	<i>KIAA0892</i>	19:19431407
<i>cg01182076</i>	<i>ODZ3</i>	4:183601697
<i>cg16126079</i>	<i>DNHD1</i>	11:6518322
<i>cg14100184</i>	<i>GNG13</i>	16:851298
<i>cg07683636</i>	<i>NHEJ1</i>	2:219940977
<i>cg00848394</i>	<i>WDR51A</i>	3:52188768
<i>cg09190408</i>	<i>PPPICA</i>	11:67170610
<i>cg21112485</i>	<i>AGTRAP</i>	1:11808413

Сравнение уровней метилирования отдельных СрG-сайтов в группах исследования проводилось с использованием критериев Манна-Уитни. Различия при-нимались как статистически значимые при $p < 0,05$.

По результатам секвенирования выявлен достаточно высокий процент сформированных кластеров. Около 90% кластеров прошли фильтр. Q-Score запуска > 30 соответствовал 88,4%. Для запуска использовали 10 pM конечной смеси библиотек, содержащей ампликоны целевых последовательностей.

В рамках разработанной панели и рабочего процесса анализа становятся доступны сведения о количественном соотношении метилированных и деметилированных целевых СрG сайтов выбранных локусов генов, рассматриваемых как потенциальные маркеры психоэмоционального статуса человека. При этом заметно облегчается анализ данных NGS поскольку количество анализируемых сайтов ограничено. Также возрастает количество возможных образцов, которые могут быть проанализированы в рамках одного запуска.

Таким образом, предлагаемый подход направлен на повышение эффективности работы и снижение ее стоимости для конечного потребителя при анализе профиля метилирования генов.

Для оценки различий в распределении процента метилирования образцов между двумя группами (High — высокая долговременная память, Low — низкая долговременная память) в первую очередь проведен анализ данных fasta с приме-

нением пайплайна Nextflow Methyseq (nf-core/methyseq v4.1.0). Анализ соотношения метилированных и неметилированных регионов проводили в программной среде R, где проведён расчёт процента метилирования для каждого образца, построены диаграммы Box Plot (рис. 4) для каждого из 20 целевых сайтов. Диаграмма Box Plot — это удобный способ визуального представления групп числовых данных через квантили.

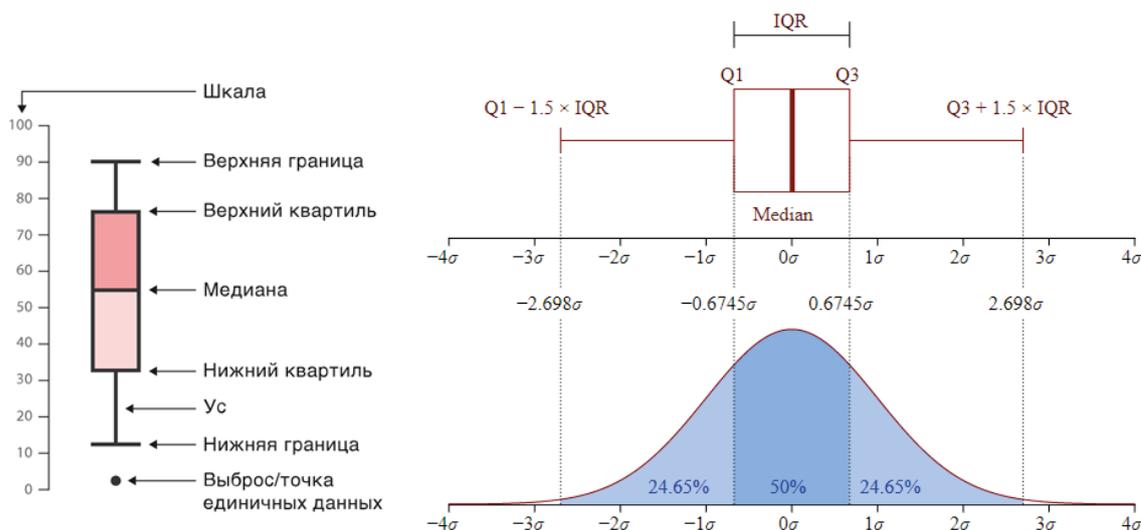

Рис. 4. Схема диаграммы Box Plot

Для автоматизации процесса построения диаграмм Box Plot нами написана компьютерная программа на языке R, которая рассчитывает процент метилирования каждого образца и строит графики. На каждом таком графике в виде маленьких точек отображается распределение каждого образца в зависимости от степени его метилирования.

В рамках проведённого анализа было выполнено попарное сравнение распределений степени метилирования между двумя группами (High и Low) отдельно для каждого сайта метилирования с целью выявления статистически значимых различий в уровнях метилирования между группами.

Для проверки нулевой гипотезы (о том, что средние значения степени метилирования в двух группах не различаются) применялся t-критерий Стьюдента в тех случаях, когда распределение значений степени метилирования в обеих группах соответствовало нормальному. Нормальность распределения оценивалась с использованием теста Шапиро-Уилка, который является одним из наиболее мощных критериев для проверки гипотезы о нормальности при небольших и средних объёмах выборки.

В тех случаях, когда хотя бы в одной из групп распределение данных значительно отклоня-

лось от нормального (p -значение теста Шапиро-Уилка $< 0,05$), использовался непараметрический критерий Манна-Уитни, который не предполагает соблюдения условия нормальности и оценивает различия в распределениях на основе рангов.

Такой комбинированный подход позволяет корректно учитывать особенности распределения данных и повышает надёжность получаемых статистических выводов.

Для более детального описания распределения данных в каждой группе для каждого сайта метилирования были рассчитаны основные статистические показатели: среднее значение (mean) и стандартное отклонение (standard deviation, SD). Эти величины представлены в формате $\text{mean} \pm \text{SD}$ отдельно для групп High и Low, что позволяет не только оценить центральную тенденцию уровня метилирования, но и учесть его вариабельность внутри группы.

В результате анализа были выявлены сайты метилирования, демонстрирующие статистически значимые различия между группами. Результаты проведенного анализа данных представлены в таблице 4.

Таблица 4. Среднее значение (mean) и стандартное отклонение (standard deviation, SD) уровня метилирования в исследуемых группах

Целевые сайты, CpG	mean±SD в группах		Уровень значимости <i>p</i>
	High	Low	
chr1_11748357	95,10±5,47	95,39±2,48	0,4532
chr10_87659617	2,30±2,54	2,46±1,65	0,2646
chr11_6497093	91,14±6,53	92,30±6,05	0,3244
chr11_67403140	51,87±19,93	45,55±25,08	0,0877
chr11_78209532	96,27±1,79	96,25±2,40	0,4203
chr14_37594360	0,31±0,37	0,39±0,64	0,8551
chr16_801299	21,71±8,29	24,79±9,10	0,0819
chr16_87711343	94,90±2,72	94,88±3,68	0,6152
chr17_82090656	97,26±3,38	97,90±2,45	0,2863
chr19_19320599	0,49±0,97	0,48±0,64	0,9679
chr2_219076256	73,18±11,26	71,04±13,89	0,2674
chr20_34111220	0,33±0,32	0,34±0,22	0,4749
chr21_41801525	66,69±15,83	66,00±18,64	0,6782
chr3_52154753	0,37±0,46	0,33±0,52	0,1488
chr4_182680545	84,88±5,82	85,51±7,51	0,2814
chr5_177455869	0,36±0,59	0,56±0,57	0,0041
chr6_30617517	0,36±0,62	0,31±0,28	0,3834
chr7_36633082	93,42±3,96	94,15±3,91	0,2572
chr8_140589110	71,90±15,28	77,35±16,51	0,0506
chr9_137255224	0,22±0,25	0,35±0,49	0,3462

Обращают на себя внимание статистически значимые различия в распределении уровня метилирования для сайтов chr5_177455869 (*p*-value=0,0041) и chr8_140589110 (*p*-value=0,0506).

Наиболее значительные различия в уровне метилирования установлены для сайта chr8_140589110 гена *AGO2* кодирующего белок ARGONAUTE-2. В группе с низкой долговременной памятью наблюдается достоверно более высокий уровень метилирования, при этом у 48% (14/29) он составляет более 80%, тогда как в группе сравнения только у 13% (9/67).

Так как в целевые регионы при дизайне панели естественным образом попадают другие

CpG сайты, проведен дополнительный анализ имеющихся в нашем распоряжении данных с целью найти все возможные CpG сайта гена *AGO2*. В результате удалось получить дополнительные данные о степени метилирования для сайтов chr8_140589087 и chr8_140589127. Эти данные вместе с данными уже представленного ранее сайта chr8_140589110 (для удобства) представлены в таблице 4 и на рис. 4.

Также проведено сравнение степени метилирования CpG сайтов гена *AGO2* между группами с помощью статистических тестов. Результаты представлены на рис. 5 и в таблице 5.

Таблица 5. Среднее значение и стандартное отклонение уровней метилирования CpG сайтов гена *AGO2*

Целевые сайты, CpG	mean±SD в группах		Уровень значимости <i>p</i>
	High	Low	
chr8_140589087	81,33±10,37	84,66±11,23	0,0456
chr8_140589127	56,34±22,71	65,96±25,13	0,0359
chr8_140589110	71,90±15,28	77,35±16,51	0,0506

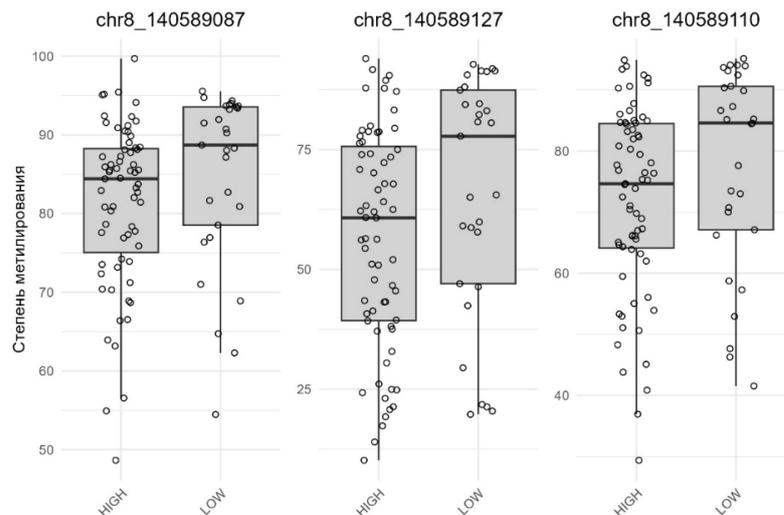

Рис. 5. Распределение уровня метилирования между группами High и Low для целевых CpG-сайтов chr8_140589087, chr8_140589127 и chr8_140589110

Для всех трех сайтов выявлено достоверное гиперметилирование в группе с низкой долговременной памятью. Так как, сайты расположены в энхансере гена *AGO2*, можно предположить, что высокая степень метилирования приводит к инактивации данного регуляторного участка и соответственно снижению экспрессии гена.

Самая высокая степень метилирования обнаружена у лиц с IQ менее 80, что указывает на важность нормальной экспрессии гена *AGO2* для интеллектуального развития.

Белок ARGONAUTE-2 и связанные с ним микроРНК (миРНК) образуют комплекс РНК-индуцированного подавления (RISC), который нацелен на мРНК для трансляционного подавления и деградации в рамках пути РНК-интерференции.

Несмотря на важнейшую роль этого процесса в клеточной функции, информации о роли компонентов RISC в развитии человека и функционировании органов крайне мало. В статье, опубликованной в октябре 2025 года, описаны гетерозиготные *de novo* мутации в гене *AGO2* связанные с крайне редкими проявлениями нейродегенерации (Liu, Tibbe, 2025). В качестве функциональных последствий, специфичных для мутаций, наблюдается либо нарушение образования RISC, либо повышенное связывание *AGO2* с мРНК-мишенями, что приводит к нарушению подавления экспрессии многих генов. Последнее подтверждается глобальными изменениями транскриптома в первичных фибробластах, полученных от пациентов. Эти данные подчеркивают важность нормальной работы гена *AGO2* в регуляции экспрессии генов посредством динамической ассоциации *AGO2*-РНК для развития нейронов человека.

Учитывая важнейшую роль РНК-интерференции в регуляции экспрессии генов, сигнальный путь миРНК имеет важное значение для нервной системы. Нарушение регуляции на различных этапах метаболизма миРНК может повлиять на морфологию нейронов, формирование синапсов, синаптическую пластичность и ключевые процессы, связанные с обучением и памятью (Martins, Schratz, 2021).

Сведения об эпигенетических профилях наиболее информативных генов, ассоциированных с функциями памяти, могут быть использованы для определения причин нарушения памяти в рамках деменции.

Заключение

Исследована ассоциация ряда полиморфных вариантов генов нейромедиаторных систем мозга с уровнем кратковременной и долговременной памяти представителей белорусской популяции. Выявлен ряд генов, частоты которых статистически различаются в группах с низкими и высокими показателями памяти.

С помощью специальной компьютерной программы определены сочетания генов с высоким эффектом взаимодействия, что позволило выявить высокоинформативные комплексы генов долговременной памяти. Информация о генетической предрасположенности к формированию долговременной памяти высокого уровня может быть важным критерием отбора кандидатов для занятия экстремальными видами деятельности.

Разработана панель генов для эпигенетического анализа методом секвенирования нового поколения локусов генов, ассоциированных с функци-

онированием памяти человека. Установлено, что высокий уровень метилирования (>80%) энхансерной области гена *AGO2* достоверно ассоциирован с низкой долговременной памятью и низким уровнем интеллекта (IQ<80).

Сведения об эпигенетических профилях наиболее информативных генов, ассоциированных с функциями памяти, могут быть использованы для определения причин нарушения памяти в рамках деменции.

Литература:

- Айзенк Г.Ю. Интеллект: новый взгляд // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 111–131.
- Бурлачук Л.Ф., Блейхер В.М. Структура общих способностей. Психологическая диагностика интеллекта и личности. Киев. 1978.
- Дружинин В.Н. Психология общих способностей. 2-е издание. СПб.: «Питер», 1999.
- Моссэ И.Б., Седляр Н.Г. Разработка способа количественной оценки генетической предрасположенности к развитию полигенных патологий // Наука и технологии Сибири. 2022. № 4(7). С. 28–31.
- Liu T.M., Tibbe D., Engler J.B., Hermans-Borgmeyer I., Borgmeyer U., de Maruri K.R., Lessel D., MacRae I.J., Kreienkamp H.J. Dysregulation of AGO2-miRNA dynamics underlies the AGO2-associated Lessel-Kreienkamp syndrome // Nucleic Acids Research. 2025. Vol. 53(19). Art. gkaf1002. DOI: 10.1093/nar/gkaf1002
- Martins H.C., Schrott G. MicroRNA-dependent control of neuroplasticity in affective disorders // Translational Psychiatry. 2021. Vol. 11. Art. 263. DOI: 10.1038/s41398-021-01379-7
- Plomin R., Von Stumm S. The new genetics of intelligence // Nature reviews. Genetics. 2018. Vol. 19(3). P. 148–159. DOI: 10.1038/nrg.2017.104
- Walaas S.I., Greengard P. DARPP-32, a dopamine- and adenosine 3':5'-monophosphate-regulated phosphoprotein enriched in dopamine-innervated brain regions. I. Regional and cellular distribution in the rat brain // The Journal of Neuroscience. 1984. Vol. 4. № 1. P. 84–98.
- Xu Q., Fu J., Liu F., Qin W., Liu B., Jiang T., Yu C. Left Parietal Functional Connectivity Mediates the Association Between COMT rs4633 and Verbal Intelligence in Healthy Adults // Frontiers in Neuroscience. 2018. Vol. 12. P. 233. DOI: 10.3389/fnins.2018.00233

MOLECULAR GENETIC AND EPIGENETIC DETERMINANTS OF HUMAN MEMORY

© Irma B. Mosse

Professor, Doctor of Biological Sciences, Institute of Genetics and Cytology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
i.mosse@igc.by; ORCID: 0009-0001-0929-3810

© Tatyana V. Dokukina

Professor, Doctor of Biological Sciences, Republican Scientific and Practical Center for Sports, Minsk, Belarus
polak0208@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5147-8192

© Nikita G. Sedlyar

PhD in Biology, Institute of Genetics and Cytology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
n.osennij@gmail.com; ORCID: 0009-0008-0088-8333.

© Konstantin A. Mosse

PhD in Biology, Institute of Genetics and Cytology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
kosmosse@yahoo.com; ORCID: 0009-0006-2237-6908.

© Maxim D. Ameliyanovich

Institute of Genetics and Cytology, National Academy of Sciences of Belarus
Ameliyanovich@igc.by; ORCID: 0009-0007-1625-4717

© **Evgeniya P. Yanchuk**

Institute of Genetics and Cytology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
evgena2121@mail.ru; ORCID: 0009-0000-7508-426X

© **Tatyana S. Golubeva**

PhD (Biology), Republican Scientific and Practical Center for Mental Health, Minsk, Belarus,
tatyana.gol2011@yandex.by; ORCID: 0009-0001-5159-3796

© **Nataliya F. Greben**

Republican Scientific and Practical Center for Mental Health, Minsk, Belarus,
strekosa@tut.by; ORCID: 0000-0002-4272-0108

The association of polymorphic gene variants encoding brain neurotransmitter systems with short-term or long-term memory was studied in representatives of the Belarusian population. Groups with high and low memory level were formed, based on the results of psychological testing. Molecular genetic testing of the groups was conducted using selected candidate genes. Some polymorphic gene variants were identified, the frequencies of which statistically differed between the groups with low and high memory scores. Using a previously developed computer program, gene combinations with a high interaction effect were identified, this made it possible to identify highly informative gene complexes determined long-term memory development. High-throughput sequencing was used for epigenetic loci associated with human memory analysis. The special gene panel was developed. For the first time in the world, it was established that a high level of methylation (> 80%) of the enhancer region of the AGO2 gene is reliably associated with poor long-term memory and low intelligence (IQ<80).

Keywords: short-term and long-term memory, molecular genetic and epigenetic testing

REFERENCES

- Eysenck G. Y.* (1995). Intelligence: a new perspective // Questions of psychology. № 1. P. 111–131.
- Burlachuk L. F., Bleikher V. M.* (1978). The structure of general abilities. Psychological diagnostics of intelligence and personality. Kyiv.
- Druzhinin V. N.* (1999). Psychology of general abilities. 2nd edition. St. Petersburg: Peter.
- Mosse I. B., Sedlyar N. G.* (2022). Development of a method for quantifying the genetic predisposition to the development of polygenic pathologies // Science and Technology of Siberia. № . 4(7). P. 28–31.
- Liu T. M., Tibbe D., Engler J. B., Hermans-Borgmeyer I., Borgmeyer W., de Maruri K. R., Lessel D., MacRae I. J., Krayenkamp H. J.* (2025). Dysregulation of AGO2 microRNA dynamics underlies Lessel-Krayenkamp syndrome associated with AGO2 // Nucleic Acid Research. Vol. 53(19). Article gkaf1002. DOI: 10.1093/nar/gkaf1002
- Martins H. S., Schratt G.* (2021). microRNA-dependent control of neuroplasticity in affective disorders // Translational psychiatry. Vol. 11. Article 263. DOI: 10.1038/s41398-021-01379-7
- Plomin R., Von Stumm S.* (2018). The new genetics of intelligence // Nature reviews. Genetics. Vol. 19(3). P. 148–159. DOI: 10.1038/nrg.2017.104
- Valaas S. I., Gringard P.* (1984). DARPP-32, a phosphoprotein regulated by dopamine and adenosine-3':5'-monophosphate, enriched in brain regions innervated by dopamine. I. Regional and cellular distribution in the rat brain // Journal of Neurology. Vol. 4. № 1. P. 84–98.
- Xu K., Fu J., Liu F., Qin W., Liu B., Jiang T., Yu S.* (2018). Functional connectivity of the left parietal region mediates the relationship between COMT rs4633 and verbal intelligence in healthy adults // Frontiers in Neurology. Vol. 12. P. 233. DOI: 10.3389/fnins.2018.00233

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ТВОРЧЕСКИХ ДОСТИЖЕНИЙ РЕГИОНОВ И АНАЛИЗ ПРИГОДНОСТИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ТЕСТА «БОЛЬШАЯ ПЯТЕРКА» В КАЧЕСТВЕ ПРЕДИКТОРОВ ЭТИХ ДОСТИЖЕНИЙ

© Шибает В.С.

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии МГУ им. адмирала

Г.И. Невельского, Владивосток, Россия

wladimirdw@gmail.com; ORCID: 0000-0003-1702-0721

Для цитирования:

Шибает В.С.

Систематизация показателей творческих достижений регионов и анализ пригодности показателей теста «Большая пятерка» в качестве предикторов этих достижений // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2026. Т. 6. № 1(18). С. 81-91.

DOI: 10.38098/proceedings_2026_06_01_08

Shibaev V.S.

Systematization of indicators of creative achievements of regions and analysis of the suitability of the indicators of the "Big five" test as predictors of these achievements. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2026, Vol. 6, No 1(18), Pp. 81-91.

DOI: 10.38098/proceedings_2026_06_01_08

В исследовании анализируется связь между творческими достижениями стран (объединенный показатель, включающий Нобелевские премии по естественным наукам и экономике, а также основные награды в математике) и совокупностью предикторов: национальным IQ, образовательными достижениями (по данным PISA и TIMSS) и личностными чертами «Большой пятерки». Корреляционный анализ для 157 стран показал, что связь творческих достижений с национальным IQ является нелинейной и в целом слабой (коэффициент корреляции близок к нулю при включении выброса, без него — 0,417), становясь заметной лишь после преодоления страной порога IQ около 90. Более существенные корреляции обнаружены с образовательными достижениями (0,414) и некоторыми личностными факторами: эмоциональной стабильностью (0,667), доброжелательностью (0,655), экстраверсией (0,509) и сознательностью (0,340). При этом корреляция с открытостью к опыту оказалась незначимой (0,093).

Ключевые слова: творческие достижения, национальный IQ, «Большая пятерка», кросс-культурные различия, инновационный потенциал

Введение

Пространственный анализ выявляет четкую кластеризацию стран с высокими творческими достижениями в Западной и Северной Европе и зонах их культурного влияния (Австралия, Новая Зеландия, США). Результаты указывают на то, что высокий национальный интеллект является необходимым, но недостаточным условием для выдающихся творческих прорывов. Ключевую роль, вероятно, играют социально-психологический климат, институциональная среда и личностные факторы населения. Делается вывод о необходимости комплексного подхода, учитывающего взаимодействие когнитивных способностей, личностных черт и культурно-исторического контекста для прогнозирования и развития инновационного потенциала стран.

Проблема систематизации показателей творческих достижений

В ряде работ творческие достижения стран сопоставлялись национальным IQ. Например, оценивалась связь национального IQ с количеством публикаций жителей страны в научных журналах.

Квадрат коэффициента корреляции национального IQ с логарифмом числа публикаций на миллион человек оказался равным 0,50, что примерно соответствует коэффициенту корреляции, примерно равному 0,71. Правда, связь количества публикаций с доходом на душу населения оказалась теснее: квадрат коэффициента корреляции этих переменных был равен 0,76, что примерно соответствует коэффициенту корреляции, примерно равному 0,87, что выше и корреляции национального IQ с доходом на душу населения (примерно 0,75). Эти результаты указывают на необходимость более тщательного анализа связи национального IQ с данным показателем когнитивных достижений (Григорьев, 2014).

Также были вычислены корреляции национального IQ с двумя показателями: с патентным индексом (на множестве 112 стран) и с «интеллектуальной автономией» (на множестве 63 стран). Значения коэффициентов корреляции оказались равными 0,51 и 0,63. Кроме того, исследовалась связь показателей уровня интеллекта стран (оценки интеллекта «верхних» 5% населения, т.е. выше 95-го перцентиля, всего населения и «ниж-

них» 5%, т.е. до 5-го перцентиля) с рядом показателей национальных когнитивных достижений (Rindermann, 2009).

Во-первых, с количеством патентов, полученных представителями данной нации (как проживающих, так и не проживающих в стране) на миллион человек за два периода — с 1960 по 2007 гг. и с 1991 по 2007 гг. Во-вторых, с числом Нобелевских премий мира, по литературе и естественным наукам на 10 миллионов человек за период 1901–2004 гг. В-третьих, с количеством ученых и инженеров на миллион человек в 1985–1995 гг. В-четвертых, с экспортом высоких технологий в 1997 г. Наиболее высокие корреляции с большинством показателей когнитивных достижений дали оценки интеллекта верхних 5% населения: 0,42; 0,50; 0,23; 0,13; 0,34; 0,64; 0,40 (в порядке перечисления показателей). Наиболее низкие корреляции были у оценок интеллекта нижних 5% населения, корреляции оценок интеллекта всего населения занимали промежуточное положение или были (в двух случаях) равны корреляциям оценок интеллекта всего населения (Григорьев, 2014).

Р. Линн и Т. Ванханен (Lynn, Vanhannen, 2012), приводя данные о связи национального IQ с количеством Нобелевских лауреатов, объясняют его низкую корреляцию с премиями по литературе (0,13) плохим выбором литературных произведений Нобелевским комитетом. Они перечисляют нескольких мало кому сейчас известных писателей, получивших Нобелевские премии в начале XX века, и указывают на то, что Лев Толстой, еще живший в то время, этой премии не получил. Это достаточно убедительный довод для того, чтобы не придавать значения низкой корреляции национального IQ с Нобелевскими премиями по литературе.

Большого внимания заслуживает тоже невысокая корреляция национального IQ с Нобелевскими премиями в области естественных наук (0,34). Линн и Ванханен выдвигают в качестве одной из причин этого то, что страны Восточной Азии, имея самый высокий в мире национальный IQ, значительно отстают от европейских стран по количеству премий. Это не должно вызывать недоумения: большинство специалистов считает, что творческие способности не эквивалентны интеллекту. Выяснению того, можно ли популяционной креативностью, в дополнение к популяционному интеллекту, объяснить творческие достижения популяций (в данном случае, рас), в первую очередь, низкие относительно расового IQ достижения народов Восточной Азии, была посвящена одна более ранняя работа Р. Линна (Lynn, 2007).

Интересным представляется и кейс Финляндии, которая имея один из самых высоких измеренных IQ в Европе, имеет всего пятерых нобелевских лауреатов, двое из которых являются этническими шведами (Dutton et al., 2014).

Так как национальные данные по тестам креативности, как утверждает Линн, отсутствуют, в качестве показателя креативности им были взяты результаты измерений открытости к опыту, одной из пяти основных личностных черт, выделяемых в современной психологии личности. Как оказалось, жители и выходцы из стран Восточной Азии характеризовались более низкой открытостью к опыту, чем европейцы, причем эта разница более значительна, чем разница между ними в интеллекте. Это, считает Линн, может быть предложено в качестве объяснения более низких, чем у европейцев, творческих достижений народов Восточной Азии.

В данной работе Р. Линна в качестве показателя достижений страны в области математики использовалось количество медалей Филдса. Есть, однако, и другие престижные награды за выдающиеся достижения в математике — премия Вольфа и Абелевская премия. Их тоже необходимо учитывать в совокупном показателе творческих достижений страны. Кроме того, представляется интересным проследить связи творческих достижений стран не только с открытостью к опыту, но и с другими чертами личности — нейротизмом (или с его противоположностью — эмоциональной стабильностью), экстраверсией, доброжелательностью и сознательностью. Это обусловило целесообразность проведения настоящего исследования. Оно включает систематизацию показателей творческих достижений стран в области науки путем объединения численности Нобелевских премий по естественным наукам и экономике и трех наград за достижения в области математики — медалей Филдса, премий Вольфа и Абелевских премий, и анализ связей творческих достижений с личностными факторами.

Метод исследования

Анализировались следующие показатели стран.

- Совокупный показатель творческих достижений страны — число Нобелевских премий (до 2009 г. включительно), медалей Филдса (до 2013 г. включительно), премий Вольфа (до 2013 г. включительно) и Абелевских премий (до 2013 г. включительно) на 1 миллион человек населения страны. При подсчете числа лауреатов в стране мы старались учитывать только представителей коренного населения.

- Оценки национального IQ, взятые из книги Р. Линна и Т. Ванханена (Lynn, Vanhanen, 2012). Эти оценки выражены в стандартной шкале IQ со средним 100 и стандартным отклонением 15.
- Образовательные достижения стран по результатам международных исследований достижений в образовании по программам PISA (Program for International Student Assessment) и TIMSS (Trends in Mathematics and Science Study). Использовались данные пяти исследований по программе PISA (за 2000, 2003, 2006, 2009 и 2012 гг.) и четырех по программе TIMSS (за 1999, 2003, 2007 и 2011 гг.). Оценки образовательных достижений стран выводились следующим образом. 1) Для исследований по программам PISA и TIMSS усреднялись оценки каждой страны по предметам. Каждая страна получала число оценок, равное числу исследований, в которых она участвовала. 2) Не во всех странах дети в одинаковой мере охвачены образованием. Между тем, результативность детей, охваченных образованием, выше результативности их не обучающихся сверстников примерно на половину стандартного отклонения (Dastagiri M., Sindhuja N., Yadav, 2020). Таким образом, необходимо ввести поправку на охваченность детей образованием. Для этого, мы оценили охваченность образованием детей релевантных возрастных групп в странах, участвовавших в исследованиях по программам PISA и TIMSS. Большинство оценок было вычислено из приведенных в отчете о результатах исследования по программе PISA в 2009 г. данных о численности детей возраста 15 лет, обучающихся в 7-м или более старших классах, и об общей численности детей этого возраста как отношение этих величин. Для ряда стран, участвовавших в исследованиях по программе TIMSS, но не участвовавших в исследованиях по программе PISA, оценки либо были взяты из отчета о результатах исследования по программе TIMSS в 2011 г. с прибавлением поправки, требующейся, как нам представляется, для совмещения двух источников, либо же им были присвоены оценки соседних стран. Приняв разницу между охваченными и не охваченными образованием детьми за половину стандартного отклонения (для PISA это составило 47,5, а для TIMSS 42,5 единиц шкалы, в которой представлены оценки), мы рассчитали взвешенные средние для популяций детей релевантной возрастной группы. 3) На множестве стран, участвовавших во всех исследованиях по программе PISA, была построена стандартизированная шкала, в которой были выражены оценки всех стран, участвовав-

ших в исследованиях по этой программе; аналогичным образом были выражены оценки стран, участвовавших в исследованиях по программе TIMSS. 4) Были усреднены оценки по исследованиям для каждой из двух программ. 5) Оценки по PISA и TIMSS были выражены в той же метрике, что и оценки национальных IQ, путем приравнивания средних и стандартных отклонений образовательных достижений к среднему и стандартному отклонению национальных IQ, вычисленных на множестве стран, для которых имелись как оценки по PISA или по TIMSS, так и оценки национальных IQ, и объединены для получения итоговых оценок: если имелись результаты как по PISA, так и по TIMSS, то итоговой оценкой было их среднее, в противном случае итоговой оценкой был результат, полученный по одной из программ. Оценки стран, не участвовавших в исследованиях по программам PISA или TIMSS, но участвовавших в исследованиях по другим программам, были взяты из книги Р. Линна и Т. Ванханена (Lynn, Vanhanen, 2012). Образовательные достижения также выражены в шкале со средним 100 и стандартным отклонением 15.

- Оценки для 29 стран по пяти личностным факторам, взятые из работы Д. Бартрама (Bartram et al., 2014). В этой работе использовались данные, полученные с помощью Профессионального личностного опросника OPQ32 (OPQ: Occupational Personality Questionnaires). Данная методика состоит из 104-х четверок утверждений, утверждения в которых входят в разные шкалы. В каждой четверке респондент выбирает одно наиболее соответствующее и одно наименее соответствующее ему утверждение. 416 утверждений образуют 32 шкалы опросника. Более трех четвертей этих шкал были объединены в пять личностных факторов (факторы «Большой пятерки») — нейротизм, экстраверсия, открытость к опыту (или просто открытость), доброжелательность, сознательность, при этом баллы по фактору нейротизм были обращены и использовалось наименование «эмоциональная стабильность».

В анализ включались страны, для которых имелись оценки по хотя бы одному из трех показателей: национальному IQ, образовательным достижениям, личностным чертам. Число таких стран оказалось равным 157.

Результаты исследования и их анализ

Значения всех показателей стран представлены в таблице 1.

Таблица 1. Творческие достижения, национальный IQ, образовательные достижения
и выраженность личностных черт в 157 странах

Страна	ТД	IQ	ОД	ЭС	Э	О	Д	С
Австралия	0,521	98	101,00	5,58	5,39	5,4	5,68	5,68
Австрия	1,000	99,5	98,66					
Азербайджан	0,000		87,07					
Албания	0,000		84,40					
Алжир	0,000		84,23					
Аргентина	0,109	96	86,54	5,47	5,98	5,21	4,81	5,51
Армения	0,000	92	94,08					
Бангладеш	0,000	81						
Барбадос	0,000	80						
Бахрейн	0,000	81	88,28					
Белиз	0,000		76,81					
Бельгия	0,777	99	100,17	5,19	5,72	5,53	5,98	5,53
Бермудские Острова	0,000	90						
Болгария	0,000	92,5	90,56					
Боливия	0,000	87						
Босния (Босния и Герцеговина)	0,260	94	91,71					
Ботсвана	0,000	71	79,89					
Бразилия	0,006	87	85,44	4,91	5,63	5,12	5,58	4,75
Великобритания	1,273	100	99,83	5,38	5,52	5,66	5,79	5,61
Венгрия	0,400	96,5	97,88	5,73	5,21	4,97	5,52	5,43
Венесуэла	0,000	84	80,76					
Вьетнам	0,013	94						
Гамбия	0,000	62						
Гана	0,000	70	68,99					
Гватемала	0,000	79						
Гвинея	0,000	66,5						
Германия	0,791	99	99,45	6,08	5,96	6,08	5,87	5,32
Гондурас	0,000	81						
Гонконг	0,000	108	103,47	5,13	5,43	5,58	5,67	5,36
Греция	0,000	92	95,09	4,32	5,76	5,54	4,97	5,87
Грузия	0,000		83,72					
Дания	0,943	98	98,74	6,38	6,37	5,6	5,76	5,51
Доминика	0,000	67						
Доминиканская Республика	0,000	82						
Египет	0,016	81	84,91					
Замбия	0,000	75	66,83					
Занзибар	0,000		70,95					
Зимбабве	0,000	71,5	72,99					

Страна	ТД	IQ	ОД	ЭС	Э	О	Д	С
Израиль	0,000	95	93,41					
Индия	0,004	82	86,12	5,41	5,18	5,16	4,19	5,52
Индонезия	0,000	87	84,55	4,98	5,02	5,08	5,18	4,93
Иордания	0,000	84	86,93					
Ирак	0,000	87						
Иран	0,000	83,5	87,99					
Ирландия	0,263	92,5	99,76					
Исландия	0,000	101	98,63					
Испания	0,050	97	97,11	4,79	5,75	5,61	5,4	5,13
Италия	0,158	97	96,48	5,09	5,7	5,86	5	5,02
Йемен	0,000	83	65,41					
Казахстан	0,000	87,3	87,51					
Камерун	0,000	64						
Канада	0,163	100	101,96	5,83	6,39	5,24	5,68	5,64
Катар	0,000	83	82,69					
Кения	0,000	74	80,20					
Кипр	0,000		91,80					
Киргизия	0,000		76,81					
Китай	0,009	105,5	108,00	5,46	5,13	5,03	5,91	5,36
Колумбия	0,000	83,5	84,37					
Конго (Браззавиль)	0,000	73						
Конго (Заир)	0,000	68						
Коста-Рика	0,000	86	88,96					
Кот-д.Ивуар	0,000	71						
Куба	0,000	85						
Кувейт	0,000	86,5	83,66					
Лаос	0,000	89						
Латвия	0,000		96,95					
Лесото	0,000		66,55					
Ливан	0,000	82	87,18					
Ливия	0,000	85						
Литва	0,000	92	95,95					
Лихтенштейн	0,000		100,32					
Люксембург	0,000		96,29					
Маврикий	0,000	89	87,80					
Мадагаскар	0,000	82						
Макао	0,000		99,53					
Македония	0,000		85,13					
Малави	0,000	60	60,22					
Малайзия	0,000	88,5	88,06	4,9	4,58	5,11	5,29	5,17

Страна	ТД	IQ	ОД	ЭС	Э	О	Д	С
Мали	0,000	69,5						
Мальта	0,000	97	93,40					
Марианские острова	0,000	81						
Марокко	0,000	84	80,10					
Маршалловы Острова	0,000	84						
Мексика	0,010	88	87,19					
Мозамбик	0,000	64	75,00					
Молдавия	0,000		86,58					
Монголия	0,000	100						
Намибия	0,000	72	67,16					
Непал	0,000	78						
Нигерия	0,000	71	72,03					
Нидерландские Антильские острова	0,000	87						
Нидерланды	0,755	100	101,22	6,01	5,84	6,08	5,73	4,49
Новая Зеландия	1,026	99	101,19	5,61	5,2	5,27	5,91	6,18
Новая Каледония	0,000	85						
Норвегия	1,333	100	98,42	6,22	6,29	5,3	6,14	5,26
ОАЭ	0,000	83	93,12					
Оман	0,000	84,5	84,62					
Острова Кука	0,000	89						
Пакистан	0,007	84						
Палестина	0,000	86	82,99					
Панама	0,000		82,05					
Папуа-Новая Гвинея	0,000	82,5	87,25					
Парагвай	0,000	84						
Перу	0,000	85	81,55					
Польша	0,078	95	98,77	4,99	4,64	5,84	4,75	5,35
Португалия	0,098	94,5	95,99	4,77	5,88	5,79	5,81	5,12
Пуэрто-Рико	0,000	83,5						
Россия (показатели творческих достижений относятся к России и СССР)	0,075	96,5	95,65	4,76	5,27	6,19	5,1	5,02
Руанда	0,000	76						
Румыния	0,045	91	90,33					
Сальвадор	0,000		78,04					
Самоа (Западное)	0,000	88						
Саудовская Аравия	0,000	79	80,93					
Свазиленд	0,000		75,42					
Сейшельские Острова	0,000		84,40					
Сенегал	0,000	70,5						
Сент-Винсент	0,000	71						
Санта Люсия	6,250	62						

Страна	ТД	IQ	ОД	ЭС	Э	О	Д	С
Сербия	0,000	89	90,98					
Сингапур	0,000	108,5	104,62					
Сирия	0,000	80,5	87,06					
Словакия	0,000	98	96,93					
Словения	0,500	96	98,86					
Судан	0,000	77,5						
Суринам	0,000	89						
США	0,485	98	97,97	5,7	5,84	5,29	5,34	5,72
Сьерра-Леоне	0,000	64						
Таиланд	0,000	88	89,76					
Тайвань	0,000	105	102,08					
Танзания	0,000	72,5	77,73					
Тонга	0,000	86						
Тринидад и Тобаго	0,000		88,24					
Тунис	0,000	84	85,76					
Турция	0,000	88,5	90,74					
Уганда	0,000	72	68,79					
Украина	0,000	95	93,67					
Уругвай	0,000	96	89,03					
Фиджи	0,000	85						
Филиппины	0,000	90	79,39					
Финляндия	0,577	97	103,66	6,22	5,94	5,01	6,08	5,44
Франция	0,576	98	98,95	4,85	5,47	5,67	5,62	5,55
Хорватия	0,225	99	96,19					
Центрально-африканская Республика	0,000	64						
Черногория	0,000		88,06					
Чехия	0,194	98	98,77					
Чили	0,000	91	90,37					
Швейцария	1,944	101	100,49					
Швеция	1,910	99	98,98	6,24	6,37	5,61	6,28	5,83
Шри-Ланка	0,000	79						
Эквадор	0,000	88						
Эритрея	0,000	75,5						
Эстония	0,000	99	101,03					
Эфиопия	0,000	68,5						
Юж. Корея	0,000	106	103,47					
Южная Африка	0,069	72	70,67	5,28	4,93	5,45	5,06	5,6
Ямайка	0,000	71						
Япония	0,142	105	102,47	4,46	5,16	6,45	5,62	4,15

Примечание: ТД — творческие достижения; IQ — национальный IQ; ОД — образовательные достижения; ЭС — эмоциональная стабильность; Э — экстраверсия; О — открытость; Д — доброжелательность; С — сознательность.

Для определения связей творческих достижений стран с национальным IQ, образовательными достижениями и личностными чертами (фак-

торами), был проведен корреляционный анализ. Интеркорреляции показателей из таблицы 1 представлены в таблице 2.

Таблица 2. Интеркорреляции показателей из таблицы 1

	ТД	IQ	ОД	ЭС	Э	О	Д	С
ТД	1							
IQ	0,067	1						
ОД	0,414	0,915	1					
ЭС	0,667	0,201	0,253	1				
Э	0,509	0,351	0,307	0,545	1			
О	0,093	0,295	0,235	-0,253	0,060	1		
Д	0,655	0,567	0,580	0,468	0,466	0,025	1	
С	0,340	-0,070	0,038	0,312	0,159	-0,449	0,054	1

Примечание: обозначения те же (см. табл. 1).

Коэффициент корреляции творческих достижений с национальным IQ, по существу, нулевой. Этот несколько неожиданный результат объясняется одним «выбросом» — аномально высоким показателем творческих достижений в Санта-Люсии (6,250), характеризующейся очень низким национальным IQ (62). В Санта-Люсии один лауреат, и столь высокий показатель творческих достижений обязан малой численности населения. Если не учитывать данных по этой стране при расчете, корреляция повышается до 0,417.

Рассмотрение характера связи творческих достижений с национальным IQ на диаграмме рассеивания (рис. 1) позволяет утверждать, что это

связь нелинейная. У стран с IQ ниже 90, творческие достижения, за редким исключением, нулевые. У стран с более высоким интеллектом творческие достижения варьируют очень широко и почти независимо от IQ. Этот факт указывает на необходимость поиска других предикторов творческих достижений стран. Очевидными кандидатами на эту роль являются черты личности, уровень их выраженности в разных странах. Соответствующие показатели стран приведены в последних пяти столбцах таблицы 1, а их корреляции с показателем творческих достижений представлены в таблице 2.

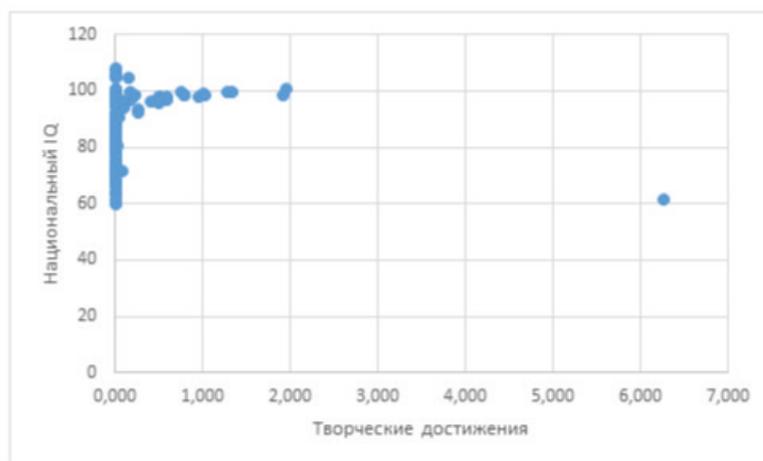

Рис. 1. Диаграмма рассеивания для показателя творческих достижений и национального IQ

Как видно из соответствующих значений в таблице 2, показатель творческих достижений имеет связь от слабой до умеренной с образовательными достижениями и со всеми личностными чертами,

кроме открытости. Таким образом, личностные факторы могут рассматриваться как перспективные предикторы творческих достижений.

Пространственный анализ значений показателя творческих достижений стран

Существуют количественные методы пространственного анализа, которые предполагают построение матрицы пространственной близости, расчет коэффициента пространственной автокорреляции и т. д. Проблема при использовании этих методов заключается в том, что сходство таких показателей, как творческие достижения, может обуславливаться не только физической, пространственной близостью стран, но и близостью иного рода, например, культурной. По этим соображениям мы предпочли на данном этапе работы не использовать количественные методы пространственного анализа, а ограничиться общим рассмотрением распределения творческих достижений на Земном шаре.

Из значений во втором столбце таблицы 1 видно, что высокие или сравнительно высокие значения показателя творческих достижений наблюдаются почти исключительно в ряде территориально смежных и культурно близких стран или в странах, населенных преимущественно выходцами из них. Это страны Западной и Северной Европы: Великобритания (1,273), Норвегия (1,333), Швейцария (1,944), Швеция (1,910), Австрия (1,000), Германия (0,791), Бельгия (0,777), Дания (0,943), Финляндия (0,577), Франция (0,576), Нидерланды (0,755), а также Австралия (0,521), Новая Зеландия (1,026), США (0,485). Из европейских стран, обычно не относимых к Западной или Северной Европе, сравнительно высокими значениями характеризуются Словения (0,500) и Венгрия (0,400) — страны, территориально близкие к Западной Европе. Из прочих стран высокое (точнее, сверхвысокое) значение показателя только в Санта-Люсии, но, как уже говорилось, это значение нельзя считать показательным.

Полученные результаты, в частности слабая прямая связь национального IQ с творческими достижениями и умеренные корреляции с такими чертами личности, как эмоциональная стабильность, доброжелательность и сознательность, указывают на необходимость более комплексного подхода к прогнозированию инновационного потенциала стран. Высокий когнитивный уровень населения, по-видимому, является необходимым, но недостаточным условием для выдающихся творческих прорывов. Ключевую роль, вероятно, играет социально-психологический климат и институциональная среда, которые способствуют или подавляют реализацию интеллектуального потенциала в форме изобретений, открытий и художественных произведений. Для будущих иссле-

дований крайне важно рассмотреть нелинейные и синергетические модели, где интеллект взаимодействует с личностными факторами, а также учесть влияние таких переменных, как уровень инвестиций в НИОКР, академическая свобода, культурные ценности, поощряющие индивидуальную инициативу и толерантность к неопределенности. Кроме того, методология оценки творческих достижений может быть расширена за счет включения индикаторов технологических инноваций (например, патентной активности в высокотехнологичных отраслях) и достижений в гуманитарной сфере, что позволит построить более сбалансированный и репрезентативный интегральный показатель.

Пространственная кластеризация стран с высокими творческими достижениями также требует дальнейшего концептуального осмысления. Выявленная концентрация успеха в Западной и Северной Европе и странах их культурного ареала говорит не просто о географической близости, но и о глубоких исторически сложившихся институциональных, образовательных и ценностных системах, которые формируют «экосистему креативности» (Dastagiri et al., 2020). Сравнительный анализ таких экосистем, включающий изучение образовательных практик, моделей научного финансирования, миграционной политики для талантов и культурных нарративов о науке и творчестве, мог бы стать плодотворным направлением для выявления передаваемых политических рецептов. Это особенно актуально для стран с высоким IQ, но относительно низкими творческими достижениями (как например, страны Восточной Азии), где точечные институциональные реформы, направленные на поощрение междисциплинарности, академического риска и открытого международного сотрудничества, могли бы помочь раскрыть существующий потенциал. Таким образом, исследование задает вектор перехода от анализа статических корреляций к изучению динамических процессов и институциональных условий, порождающих и поддерживающих творческую продуктивность на национальном уровне.

Выявленные различия в силе корреляций между личностными чертами и творческими достижениями могут быть существенно модифицированы культурным контекстом, в первую очередь — измерением «индивидуализм — коллективизм». В индивидуалистических культурах (характерных для Западной Европы, Северной Америки, Австралии), где ценится личная автономия, самореализация и независимость, такие черты, как открытость к опыту и эмоциональная стабиль-

ность, могут становиться ключевыми драйверами творчества. Здесь общественная среда поощряет нестандартное мышление, личную инициативу и готовность бросить вызов существующим парадигмам, что напрямую связано с высокими показателями по открытости. Напротив, в коллективистских культурах (преобладающих в Восточной Азии, Африке, Латинской Америке) творческие достижения часто являются продуктом гармоничной групповой работы и следования устоявшимся нормам (Goncalo, Staw, 2006). В таком контексте успех может сильнее зависеть от сознательности, доброжелательности и способности работать в команде, нежели от выраженной личностной открытости. Это может частично объяснять «парадокс Восточной Азии»: высокий национальный IQ не трансформируется в пропорциональное число Нобелевских премий, поскольку культурные нормы, сфокусированные на коллективной гармонии, иерархии и усвоении знаний (в противовес их радикальному пересмотру), могут создавать невидимые барьеры для прорывного, индивидуализированного творчества, особенно в фундаментальных науках.

Заключение

Игнорирование культурного измерения «индивидуализм — коллективизм» делает анализ предикторов творческих достижений неполным. Для получения более точной картины необходимы кросс-культурные исследования, в которых

личностные черты из «Большой пятерки» рассматривались бы не изолированно, а во взаимодействии с культурными ценностями, как и было предложено в одном исследовании, в котором было установлено, что креативность позитивно связана не только с высоким интеллектом, но и к культурной норме открытости новому опыту (Stackhouse et al., 2024).

Например, можно предположить, что в коллективистских обществах именно сочетание высокого интеллекта с высокой сознательностью и доброжелательностью будет давать максимальный творческий выход в прикладных и инженерных дисциплинах, где важна точность и слаженная работа команд. В то же время в индивидуалистических обществах для прорывов в теоретических и художественных сферах критичным может оказаться сочетание интеллекта с высокой открытостью и умеренным нейротизмом (низкой эмоциональной стабильностью), что иногда связано с неконформным мышлением. Учет этого культурного посредничества позволит не только лучше объяснять глобальное распределение творческих достижений, но и разрабатывать более адресные и культурно-чувствительные стратегии развития инновационного потенциала в разных регионах мира.

Таким образом, имеет место четкая группировка стран, характеризующихся высокими творческими достижениями на основе территориальной и культурной близости.

Литература:

- Григорьев А.А. Исследования связей популяционного интеллекта: достижения и проблемы // Современная зарубежная психология. 2014. № 3(4). С. 89–97. URL: https://psyjournals.ru/journals/jmfp/archive/2014_n4/75381
- Dastagiri M., Sindhuja N., Yadav M. The Philosophy behind USA, United Kingdom, Germany, France Lion's Share in Nobel Prizes: Creative Ideas for Other Countries // International Journal of Humanities and Social Science. 2020. Vol. 10(4). P. 109–124. DOI: <https://doi.org/10.30845/ijhss.v10n4a13>
- Dutton E., Nijenhuis J., Roivainen E. Solving the puzzle of why Finns have the highest IQ, but one of the lowest number of Nobel prizes in Europe // Intelligence. 2014. Vol. 46. P. 192–202. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.intell.2014.06.006>
- Goncalo J., Staw B. Individualism-collectivism and group creativity // Organizational Behavior and Human Decision Processes. 2006. Vol. 100. P. 96–109. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.obhdp.2005.11.003>
- He J., Bartram D., Inceoglu I., Van De Vijver F. Response Styles and Personality Traits // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2014. Vol. 45. P. 1028–1045. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022022114534773>
- Lynn R., Vanhanen T. Intelligence: A unifying construct for the social sciences. Ulster Institute for Social Research. 2012.
- Lynn R. Race Differences in Intelligence, Creativity and Creative Achievement // Mankind Quarterly. 2007. Vol. 48(2). P. 157–168. DOI: 10.46469/mq.2008.48.3.3
- Rindermann H., Sailer M., Thompson J. The impact of smart fractions, cognitive ability of politicians and average competence of people on social development [Electronic resource] // Talent Development & Excellence. 2009. Vol. 1. № 1. P. 3–25. URL: https://www.academia.edu/98553358/The_impact_of_smart_fractions_cognitive_ability_of_politicians_and_average_competence_of_peoples_on_social_development

Stackhouse M., Rickley M., Liu Y., Taras V. Homogeneity, heterogeneity, or independence? A multilevel exploration of Big Five personality traits and cultural values in 40 nations // *Personality and Individual Differences*. 2024. Vol. 230. Art. 112795. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2024.112795>

SYSTEMATIZATION OF INDICATORS OF CREATIVE ACHIEVEMENTS OF REGIONS AND ANALYSIS OF THE SUITABILITY OF THE INDICATORS OF THE “BIG FIVE” TEST AS PREDICTORS OF THESE ACHIEVEMENTS

© Vladimir S. Shibaev

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Psychology,
Admiral G.I. Nevelsky Moscow State University, Vladivostok, Russia
vladimirdw@gmail.com; ORCID: 0000-0003-1702-0721

The study analyzes the relationship between the creative achievements of countries (a combined indicator that includes Nobel Prizes in natural Sciences and economics, as well as major awards in mathematics) and a set of predictors: national IQ, educational achievements (according to PISA and TIMSS) and personality traits of the “Big Five”. Correlation analysis for 157 countries showed that the relationship of creative achievements with national IQ is nonlinear and generally weak (the correlation coefficient is close to zero when the outlier is included, without it — 0,417), becoming noticeable only after the country overcomes the IQ threshold of about 90. More significant correlations were found with educational achievements (0,414) and some personal factors: emotional stability (0,667), benevolence (0,655), extraversion (0,509) and conscientiousness (0,340). At the same time, the correlation with openness to experience turned out to be insignificant (0,093).

Keywords: creative achievements, national IQ, “Big Five”, cross-cultural differences, innovative potential

REFERENCES

- Grigoriev A. A.* (2014). Studies of National Intelligence: Achievements and Problems // *Journal of Modern Foreign Psychology*. № 3(4). P. 89–97. (In Russ.). URL: https://psyjournals.ru/en/journals/jmfp/archive/2014_n4/75381
- Dastagiri M., Sindhuja N., Yadav M.* (2020). The Philosophy behind USA, United Kingdom, Germany, France Lion’s Share in Nobel Prizes: Creative Ideas for Other Countries // *International Journal of Humanities and Social Science*. Vol. 10(4). P. 109–124. DOI: <https://doi.org/10.30845/ijhss.v10n4a13>
- Dutton E., Nijenhuis J., Roivainen E.* (2014). Solving the puzzle of why Finns have the highest IQ, but one of the lowest number of Nobel prizes in Europe // *Intelligence*. Vol. 46. P. 192–202. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.intell.2014.06.006>
- Goncalo J., Staw B.* (2006). Individualism-collectivism and group creativity // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. Vol. 100. P. 96–109. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.obhdp.2005.11.003>
- He J., Bartram D., Inceoglu I., Van De Vijver F.* (2014). Response Styles and Personality Traits // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 45. P. 1028–1045. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022022114534773>
- Lynn R., Vanhanen T.* (2012). *Intelligence: A unifying construct for the social sciences*. Ulster Institute for Social Research.
- Lynn R.* (2007). Race Differences in Intelligence, Creativity and Creative Achievement // *Mankind Quarterly*. Vol. 48(2). P. 157–168. DOI: 10.46469/mq.2008.48.3.3
- Rindermann H., Sailer M., Thompson J.* (2009). The impact of smart fractions, cognitive ability of politicians and average competence of people on social development [Electronic resource] // *Talent Development & Excellence*. Vol. 1. № 1. P. 3–25. URL: https://www.academia.edu/98553358/The_impact_of_smart_fractions_cognitive_ability_of_politicians_and_average_competence_of_peoples_on_social_development
- Stackhouse M., Rickley M., Liu Y., Taras V.* (2024). Homogeneity, heterogeneity, or independence? A multilevel exploration of Big Five personality traits and cultural values in 40 nations // *Personality and Individual Differences*. Vol. 230. Art. 112795. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2024.112795>

СВЯЗЬ ТРЕВОЖНОСТИ ЛИЧНОСТИ С ПРЕДСТАВЛЕНИЯМИ О ГЕНДЕРНОМ РАВЕНСТВЕ И ОТЦОВСКОЙ ЗАБОТЕ У МОЛОДЕЖИ ДЕВЯТИ РЕГИОНОВ РОССИИ

Для цитирования:

Буркова В.Н., Бутовская М.Л.,
Войнова Р.А., Галимханов А.Б.,
Егорова А.И., Калининченко О.В.,
Колтун Г.Г., Кониева О.Н., Кудзиева Ф.С.,
Мантатова Н.В., Маштыков С.С.,
Милаева Т.В., Сподина В.И.

Связь тревожности личности с представ-
лениями о гендерном равенстве и отцов-
ской заботе у молодежи девяти регионов
России // Ученые записки Института пси-
хологии Российской академии наук. 2026.
Т. 6. № 1(18). С. 92-108.

DOI: 10.38098/proceedings_2026_06_01_9

Burkova V.N., Butovskaya M.L.,
Voynova R.A., Galimkhanov A.B.,
Egorova A.I., Kalinichenko O.V., Koltun G.G.,
Konieva O.N., Kudzieva F.S., Mantatova N.V.,
Mashtykov S.S., Milaeva T.V., Spodina V.I.

The relationship of anxiety with personal
ideas about gender equality and paternal care
among young people in nine regions of Russia.
Proceedings of the Institute of Psychology of
the Russian Academy of Sciences. 2026, Vol. 6,
No 1(18), Pp. 92-108.

DOI: 10.38098/proceedings_2026_06_01_9

Буркова В.Н.

Кандидат исторических наук, Центр кросс-культурной психологии
и этологии человека, Институт этнологии и антропологии РАН,
Москва, Россия,
burkovav@gmail.com; ORCID: 0000-0003-4777-0224

Бутовская М.Л.

Доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор,
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия
marina.butovskaya@gmail.com; ORCID: 0000-0002-5528-0519

Войнова Р.А.

Северо-Осетинский государственный университет
им. К.Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия
r-voynova@yandex.ru

Галимханов А.Б.

Кандидат юридических наук, доцент, Институт права,
Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия
alflaw@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0052-2912

Егорова А.И.

Кандидат психологических наук, доцент, Институт психологии, Северо-Восточный
федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Россия
aidaego@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7985-4134

Калининченко О.В.

Кандидат психологических наук, доцент, Дальневосточный Федеральный университет,
Владивосток, Россия
Kalynich1@mail.ru; ORCID: 0009-0001-9022-0298

Колтун Г.Г.

Кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, Приморский государственный аграрно-
технологический университет, Уссурийск, Россия
gulin77@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8458-5904

Кониева О.Н.

Кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, Калмыцкий государственный университет
им. Б.Б. Городовикова, Элиста, Россия
oksanakonieva@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6117-2354

Кудзиева Ф.С.

Кандидат социологических наук, доцент, Северо-Осетинский государственный университет
им. К.Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия
kudz-fatima@yandex.ru

Мантатова Н.В.

Доктор ветеринарных наук, профессор, Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова, Улан-Удэ, Россия
mannat75@yandex.ru; ORCID: 0009-0009-7873-5369

Маштыков С.С.

Кандидат биологических наук, доцент, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, Элиста, Россия
sanal2004@list.ru; ORCID: 0000-0003-0329-2013

Милаева Т.В.

Кандидат психологических наук, доцент, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН, Сыктывкар, Россия
tasha20012001@inbox.ru; ORCID: 0000-0002-1675-2915

Сподина В.И.

Доктор исторических наук, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск, Россия
vspodina@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6252-7831

Целью данного исследования стал сравнительный анализ взаимосвязи уровня тревожности личности с представлениями о гендерном равенстве и ретроспективе отцовской заботы у российской молодежи из девяти регионов России с учетом социодемографических факторов. Общая выборка составила 2443 человек (студенты различных ВУЗов из девяти регионов России). Анализ данных показал более высокую связь тревожности с социодемографическими факторами (пол, религиозность, регион проживания), чем с психологическими (отцовская забота и представления о гендерном равенстве), важное значение имел экономический фактор. Полученные результаты свидетельствуют о том, что трансформация традиционных семейных ценностей может негативно влиять на психологическое благополучие, причем женская часть населения оказывается наиболее уязвимой. Существенное значение в этом процессе имеют социокультурные детерминанты.

Ключевые слова: личная тревожность, ГТР-7, отцовская забота, равенство полов, кросс-культурные исследования, религия, семейный достаток, российская молодежь

Введение

Тревожные расстройства входят в число самых распространенных проблем психического здоровья в современном мире. По данным ВОЗ тревожными расстройствами на сегодняшний день страдает примерно 4,4% мирового населения¹. По данным НМИЦ психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского (2022), с подобными расстройствами в России ежегодно сталкивается порядка 8 миллионов человек (около 5,5% населения) (Алимова, 2025).

Симптомы социальной тревожности достигают максимума в подростковом возрасте, — периоде повышенной психологической уязвимости, связанной с нормативными изменениями в когнитивной, аффективной и социальной сферах. Несмотря на вклад обоих родителей в форми-

рование данной симптоматики, согласно одной из распространенных теоретических моделей, роль отцовского влияния является особенно значимой (Загвязинский, Чехонин, 2017; Howard, Oshri, Card et al., 2025). Современные исследования выделяют специфическое влияние отцов на качество воспитания, эмоциональный климат в семье, успешность ребенка в будущем (Калина, 2019; Diniz, Brandão, Monteiro, Veríssimo, 2021). При этом гиперконтроль со стороны родителей связан с повышенным уровнем социальной тревожности и дефицитом эмоциональной саморегуляции у детей (Garcia, Carlton, Richey, 2021). Способы и влияние отцовского участия в воспитании и на развитие ребенка не являются универсальными. Они детерминированы сложным взаимодействием множества факторов на индивидуальном,

¹ <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/anxiety-disorders>

социальном, культурном и экологическом уровнях (Буркова, Бутовская, Ермаков, и др., 2025a; Cabrera, Volling, Barr, 2018; Semenova, Figueredo, Tokumaru et al., 2024).

Помимо взаимоотношений с родителями важное значение имеет и структура семейных отношений, в том числе распределение ролей между членами семьи. Сегодня границы между мужскими и женскими ролями в семье и обществе становятся более гибкими: мужчины активнее участвуют в воспитании детей и домашних делах, а женщины чаще берут на себя традиционно мужские обязанности. В научной литературе отмечается, что в России наблюдается кризис отцовства, обусловленный глубокими изменениями в институте семьи, трансформацией мужской идентичности и переосмыслением роли власти (см. работы О.В. Ключко, И.С. Клециной, А.А. Ваньке, Т.Ю. Гулевич, С.В. Захарова, социологические и демографические исследования Росстата, НИУ ВШЭ, РАНХиГС). Любые трансформации в любом обществе сопровождаются повышением тревожности, исследования психологических реакций на глобальные вызовы показывают, что различные факторы психологической уязвимости могут играть большую роль в развитии стресса, включая переменные индивидуальных различий, такие как склонность к тревоге (беспокойству), нетерпимость к неопределенности, и другие личностные качества (Burkova, Butovskaya, Randall, Fedenok et al., 2021, 2022; Taylor, 2019).

Все эти факторы формируются под влиянием среды. Анализ литературы по кросс-культурным аспектам тревожных расстройств позволил выявить ряд культурно обусловленных этнопсихологических/этнофизиологических и контекстуальных факторов, влияющих на тревожные расстройства (Hofmann, Hinton, 2014). Первые включают представления человека о психических и телесных процессах (и их взаимодействии). Вторые связаны с социальными нормами и правилами, которые могут способствовать возникновению тревоги, включая степень индивидуализма/коллективизма и самовосприятие. Кросс-культурные и кросс-национальные исследования депрессии и тревоги с использованием самооценок показывают различия между странами, культурами и этническими группами (Буркова, Бутовская, Феденок и др., 2022;

Bredström, 2019; Burkova, Butovskaya, Randall, Fedenok et al., 2021, 2022; Wisner, Moses-Kolko, Sit, 2010). В данных исследованиях предпринимается попытка выявить, какие аспекты при оценке депрессии и тревоги могут быть независимыми от культуры или наоборот, специфическими (Canino, Alegria, 2008; Quintana, Ponce, Escudero-Pastén et al., 2024). Одним из универсальных факторов выделяют экономический. Согласно данным систематических обзоров, повышенный уровень распространенности расстройств психики и поведения наблюдается в странах с низким и средним уровнем дохода (Ridley, Rao, Schilbach, Patel, 2020).

В задачи нашего исследования входило выявление социодемографических и психометрических факторов, оказывающих влияние на уровень тревожности у современной российской молодежи из разных регионов страны.

Методы и процедура исследования

С целью оценки исследуемых показателей было проведено анкетирование студентов из девяти регионов России. Каждый из соавторов данной работы опрашивал респондентов в своем регионе. Протокол исследования утвержден Этическим комитетом Института этнологии и антропологии Российской академии наук (Протокол № 11 от 22.09.2022 г.) в соответствии с принятыми международными нормами. Все респонденты перед началом опроса давали письменное добровольное согласие. Заполнение занимало около 20 минут, участники не получали вознаграждения.

Общая выборка составила 2443 человек — студенты различных ВУЗов из следующих регионов России: Башкортостан, Бурятия, Калмыкия, Москва и Московская область, Республика Коми, Приморский край, Республика Северная Осетия-Алания, Ханты-Мансийский Автономный Округ, Якутия (табл. 1). Выбор регионов определялся техническими возможностями сотрудничества с коллегами из данных регионов и их доступом к сбору статистически значимой выборки.

Из участия в опросах исключались лица младше 18 лет и те, кто ответили утвердительно на вопрос о наличии хронического заболевания, в том числе тревожного расстройства и депрессии.

Таблица 1. Выборка исследования

РЕГИОН	Всего	ПОЛ		Средний возраст (станд. откл.)
		муж.	жен.	
БАШКОРТОСТАН	315	197	118	24,37 (±10,64)
БУРЯТИЯ	466	203	263	20,28 (±2,54)
КАЛМЫКИЯ	377	159	218	18,90 (±4,48)
МОСКВА И МОСК. ОБЛ.	257	65	190	22,24 (±8,62)
РЕСПУБЛИКА КОМИ	104	12	92	19,60 (±1,59)
ПРИМОРСКИЙ КРАЙ	425	170	255	20,53 (±2,98)
СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ	184	49	135	22,60 (±5,22)
ХМАО	128	28	100	31,07 (±13,47)
ЯКУТИЯ	160	38	122	21,13 (±0,42)
ВСЕГО	2443	930	1513	22,28 (±7,86)

Все респонденты заполняли демографическую анкету (пол, возраст, этничность, семейный статус, наличие и количество сиблингов, религиозная принадлежность и др.). Для выявления психометрических характеристик были использованы следующие опросники:

- Опросник Генерализованного Тревожного Расстройства (ГТР-7) в адаптированной русскоязычной версии (Золотарева, 2023; Spitzer R.L., Kroenke, Williams, Lowe, 2006), описывающий симптомы тревожности и ГТР на основе личных ощущений респондента в течение последних 14 дней. Сумма баллов дает представление об уровне тревоги: минимальный, легкий, умеренный, тяжелый. Показатель ≥ 10 баллов указывает на вероятный диагноз генерализованного тревожного расстройства. Коэффициент надежности альфа Кронбаха по этой шкале для наших данных составил 0,950.
- Короткая версия шкалы родительских усилий (*Parental Effort Scale*) (Cabeza De Baca, Figueredo, Ellis, 2021) — респондентам было предложено проанализировать и описать воспитательные методы, которые применяли к ним и сиблингам их отцы в детстве, оценить степень отцовского участия. Такой подход позволил собрать разносторонние данные о роли отца в семье через призму детских воспоминаний и текущих оценок взрослых детей. Отцовская забота оценивались в трех показателях: 1) *Ежедневная отцовская забота* (ежедневные родительские обязанности, такие как питание, гигиена, уход, здоровье, успеваемость) — альфа Кронбаха=0,785; 2) *Регулярная отцовская забота* (совместные прогулки, занятия спортом, знакомство отца с интересами ребенка, с кругом его друзей и учебой) — альфа Кронбаха=0,939; 3) *Вневременная отцовская*

забота (внимание и участие в воспитании, разговоры о событиях в мире, о личных переживаниях детей, о вреде наркотиков, обучение манерам, планирование карьеры и будущего) — альфа Кронбаха=0,928.

- Короткая версия опросника «Отношение к женщинам» (Spence, Helmreich, Stapp, 1973). Данная шкала служит отражением определенных культурных особенностей, связанных со стандартами мужского и женского поведения в социуме, местом женщины в семье и обществе. Сумма всех баллов формирует фактор «Равенство полов» (максимальные оценки соответствуют наиболее феминистским взглядам). Коэффициент надежности альфа Кронбаха составил 0,863.
- Для самооценки уровня семейного достатка была использована шкала экономических параметров, состоящая из 10 вопросов, из опросника «Ранние средовые влияния» в русскоязычной версии (Семенова, 2021), в которой респонденты отвечали на ряд вопросов о том, в каких условиях жили респонденты в детстве. Сумма всех баллов формирует фактор «Семейный достаток» (максимальные оценки соответствуют максимальному уровню бедности). Коэффициент надежности альфа Кронбаха составил 0,683.

Все данные были проанализированы с использованием статистической программы SPSS (версия 29.0) и программной среды Python.

Цель и гипотеза исследования. Цель исследования — проанализировать взаимосвязь уровня тревожности, представлений о гендерном равенстве и ретроспективе отцовской заботы у российской молодежи из различных регионов России с учетом социодемографических факторов. Влияние материнской заботы в данной работе не исследовалось.

В исследовании были сформулированы следующие гипотезы:

- женщины из всех регионов будут иметь более высокие оценки уровня тревожности, чем мужчины;
- регионы будут различаться по уровням тревожности и гендерного равенства;
- уровень тревожности будет различаться в зависимости от религиозной принадлежности;
- тревожность будет положительно связана с гендерным равенством;
- высокие оценки уровня тревожности будут иметь респонденты, описывающие отцовскую работу на более низком уровне;
- более тревожные респонденты будут из городской местности и из неполных семей;
- высокий уровень бедности будет положительно коррелировать с уровнем тревожности.

Результаты и их анализ

Результаты Обобщенной Линейной Модели (ОЛМ) одномерного дисперсионного анализа с зависимой переменной «тревожность» и набором независимых социодемографических переменных (регион, пол, возраст, количество сиблингов, место проживания, религиозная принадлежность (на основе самооценки), семейный статус родительской семьи (полная/в разводе)) показали наиболее значимый эффект пола и региона проживания респондента (табл. 2). Менее значимая связь обнаружена с религиозной принадлежностью и местом проживания респондента до 18 лет (в городе или в сельской местности) — сельские жители имели более высокий уровень тревожности по сравнению с городскими. Остальные факторы не показали значимой взаимосвязи с уровнем тревожности.

Таблица 2. Взаимосвязь уровня тревожности и социодемографических факторов

Независимые переменные	Степень свободы	F-критерий	Значимость	Частичная эта — квадрат
Регион	8	44,46	<0,001	0,146
Пол	1	103,79	<0,001	0,047
Возраст	50	0,992	не значимо	
Количество сиблингов	10	1,26	не значимо	
Место проживания (город — село)	2	3,25	0,039	0,003
Религиозная принадлежность	4	5,10	<0,001	0,010
Семейный статус	2	1,45	не значимо	

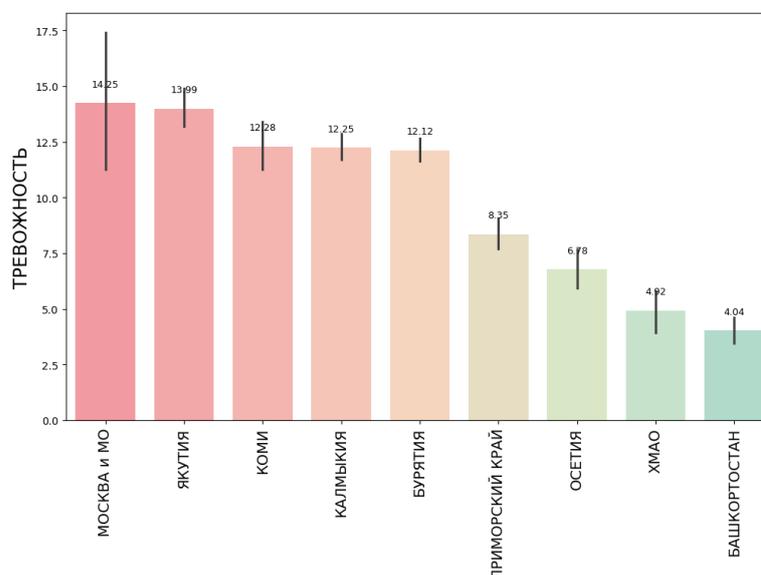

Рис. 1. Средние значения по шкале тревожности ГТР-7 в разных регионах

На представленной визуализации средних значений по шкале тревожность в исследованных регионах показано, что самые тревожные респонденты живут в Москве, Московской области и Республике Якутия (рис. 1), наименее тревожные — в Башкортостане и ХМАО. Во всех регионах женщины демонстрировали более высокие средние оценки тревоги, чем мужчины (муж. = 7,54; жен. = 10,85; t -критерий = -11,486; df = 2164; p < 0,001; Cohen's d = -0,497). Эти данные по половым отличиям согласуются с подавляющим большинством исследованных популяций (Таукенова и др., 2024; Burkova et al., 2021; Delgado-Herrera et al., 2024; Spitzer et al., 2006).

Результаты исследования, собранные нами в 2020 г. во время пандемии COVID-19, также показали наиболее высокие оценки тревожности ГТР-7 в Москве по сравнению с другими регионами. Однако новые данные по ХМАО отличаются от полученных ранее, во время эпидемии они были существенно выше по сравнению с другими регионами (Буркова, Бутовская и др., 2022). Тогда как в данном исследовании этот регион показывает один из наименьших уровней, снизившись с 5,89 до 4,92 баллов. Для Москвы, напротив, уровень тревожности вырос в 2 раза — по сравнению с пандемийными данными (7,19 в 2022 г. против 14,25 в 2025 г.). Другие авторы также сообщают о более высоком уровне тревожности в Москве

по сравнению с другими городами России (Таукенова и др., 2024). Повышенные показатели тревожности у москвичей, вероятно, объясняются совокупностью специфических стрессоров мегаполиса: ускоренным ритмом жизни, высокой конкуренцией на рынке труда, пробками и неблагоприятной экологической обстановкой. В ряде недавних работ также отмечались риски более высокого уровня тревоги внутри и вблизи крупнейших агломераций (Москва и Московская область в нашей выборке), в северных регионах (Якутия, Коми, Бурятия в нашей выборке, но не ХМАО), в слаборазвитых южных регионах (Zemtsov, Baburin, 2020).

При распределении данных по уровням тревожности (легкая ≥ 5 , умеренная — при ≥ 10 , тяжелая — при ≥ 15 ; показатель ≥ 10 указывает на вероятный диагноз ГТР) мы также наблюдаем значительное число респондентов, попадающих в группу с тяжелым уровнем тревожности — особенно в Якутии, Москве, Коми. Полученные данные вызывают определенные опасения в отношении психического здоровья молодежи. По сравнению с допандемийными данными, процент молодых людей с диагнозом ГТР вырос в период COVID-19, а к 2025 г. этот показатель стал еще выше. Так, в 2020 г. в Москве было 8,62% с тяжелым (высоким) уровнем ГТР-7 и 19,40% с умеренным (средним) (Буркова, Бутовская и др., 2022), а в 2025 г. мы имеем уже 33,3% и 41,7%, соответственно (рис. 2).

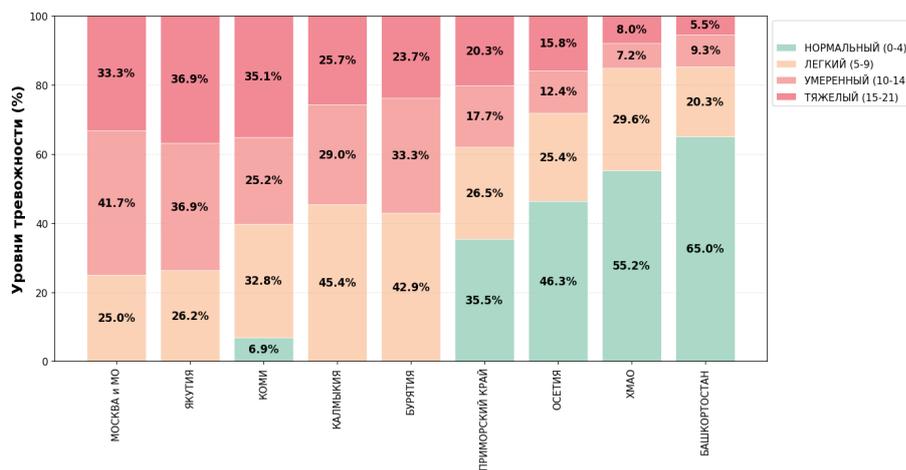

Рис. 2. Распределение (%) по уровням тревожности ГТР-7 в разных регионах

Далее был проведен анализ взаимосвязи фактора религиозности с уровнем тревожности. Выборка была представлена респондентами разных религиозных конфессий и неверующими: 38,1% — православные, 5,9% — ислам (преимущественно Башкортостан), 23,3% — буддизм (Калмыкия и Бурятия), 26,9% — атеизм/агностицизм, 5,8% — язычество (преимущественно Якутия и ХМАО).

Поскольку ОЛМ анализ (табл. 2) выявил значимую связь религиозных представлений и уровня тревожности респондентов, нами было визуализировано распределение средних значений по религиозным группам (рис. 3). Наиболее тревожными оказались буддисты, язычники и атеисты, тогда как православные и мусульмане характеризовались более низкими значениями (рис. 3).

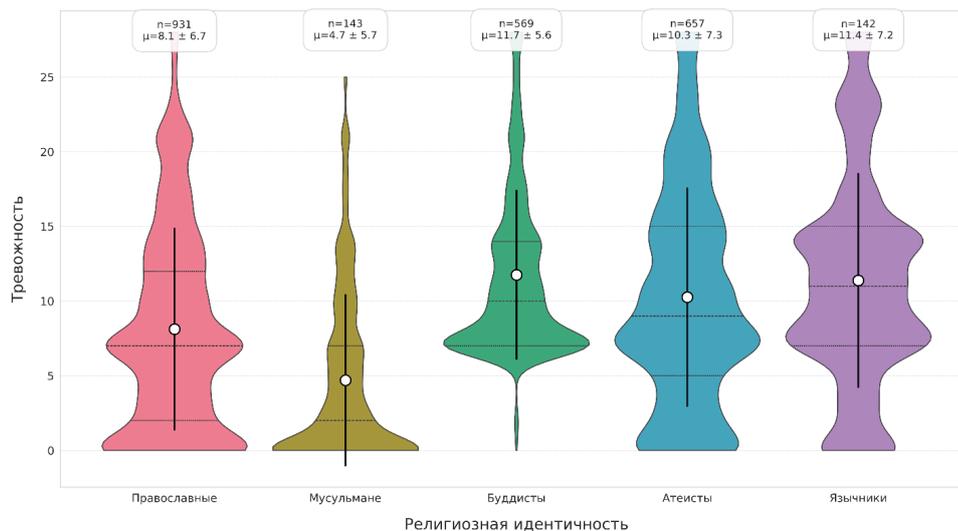

Рис. 3. Средние значения по шкале тревожности ГТР-7 в разных религиозных группах

Исследователи указывают, что приверженность религии относится к числу защитных факторов от нестабильности, включая семейные отношения. Несколько исследований показали, что религиозные убеждения положительно связаны с долголетием и отрицательно коррелируют с депрессивными симптомами (McCullough, Hoyt et al., 2000). Метаанализ взаимосвязи между религиозными/духовными убеждениями и депрессивными симптомами в 147 исследованиях показал отрицательную корреляцию между религиозными убеждениями и депрессивными симптомами (Smith, McCullough, Poll, 2003). В систематическом обзоре 2012 г. в котором анализировалась связь между религиозными и духовными убеждениями у подростков и молодых взрослых и широким спектром переменных, таких как благополучие, депрессия, расстройства личности и рискованное поведение, была обнаружена взаимосвязь высокого уровня религиозности и духовности с более низкими показателями симптомов депрессии (Yonker, Schnabelrauch, DeHaan, 2012).

Хотя религиозность и духовность связывают с положительными результатами в области психического здоровья у взрослых, существуют данные, свидетельствующие о том, что негативные аспекты религиозности связаны и с ухудшением психического здоровья (Aggarwal, Wright et al., 2023). Наши результаты в целом подтверждают положительные эффекты, однако высокий уро-

вень тревожности у буддистов из общей выборки «выбивается из теории» (поскольку язычество носит более поверхностный характер в исследованных регионах, мы склонны думать, что оценки по язычникам скорее соотносятся с результатами по атеистам). Важно отметить, что в исследовании оценивалась лишь субъективная оценка респондентов их принадлежности той или иной религии. Уровень религиозной вовлеченности участников исследования и их религиозных практик, степень их религиозности нами не измерялся, что может в перспективе дать более детальные результаты о взаимосвязи религиозной идентичности и личностных характеристик.

При анализе результатов по регионам общая тенденция сохранялась (в особенности в отношении высокого уровня тревожности у атеистов, за исключением ХМАО), но наблюдались некоторые различия (рис. 4). На рисунке 3 представлены только те религии, по которым было более 10 ответов по всем переменным. В регионах, где распространен буддизм (Бурятия, Калмыкия), приверженцы этой религии также имели более низкие показатели уровня тревожности, как мусульмане и православные в других регионах. Таким образом, данные по буддистам при отдельном анализе по регионам подтвердили данные, полученные ранее (Smith, McCullough, Poll, 2003; Yonker, Schnabelrauch, DeHaan, 2021).

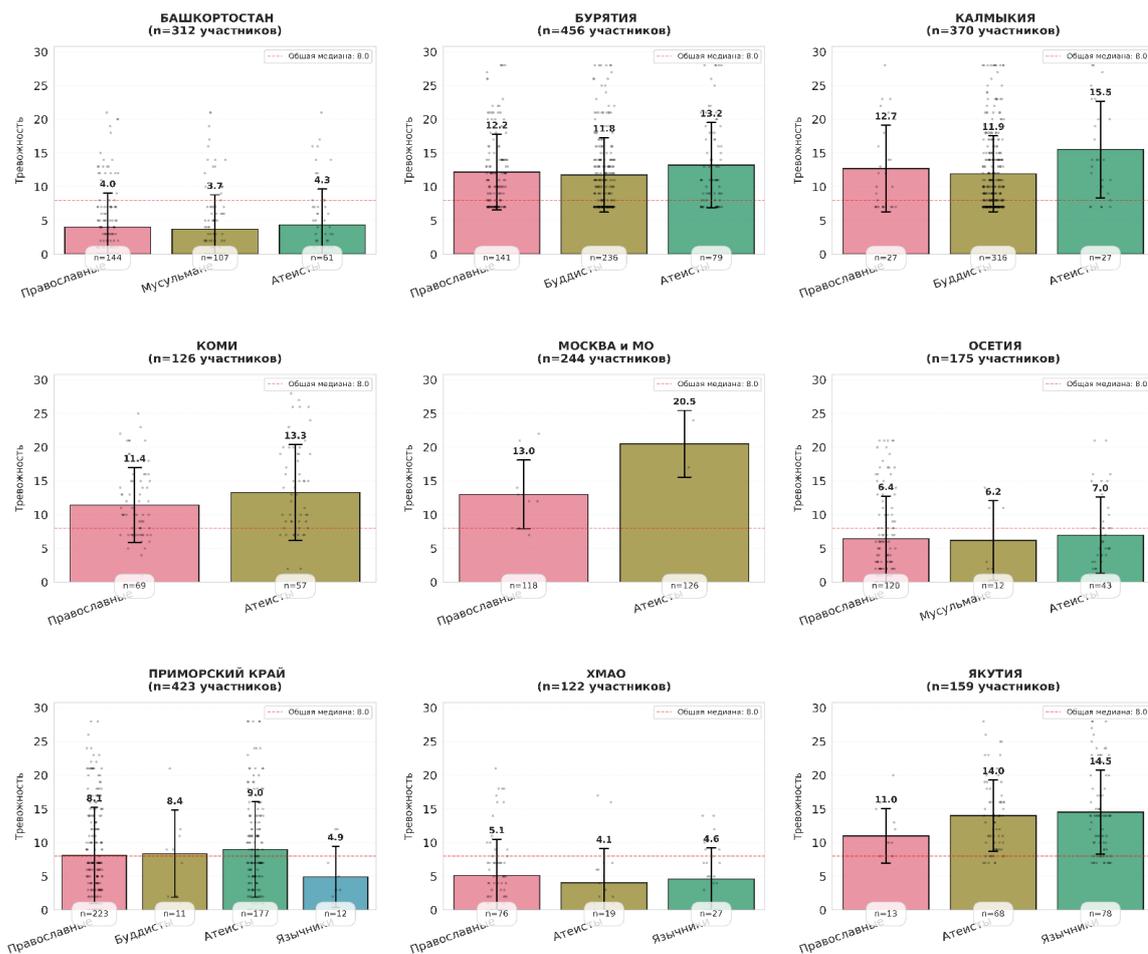

Рис. 4. Средние значения по шкале тревожности ГТР-7 в разных религиозных группах по регионам

Для проведения анализа влияния психометрических факторов на шкалу тревожности ГТР-7 был применен метод множественной линейной регрессии. Сила и направление влияния переменных на шкалу тревожности представлены в визуализированной структурной модели отдельно для мужчин и женщин (рис. 5, 6). Для обоих полов наиболее значимым фактором, ассоциированным с тревогой, являлся уровень семейного достатка — в нашем исследовании максимальные баллы по этому показателю отражали максимальный уровень бедности (рис. 5, 6). Таким образом, студенты, оценившие достаток своих семей в детстве как «бедный», имели более высокие показатели тревожности. Поскольку наши данные о семейном достатке носят субъективный ретроспективный характер, мы не можем оценить реальную степень достатка в семьях. Полученная связь имеет гипотетический характер, поэтому было бы не совсем корректно утверждать, что именно низкий уровень достатка в детстве приводит к повышению личной тревоги, очевидно, что это комплексный феномен. Однако, полученные результаты косвенно подтверждаются данными

из других стран — неравенство доходов связано с большим количеством проблем со здоровьем и более низким психологическим благополучием (King, Cai, Elliot, 2024; Sommet, Spini, 2022).

При более подробном рассмотрении региональных различий такая же взаимосвязь наблюдалась у мужчин из Бурятии ($\beta=0,192, p=0,007$), у мужчин и женщин из Приморского края ($\beta=0,184, p=0,026$; $\beta=0,205, p=0,002$), мужчин и женщин из Калмыкии ($\beta=0,261, p=0,001$; $\beta=0,121, p=0,015$), у женщин из Башкортостана ($\beta=0,219, p=0,030$), мужчин из Коми ($\beta=0,626, p=0,026$), женщин из ХМАО ($\beta=0,222, p=0,039$), мужчин из Якутии ($\beta=0,403, p=0,004$), женщин из Северной Осетии ($\beta=0,149, p=0,017$). Таким образом, экономический фактор являлся универсальным показателем.

При анализе общей выборки представления мужчин о ежедневной заботе со стороны их отца ассоциировались с высоким уровнем тревожности, причем высокий уровень тревоги наблюдался у тех респондентов, которые описывали больший уровень заботы со стороны отца (рис. 5). Никакие другие виды отцовской заботы значимо не связаны с показателями тревожности у респондентов.

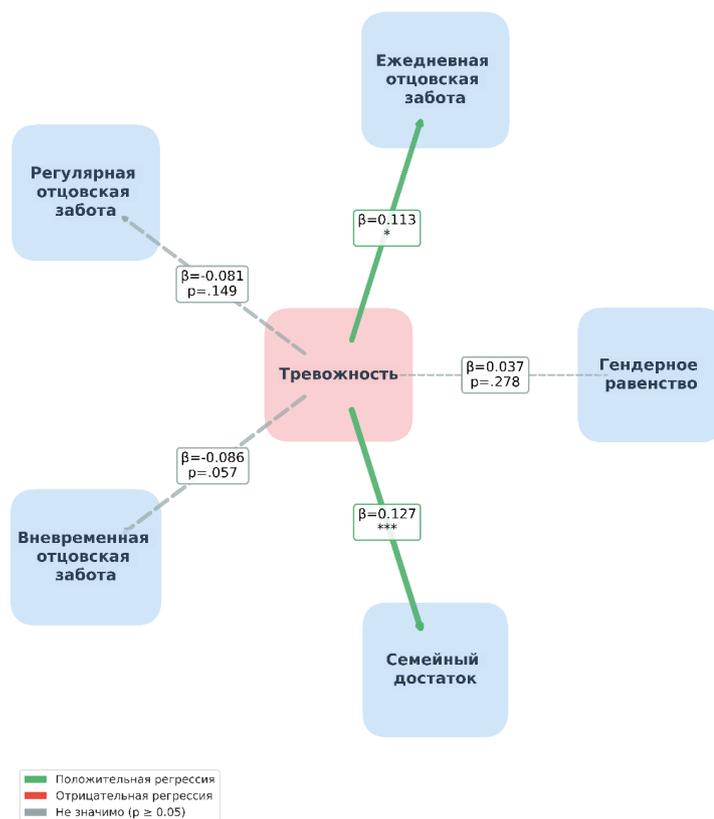

Рис. 5. Структурная модель: регрессионные связи между факторами (у мужчин)

При подробном рассмотрении региональных различий результаты были очень неоднозначны: положительная взаимосвязь тревожности с ежедневной заботой наблюдалась у мужчин из Якутии ($\beta=0,611$, $p=0,009$), отрицательная взаимосвязь тревожности с регулярной заботой у мужчин из Башкортостана ($\beta=-0,238$, $p=0,025$) и женщин из Якутии ($\beta=-0,370$, $p=0,045$). В других регионах данный показатель не оказывал значимого влияния, а полученные связи не имели высокой значимости, что скорее говорит о тенденциях. Однако, она подчеркивает важность участия отцов в воспитании ребенка и даже в развитии детской психопатологии.

В недавнем метаанализе на основе существующих исследований (в основном из Северной Америки и Европы, проведенных в период с 1981 по 2021 год — 70 выборок) была выявлена положительная и значимая связь между депрессией у отцов и детей, а также положительная и значимая связь между тревожностью у отца и ребенка (Tgeriak et al., 2023). Можно предположить, что такая связь опосредует поведение уже выросшего ребенка, однако полученные нами связи нестабильны и требуют дальнейшего изучения и увеличения выборки.

Возможно, разные аспекты отцовской заботы имеют разные, иногда противоположные эффекты, например, интенсивная ежедневная забота может восприниматься как контроль, гиперопека и дав-

ление, а регулярная, но более редкая — как более стабильная и предсказуемая. Большинство исследований сообщают о том, что небезопасные отношения привязанности между родителями и детьми (которые связаны с низкой родительской теплотой и чуткостью) значительно связаны с социальной тревожностью у детей (Manning, Dickson et al., 2017). В теоретических моделях также предполагалось, что отцы могут оказывать более значительное влияние на развитие социальной тревожности по сравнению с матерями (Bögels, Alden et al., 2010). Метаанализ 2025 года, показал, что только материнский контроль был уникально связан с усилением симптомов социальной тревожности подростков, тогда как отцовский контроль был незначимым (Howard, Oshri, Card et al., 2025). Определенно данный вопрос требует дальнейшего изучения, более детальной проверки и качественного подкрепления. Также мы не можем утверждать, что именно повышенная ежедневная отцовская забота привела к повышению тревожности респондента, очевидно, что это может быть лишь одна из составляющих.

Для женщин более высокий уровень тревожности были значимо связан с высоким уровнем гендерного равенства (рис. 6). У мужчин такой связи обнаружено не было. Это может объясняться тем, что женщины, выступающие за равенство между полами, чаще сталкиваются с социальным давлени-

ем, дискриминацией (Delgado-Herrera et al., 2024) или внутренним конфликтом полов в традиционном обществе. Российские исследователи отмечают большой гендерный разрыв в представлениях о равенстве полов. Мужчины и женщины в России демонстрируют разные идеологические взгляды на ценности гендерного равенства, что свидетельствует о наличии так называемой гендерной поляризации в обществе. Женщины склонны отдавать приоритет своим правам и интересам и стремятся

к самореализации в бизнесе и профессиях, тогда как мужчины не одобряют это стремление (Иванов, Козлов, 2021; Семенова, Буркова и др., 2025), что также может усиливать тревожность у женщин. В одном из недавних исследований, проведенном в Мексике была показана связь традиционных взглядов на гендерные роли с более низкими показателями тревожности и депрессии, в то время как нетрадиционные взгляды были связаны с более высоким уровнем депрессии (Delgado-Herrera et al., 2024).

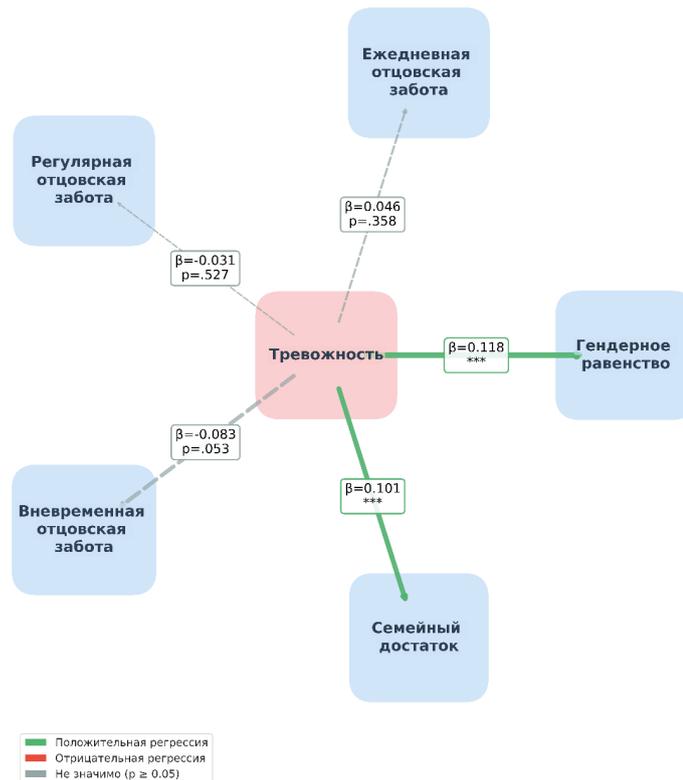

Рис. 6. Структурная модель: регрессионные связи между факторами (у женщин)

При более подробном рассмотрении региональных различий такая же взаимосвязь наблюдалась у женщин из Бурятии ($\beta=0,248$, $p=0,000$), женщин из Калмыкии ($\beta=0,138$, $p=0,045$), мужчин из Якутии ($\beta=0,321$, $p=0,031$). В данных регионах, несомненно являющимися более традиционными, более феминистские представления могут приводить к конфликту, и как следствие повышению тревожности, так как противоречат общепринятым нормам поведения женщины в семье и социуме.

Самые высокие оценки по гендерному равенству наблюдались в Москве (наиболее урбанизированный регион) и Республике Коми (преимущественно представлен русскими респондентами), самые традиционные установки — в преимущественно мусульманском Башкортостане, и буддистских Калмыкии и Бурятии (рис. 7). В Якутии

также фиксируются довольно профеминистские ответы, что, казалось бы, не типично для данного региона, однако исследователи отмечают, что в последние годы здесь характерными чертами становятся равноправие мужчин и женщин и браки по взаимному согласию (Брагина, 2021).

При этом, во всех регионах уровень гендерного равенства был выше у женщин (муж. = 68,04; жен. = 76,73; t-критерий = -17,700; $df=2441$; $p<0,001$; Cohen's $d=-0,738$). Эти данные согласуются с подавляющим большинством исследованных популяций: женщины в целом демонстрируют меньшее соответствие традиционным взглядам на гендерные роли (Буркова, Бутовская и др., 2025б; Семенова, Буркова и др., 2025; Burkova, Butovskaya et al., 2021; Delgado-Herrera et al., 2024; Spitzer et al., 2006).

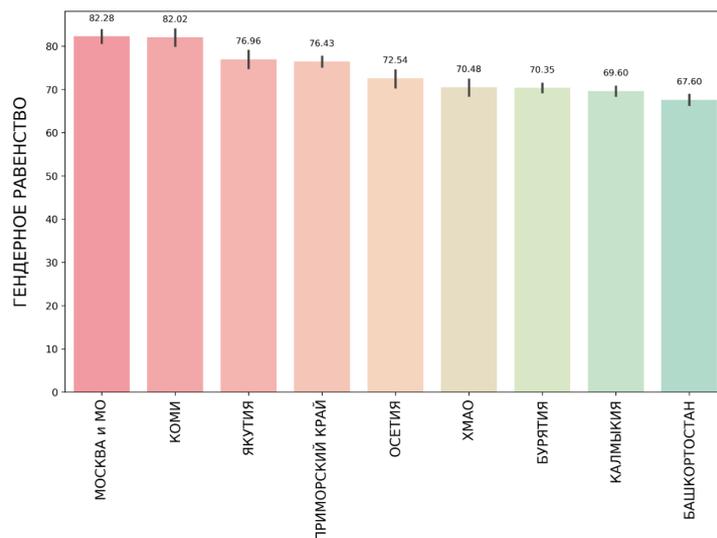

Рис. 7. Средние значения по шкале равенство полов в разных регионах

Принадлежность респондента к одной из религиозных конфессий была сопряжена с более умеренным отношением к проблеме равенства полов. Респонденты, считающие себя атеистами, демонстрировали в своих ответах наиболее радикальные взгляды идеалам гендерного равенства.

Схожие данные уже были получены нами в кросс-культурном исследовании распределения мужских и женских ролей у белорусов, болгар и русских (Семенова, Буркова и др., 2025) и тюркоязычных народов России (Буркова, Бутовская и др., 2025б).

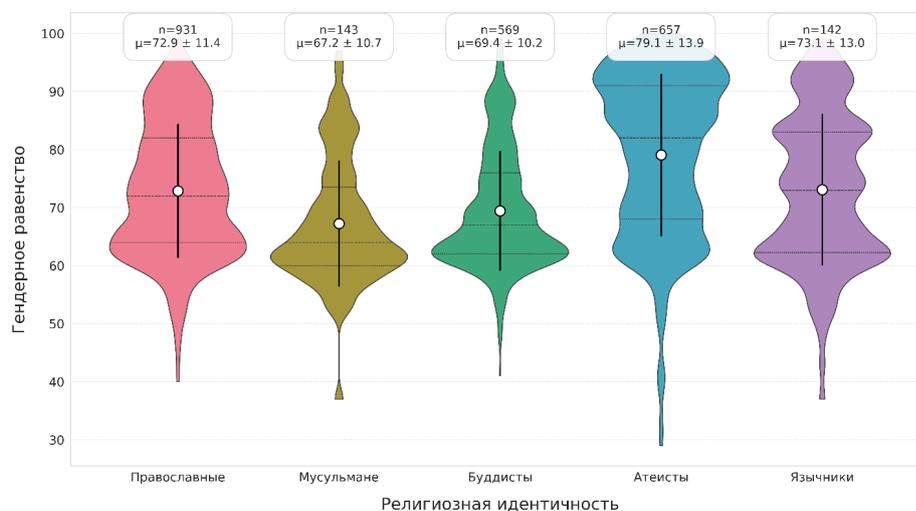

Рис. 8. Средние значения по шкале Гендерное равенство в разных религиозных группах

Заключение

В данном исследовании не устанавливалась причинно-следственная связь полученных корреляций между факторами и психологическими характеристикам. Мы не можем утверждать, что, например, именно низкий достаток в семьях или гиперопека со стороны отца в прошлом привели к повышению личной тревожности респондента в настоящем, однако полученные взаимосвязи указывают на комплексное влияние разных факторов на личностные характеристики и важность

их более подробного исследования в лонгитюдных или экспериментальных условиях.

Несмотря на большой размер выборки, исследование имеет ряд ограничений. Регионы отбирались по принципу доступности сбора материала, что несколько ограничивает возможность генерализации выводов на всю российскую молодежь. В дальнейшей работе мы планируем расширять «географию» нашего исследования, что позволит устранить этот недостаток. В исследуемой выборке преобладает количество женщин (1513

против 930 мужчин), что является классической проблемой для количественных исследований — женщины с большей охотой участвуют в различного вида опросах. Данное обстоятельство требует осторожности в интерпретации гендерных различий, и в регионах, где мужчин опрошено существенно меньше. В данном случае скорее следует говорить о тенденциях.

Экономический фактор («Семейный достаток») так же, как и «Отцовская забота» измерялись как субъективная ретроспективная оценка детства, что может быть результатом искажения памяти. Религиозность измерена как субъективная оценка самого респондента и отражает формальную принадлежность человека к той или иной вере. Таким образом, мы не можем оценить реальную степень его религиозной вовлеченности или религиозных практик.

Выводы

В исследовании был проведен анализ взаимосвязи уровня тревожности с представлениями о гендерном равенстве и ретроспективе отцовской заботы у российской молодежи из различных регионов России. Было показано, что уровень тревожности больше взаимосвязан с социодемографическими факторами (пол, религиозная принадлежность, регион), чем психологическими (отцовская забота и представления о гендерном равенстве), важное значение имел экономический фактор.

Наша гипотеза о том, что женщины из всех регионов будут иметь более высокие показатели тревожности, чем мужчины, полностью подтвер-

дилась и соответствует предыдущим исследованиям. Регионы различались по уровням тревожности и гендерного равенства, и эти различия были обусловлены экономическими причинами и религиозной идентификацией. Низкий уровень тревоги и более традиционные взгляды на гендерное равенство демонстрировали приверженцы разных конфессий (православные, мусульмане и буддисты) в сравнении с атеистами. Повышенная тревожность также была характерна для женщин, имеющих более феминистские взгляды, тогда как у мужчин данной взаимосвязи обнаружено не было.

Наиболее важным фактором, влияющим на тревожность, был семейный достаток родительской семьи. Дети, выросшие в бедных семьях, имели более высокие показатели тревожности. При этом более тревожными были респонденты, выросшие в сельской местности. Связь тревожности с представлениями об отцовской заботе имела противоречивый характер и требует дальнейших исследований.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что трансформация традиционных семейных ценностей может негативно влиять на психологическое благополучие. Существенное значение в этом процессе имеют социокультурные детерминанты. Наши данные согласуются с предыдущими исследованиями, которые показывают, что люди, придерживающиеся традиционных убеждений в одной области, вероятно, будут придерживаться аналогичных взглядов и в других социальных сферах (Scarborough et al., 2019).

Литература:

- Алимова З.Ф.К. Современные подходы к лечению депрессии и тревожных расстройств: роль нейрофармакологии, психотерапии и инновационные методы // Биология и интегративная медицина. 2025. № 73. С. 423–430.
- Брагина Д.Г. О проблеме отцовства в современной якутской семье // The Scientific Heritage. 2021. Т. 3. № 75. С. 62–64.
- Буркова В.Н., Бутовская М.Л., Феденок Ю.Н., Ермаков А.М., Колодкин В.А., Сподина В.И., Зинурова Р.И. Тревожность и агрессия во время COVID-19: на примере четырех регионов России // Сибирские исторические исследования. 2022. № 2. С. 132–158. DOI: 10.17223/2312461X/36/8
- Буркова В.Н., Бутовская М.Л., Ермаков А.М., Галимханов А.Б., Егорова А.И., Зинурова Р.И., Калиниченко О.В., Колтун Г.Г., Кониева О.Н., Мантатова Н.В., Маитыков С.С., Милаева Т.В., Сподина В.И. Представления студентов об отцовском вкладе (данные по 10 регионам России) // Сибирские исторические исследования. 2025а. № 2. С. 224–249. DOI: 10.17223/2312461X/48/11
- Буркова В.Н., Бутовская М.Л., Семенова О.В., Амиргалина Г.Т., Галимханов А.Б., Егорова А.И., Зинурова Р.И. Мужские и женские роли у современной молодежи тюркоязычных народов (башкиры, казахи, татары и якуты) // Этнография. 2025б. Т. 2. № (28). С. 90–121. DOI: 10.31250/2618-8600-2025-2(28)-90-121
- Загвязинский В.И., Чехонин А.Д. Воспитательный потенциал отцовства: концептуальные основания исследования и поддержки // Образование и наука. 2017. Т. 19. № 10. С. 106–127. DOI: 10.17853/1994-5639-2017-10-111-132
- Золотарева А.А. Адаптация русскоязычной версии шкалы генерализованного тревожного расстройства (Generalized Anxiety Disorder-7) // Консультативная психология и психотерапия. 2023. Т. 31. № 4. С. 31–46. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2023310402>

- Иванов А. В., Козлов В. Е. Социокультурные аспекты гендерного конфликта в радикальных сетевых сообществах Рунета (по материалам полевого исследования) // Казанский педагогический журнал. 2021. Т. 4. № 147. С. 264–270. DOI: 10.51379/KPJ.2021.148.4.036
- Калина И. А. Отцовство как психологический феномен. Обзор современной зарубежной литературы // Современная зарубежная психология. 2019. Т. 8. № 4. С. 49–56. DOI: 10.17759/jmfp.2019080405
- Семенова О. В. Кросснациональный количественный анализ отцовского вклада и уровня заботы в современных постиндустриальных обществах на примере России, США и Бразилии; дис. на соискание степени канд. ист. наук. М., 2021.
- Семенова О. В., Буркова В. Н., Бутовская М. Л., Ермаков А. М., Каспарова Е. Н., Калинин О. В., Стоянова С. Мужские и женские роли в представлении белорусов, болгар и русских // Журнал фронтирных исследований. 2025. Т. 1. № 10. С. 120–149. DOI: 10.46539/jfs.v10i1.607
- Таукенова Л. М., Берова Д. М., Юсупова К. Т., Мамиева А. П. Сравнительный анализ уровней тревожности у современного молодого населения разных городов России // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2024. № 5. С. 132–135.
- Aggarwal S., Wright J., Morgan A., Patton G., Reavley N. Religiosity and spirituality in the prevention and management of depression and anxiety in young people: a systematic review and meta-analysis // BMC psychiatry. 2023. Vol. 23. No 729. DOI: 10.1186/s12888-023-05091-2
- Bögels S.M., Alden L., Beidel D.C., Clark L.A., Pine D.S., Stein M.B., Voncken M. Social anxiety disorder: Questions and answers for the DSM–V // Depression and Anxiety. 2010. Vol. 27. № 2. P. 168–189. DOI: 10.1002/da.20670
- Bredström A. Culture and context in mental health diagnosing: Scrutinizing the DSM-5 revision // Journal of Medical Humanities. 2019. Vol. 40. № 3. P. 347–363. DOI: 10.1007/s10912-017-9501-1
- Burkova V.N., Butovskaya M.L., Randall A.K., Fedenok J.N., et al. Predictors of Anxiety in the COVID-19 Pandemic from a Global Perspective: Data from 23 countries // Sustainability. 2021. Vol. 13(7). Art. 4017. DOI: 10.3390/su13074017
- Burkova V.N., Butovskaya M.L., Randall A.K., Fedenok J.N., et al. Factors Associated with Highest Symptoms of Anxiety During COVID-19: Cross-Cultural Study of 23 Countries // Frontiers in Psychology. 2022. Vol. 13. Art. 805586. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.805586
- Cabeza De Baca T., Figueredo A.J., Ellis B.J. An evolutionary analysis of variation in parental effort: Determinants and assessment // Parenting. 2012. Vol. 12. P. 94–104. DOI: 10.1080/15295192.2012.680396
- Cabrera N., Volling B., Barr R. Fathers are parents, too! Widening the lens on parenting for children’s development // Child Development Perspectives. 2018. Vol. 112. P. 152–157. DOI: 10.1111/cdep.12275
- Canino G., Alegria M. Psychiatric diagnosis—is it universal or relative to culture? // Journal of Child Psychology and Psychiatry. 2008. Vol. 49(3). P. 237–250. DOI: 10.1111/j.1469-7610.2007.01854.x
- Delgado-Herrera M., Aceves-Gómez A.C., Reyes-Aguilar A. Relationship between gender roles, motherhood beliefs and mental health // PLoS One. 2024. Vol. 19(3). Art. e0298750. DOI: 10.1371/journal.pone.0298750
- Diniz E., Brandão T., Monteiro L., Veríssimo M. Father involvement during early childhood: A systematic review of the literature // Journal of Family Theory & Review. 2021. Vol. 13(1). P. 77–99. DOI: 10.1111/jftr.12410
- Garcia K.M., Carlton C.N., Richey J.A. Parenting characteristics among adults with social anxiety and their influence on social anxiety development in children: A brief integrative review // Frontiers in Psychiatry. 2021. Vol. 12. Art. 614318. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.614318
- Hofmann S.G., Hinton D.E. Cross-Cultural Aspects of Anxiety Disorders // Current Psychiatry Report. 2014. Vol. 16. № 450. DOI: 10.1007/s11920-014-0450-3
- Howard C.J., Oshri A., Card N. et al. Perceived Mother and Father Parenting and Adolescent Social Anxiety Symptoms: A Meta-Analysis // Adolescent Research Review. 2025. DOI: 10.1007/s40894-025-00268-0
- King R.B., Cai Y., Elliot A.J. Income inequality is associated with heightened test anxiety and lower academic achievement: A cross-national study in 51 countries // Learning and Instruction. 2024. Vol. 89. Art. 101825. DOI: 10.1016/j.learninstruc.2023.101825
- Manning R.P., Dickson J.M., Palmier-Claus J., Cunliffe A., Taylor P.J. A systematic review of adult attachment and social anxiety // Journal of Affective Disorders. 2017. Vol. 211. P. 44–59. DOI: 10.1016/j.jad.2016.12.020
- McCullough M.E., Hoyt W.T., Larson D.B., Koenig H.G., Thoresen C. Religious involvement and mortality: a meta-analytic review // Health Psychology. 2000. Vol. 19. P. 211–222. DOI: 10.1037//0278-6133.19.3.211
- Quintana G.R., Ponce F.P., Escudero-Pastén J.I., et al. Cross-cultural validation and measurement invariance of anxiety and depression symptoms: A study of the Brief Symptom Inventory (BSI) in 42 countries // Journal of Affective Disorders. 2024. Vol. 350. P. 991–1006. DOI: 10.1016/j.jad.2024.01.127

- Ridley M., Rao G., Schilbach F., Patel V. Poverty, depression, and anxiety: Causal evidence and mechanisms // *Science*. 2020. Vol. 370. Art. eaay0214. DOI: 10.1126/science.aay0214
- Scarborough W.J., Sin R., Risman B. Attitudes and the Stalled Gender Revolution: Egalitarianism, Traditionalism, and Ambivalence from 1977 through 2016 // *Gender and Society*. 2019. Vol. 33. P. 173–200. DOI: 10.1177/089124321880960
- Semenova O., Figueredo A.J., Tokumaru R.S., Defelipe R., Lucci T.K., Salmon C., ... & Bytovskaya M. Evolutionary adaptation perspectives on childcare with references to life history plasticity in the modern world: Brazil, Russia, and the USA // *Adaptive Human Behavior and Physiology*. 2024. Vol. 10(2). P. 148–181. DOI: 10.1007/s40750-024-00241-6
- Smith T.B., McCullough M.E., Poll J. Religiousness and depression: evidence for a main effect and the moderating influence of stressful life events // *Psychological Bulletin*. 2003. Vol. 129. P. 614–636. DOI: 10.1037/0033-2909.129.4.614
- Sommet N., Spini D. Financial scarcity undermines health across the globe and the life course // *Social science & medicine*. 2022. Vol. 292. Art. 114607. DOI: 10.1016/j.socscimed.2021.114607
- Spence J.T., Helmreich R., Stapp J. A Short Version of the Attitudes toward Women Scale (AWS) // *Bulletin of the Psychonomic Society*. 1973. Vol. 2(4). P. 219–220.
- Spitzer R.L., Kroenke K., Williams J.B.W., Lowe B. A brief measure for assessing generalized anxiety disorder // *Archives of internal medicine*. 2006. Vol. 166. P. 1092–1097.
- Taylor S. Treating anxiety sensitivity in adults with anxiety and related disorders // *The clinician's guide to anxiety sensitivity treatment and assessment*. Academic Press. 2019. P. 55–75. DOI: 10.1016/B978-0-12-813495-5.00004-8
- Trepiak P., Trepiak T., Guérin-Marion C., Kristen A., Deneault A.-A. A systematic review and meta-analysis of the associations between father and child anxiety and depression // *Psychology of Men & Masculinities*. 2023. Vol. 24(4). P. 325–345. DOI: 10.1037/men0000413
- Wisner K.L., Moses-Kolko E.L., Sit D.K. Postpartum depression: a disorder in search of a definition // *Archives of women's mental health*. 2010. Vol. 13(1). P. 37–40. DOI: 10.1007/s00737-009-0119-9
- Yonker J.E., Schnabelrauch C.A., DeHaan L.G. The relationship between spirituality and religiosity on psychological outcomes in adolescents and emerging adults: A meta-analytic review // *Journal of Adolescence*. 2012. Vol. 35(2). P. 299–314. DOI: 10.1016/j.adolescence.2011.08.010
- Zemtsov S.P., Baburin V.L. Risks of morbidity and mortality during the COVID-19 pandemic in Russian regions // *Population and economics*. 2020. Vol. 4(2). P. 158–181. DOI: 10.3897/popecon.4.e54055

THE RELATIONSHIP OF ANXIETY WITH PERSONAL IDEAS ABOUT GENDER EQUALITY AND PATERNAL CARE AMONG YOUNG PEOPLE IN NINE REGIONS OF RUSSIA

©Valentina N. Burkova

PhD (History), Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
burkovav@gmail.com; ORCID: 0000-0003-4777-0224

©Marina N. Butovskaya

Dr. Sciences (History), Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
marina.butovskaya@gmail.com; ORCID: 0000-0002-5528-0519

©Roksana A. Voynova

North Ossetian State University after K.L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russia
r-voinova@yandex.ru

©Azat B. Galimkhanov

PhD (Legal Sciences), Associate Professor, Institute of Law,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia
alflaw@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0052-2912

©**Aida I. Egorova**

PhD (Psychology), Associate Professor, Institute of Psychology, North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia
aidaego@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7985-4134

©**Olga V. Kalinichenko**

PhD (Psychology), Associate Professor, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
Kalynich1@mail.ru; ORCID: 0009-0001-9022-0298

©**Guli G. Koltun**

PhD (Agricultural Sciences), Associate Professor, Primorsky State Agrarian-Technological University, Ussuriysk, Russia
gulin77@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8458-5904

©**Oksana N. Konieva**

PhD (Agricultural Sciences), Associate Professor, Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Elista, Russia
oksanakonieva@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6117-2354

©**Fatima S. Kudzieva**

PhD (Sociology), Associate Professor, North Ossetian State University after K.L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russia, kudz-fatima@yandex.ru

©**Natalia V. Mantatova**

Dr. Sciences (Veterinary Medicine), Professor, Buryat State Academy of Agriculture named after V.R. Philippov, Ulan-Ude, Russia
mannat75@yandex.ru; ORCID: 0009-0009-7873-5369

©**Sanal S. Mashtykov**

PhD (Biology), Associate Professor, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russia
sanal2004@list.ru; ORCID: 0000-0003-0329-2013

©**Tatiana V. Milaeva**

PhD (Psychology), Associate Professor, Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Centre of the Ural Branch of the RAS, Syktyvkar, Russia
tasha20012001@inbox.ru; ORCID: 0000-0002-1675-2915

©**Victoriya I. Spodina**

Dr. Sciences (History), Ob-Ugric institute of applied researches and development, Khanty-Mansiysk, Russia
vspodina@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6252-7831

Any transformation in any society is accompanied by increased anxiety. The aim of this study is a comparative analysis of the relationship between self-assessments of personal anxiety, perceptions of gender equality, and perceived paternal care among young Russians from nine regions including sociodemographic factors. The total sample consisted of 2,443 students from various universities in nine regions. Data analysis revealed that anxiety was more strongly influenced by sociodemographic factors (gender, religious affiliation, and region) than by psychological factors (paternal care and perceptions of gender equality). The economic factor also played a significant role. These results suggest that the transformation of traditional family values can negatively impact psychological well-being, with women being particularly vulnerable. Sociocultural determinants also play a significant role in this process.

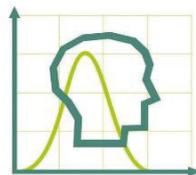
Keywords: anxiety, GAD-7, father care, gender equality, cross-cultural research, religion, family wealth, Russian youth

REFERENCES

- Alimova Z.F.K.* (2025). Modern approaches to the treatment of depression and anxiety disorders: the role of neuropharmacology, psychotherapy and innovative methods // *Biology and Integrative Medicine*. № 73. P. 423–430.
- Bragina D.G.* (2021). On the problem of fatherhood in a modern Yakut family // *The Scientific Heritage*. Vol. 3. № 75. P. 62–64.
- Burkova V.N., Butovskaya M.L., Fedenok J.N., Ermakov A.M., Kolodkin V.A., Spodina V.I., Zinurova R.I.* (2022). Anxiety and aggression during COVID-19: on example of four regions of Russia // *Siberian Historical Research*. № 2. P. 132–158.
- Burkova V.N., Butovskaya M.L., Ermakov A.M., Galimkhanov A.B., Egorova A.I., Zinurova R.I., Kalinichenko O.V., Koltun G.G., Konieva O.N., Mantatova N.V., Mashtykov S.S., Milaeva T.V., Spodina V.I.* (2025a). Students' Perceptions of Paternal Investments (Data from 10 Regions of Russia) // *Siberian Historical Research*. № 2. P. 224–249.
- Burkova V., Butovskaya M., Semenova O., Amirgalina G., Galimkhanov A., Egorova A., Zinurova R.* (2025b). Male and Female Roles among Modern Youth of Turkic-Speaking Populations (Bashkirs, Kazakhs, Tatars, and Yakuts) // *Etnografica*. № 2(28). P. 90–121.
- Zagvyazinsky V.I., Chekhonin A.D.* (2017). The educational potential of fatherhood: Conceptual bases of research and support // *The Education and Science Journal*. № 10(19). P. 106–127.
- Zolotareva A.A.* (2023). Adaptation of the Russian version of the Generalized Anxiety Disorder-7 // *Counseling Psychology and Psychotherapy*. № 31(4). P. 31–46.
- Ivanov A.V., Kozlov V.E.* (2021). Sociocultural Aspects of Gender Conflict in Radical Network Communities of Runet (Based on Field Research) // *Kazan Pedagogical Journal*. № 4(147). P. 264–270.
- Kalina I.A.* (2019). Fatherhood as a psychological phenomenon. Review of modern foreign literature // *Journal of Modern Foreign Psychology*. Vol. 8(4). P. 49–56.
- Semenova O.V.* (2021). Cross-national quantitative analysis of paternal contribution and level of care in modern post-industrial societies on the example of Russia, the USA and Brazil. PhD (History) diss. Moscow.
- Semenova O., Burkova V., Butovskaya M., Ermakov A., Kasparova E., Kalinichenko O., Stoyanova S.* (2025). Male and Female Roles in the Perception of Young People Among Belarusians, Bulgarians, and Russians // *Journal of Frontier Studies*. № 1(10). P. 120–149.
- Taukenova L.M., Berova D.M., Yusupova K.T., Mamieva A.R.* (2024). Comparative analysis of anxiety levels in the modern young population of different cities of Russia // *Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research*. № 5. P. 132–135.
- Aggarwal S., Wright J., Morgan A., Patton G., Reavley N.* (2023). Religiosity and spirituality in the prevention and management of depression and anxiety in young people: a systematic review and meta-analysis // *BMC psychiatry*. Vol. 23. No 729. DOI: 10.1186/s12888-023-05091-2
- Bögels S.M., Alden L., Beidel D.C., Clark L.A., Pine D.S., Stein M.B., Voncken M.* (2010). Social anxiety disorder: Questions and answers for the DSM–V // *Depression and Anxiety*. Vol. 27. № 2. P. 168–189. DOI: 10.1002/da.20670
- Bredström A.* (2019). Culture and context in mental health diagnosing: Scrutinizing the DSM-5 revision // *Journal of Medical Humanities*. Vol. 40. № 3. P. 347–363. DOI: 10.1007/s10912-017-9501-1
- Burkova V.N., Butovskaya M.L., Randall A.K., Fedenok J.N., et al.* (2021). Predictors of Anxiety in the COVID-19 Pandemic from a Global Perspective: Data from 23 countries // *Sustainability*. Vol. 13(7). Art. 4017. DOI: 10.3390/su13074017
- Burkova V.N., Butovskaya M.L., Randall A.K., Fedenok J.N., et al.* (2022). Factors Associated with Highest Symptoms of Anxiety During COVID-19: Cross-Cultural Study of 23 Countries // *Frontiers in Psychology*. Vol. 13. Art. 805586. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.805586
- Cabeza De Baca T., Figueredo A.J., Ellis B.J.* (2012). An evolutionary analysis of variation in parental effort: Determinants and assessment // *Parenting*. Vol. 12. P. 94–104. DOI: 10.1080/15295192.2012.680396
- Cabrera N., Volling B., Barr R.* (2018). Fathers are parents, too! Widening the lens on parenting for children's development // *Child Development Perspectives*. Vol. 112. P. 152–157. DOI: 10.1111/cdep.12275

- Canino G., Alegría M. (2008). Psychiatric diagnosis—is it universal or relative to culture? // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. Vol. 49(3). P. 237–250. DOI: 10.1111/j.1469-7610.2007.01854.x
- Delgado-Herrera M., Aceves-Gómez A. C., Reyes-Aguilar A. (2024). Relationship between gender roles, motherhood beliefs and mental health // *PLoS One*. Vol. 19(3). Art. e0298750. DOI: 10.1371/journal.pone.0298750
- Diniz E., Brandão T., Monteiro L., Veríssimo M. (2021). Father involvement during early childhood: A systematic review of the literature // *Journal of Family Theory & Review*. Vol. 13(1). P. 77–99. DOI: 10.1111/jftr.12410
- García K.M., Carlton C.N., Richey J.A. (2021). Parenting characteristics among adults with social anxiety and their influence on social anxiety development in children: A brief integrative review // *Frontiers in Psychiatry*. Vol. 12. Art. 614318. DOI: 10.3389/fpsy.2021.614318
- Hofmann S.G., Hinton D.E. (2014). Cross-Cultural Aspects of Anxiety Disorders // *Current Psychiatry Report*. Vol. 16. № 450. DOI: 10.1007/s11920-014-0450-3
- Howard C.J., Oshri A., Card N. et al. (2025). Perceived Mother and Father Parenting and Adolescent Social Anxiety Symptoms: A Meta-Analysis // *Adolescent Research Review*. DOI: 10.1007/s40894-025-00268-0
- King R.B., Cai Y., Elliot A.J. (2024). Income inequality is associated with heightened test anxiety and lower academic achievement: A cross-national study in 51 countries // *Learning and Instruction*. Vol. 89. Art. 101825. DOI: 10.1016/j.learninstruc.2023.101825
- Manning R.P., Dickson J.M., Palmier-Claus J., Cunliffe A., Taylor P.J. (2017). A systematic review of adult attachment and social anxiety // *Journal of Affective Disorders*. Vol. 211. P. 44–59. DOI: 10.1016/j.jad.2016.12.020
- McCullough M.E., Hoyt W.T., Larson D.B., Koenig H.G., Thoresen C. (2000). Religious involvement and mortality: a meta-analytic review // *Health Psychology*. Vol. 19. P. 211–222. DOI: 10.1037//0278-6133.19.3.211
- Quintana G.R., Ponce F.P., Escudero-Pastén J.I., et al. (2024). Cross-cultural validation and measurement invariance of anxiety and depression symptoms: A study of the Brief Symptom Inventory (BSI) in 42 countries // *Journal of Affective Disorders*. Vol. 350. P. 991–1006. DOI: 10.1016/j.jad.2024.01.127
- Ridley M., Rao G., Schilbach F., Patel V. (2020). Poverty, depression, and anxiety: Causal evidence and mechanisms // *Science*. Vol. 370. Art. eaay0214. DOI: 10.1126/science.aay0214
- Scarborough W.J., Sin R., Risman B. (2019). Attitudes and the Stalled Gender Revolution: Egalitarianism, Traditionalism, and Ambivalence from 1977 through 2016 // *Gender and Society*. Vol. 33. P. 173–200. DOI: 10.1177/089124321880960
- Semenova O., Figueredo A.J., Tokumaru R.S., Defelipe R., Lucci T.K., Salmon C., ... & Bytovskaya M. (2024). Evolutionary adaptation perspectives on childcare with references to life history plasticity in the modern world: Brazil, Russia, and the USA // *Adaptive Human Behavior and Physiology*. Vol. 10(2). P. 148–181. DOI: 10.1007/s40750-024-00241-6
- Smith T.B., McCullough M.E., Poll J. (2003). Religiousness and depression: evidence for a main effect and the moderating influence of stressful life events // *Psychological Bulletin*. Vol. 129. P. 614–636. DOI: 10.1037/0033-2909.129.4.614
- Sommet N., Spini D. (2022). Financial scarcity undermines health across the globe and the life course // *Social science & medicine*. Vol. 292. Art. 114607. DOI: 10.1016/j.socscimed.2021.114607
- Spence J.T., Helmreich R., Stapp J. (1973). A Short Version of the Attitudes toward Women Scale (AWS) // *Bulletin of the Psychonomic Society*. Vol. 2(4). P. 219–220.
- Spitzer R.L., Kroenke K., Williams J.B.W., Lowe B. (2006). A brief measure for assessing generalized anxiety disorder // *Archives of internal medicine*. Vol. 166. P. 1092–1097.
- Taylor S. (2019). Treating anxiety sensitivity in adults with anxiety and related disorders // *The clinician's guide to anxiety sensitivity treatment and assessment*. — Academic Press. P. 55–75. DOI: 10.1016/B978-0-12-813495-5.00004-8
- Trepiak P., Trepiak T., Guérin-Marion C., Kristen A., Deneault A.-A. (2023). A systematic review and meta-analysis of the associations between father and child anxiety and depression // *Psychology of Men & Masculinities*. Vol. 24(4). P. 325–345. DOI: 10.1037/men0000413
- Wisner K.L., Moses-Kolko E.L., Sit D.K. (2010). Postpartum depression: a disorder in search of a definition // *Archives of women's mental health*. Vol. 13(1). P. 37–40. DOI: 10.1007/s00737-009-0119-9
- Yonker J.E., Schnabelrauch C.A., DeHaan L.G. (2012). The relationship between spirituality and religiosity on psychological outcomes in adolescents and emerging adults: A meta-analytic review // *Journal of Adolescence*. Vol. 35(2). P. 299–314. DOI: 10.1016/j.adolescence.2011.08.010
- Zemtsov S.P., Baburin V.L. (2020). Risks of morbidity and mortality during the COVID-19 pandemic in Russian regions // *Population and economics*. Vol. 4(2). P. 158–181. DOI: 10.3897/popecon.4.e54055

Аспирантура ИП РАН 2026 г.

ИНСТИТУТ
ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

высокие технологии
и познание человека

Аспирантура ИПРАН – путь в большую науку!

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ

5.3. – Психология

5.3.1 – Общая психология, психология личности, история психологии

5.3.2 – Психофизиология

5.3.3 – Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика

5.3.5 – Социальная психология, политическая и экономическая психология

5.3.7 – Возрастная психология

5.12. – Когнитивные науки

5.12.1 – Междисциплинарные исследования когнитивных процессов

СПОСОБЫ ПОДАЧИ ЗАЯВОК НА ОБУЧЕНИЕ

- через портал Госуслуг
- по электронной почте: priemasp@ipran.ru
- лично по адресу: г. Москва, ул. Ярославская, д.13, м. ВДНХ (Институт психологии РАН), 2 этаж, отдел аспирантуры, каб. 236, ВТ, СР, ЧТ с 11.00 до 18.00

КАЛЕНДАРЬ ПРИЕМА

31 августа – 15 сентября

Прием документов для участия в конкурсе

17 сентября – 02 октября

Вступительные испытания

12 октября

Приказ о зачислении

<https://ipran.ru/аспирантура-ип-ран/>

priemasp@ipran.ru

+7(495)682-53-42